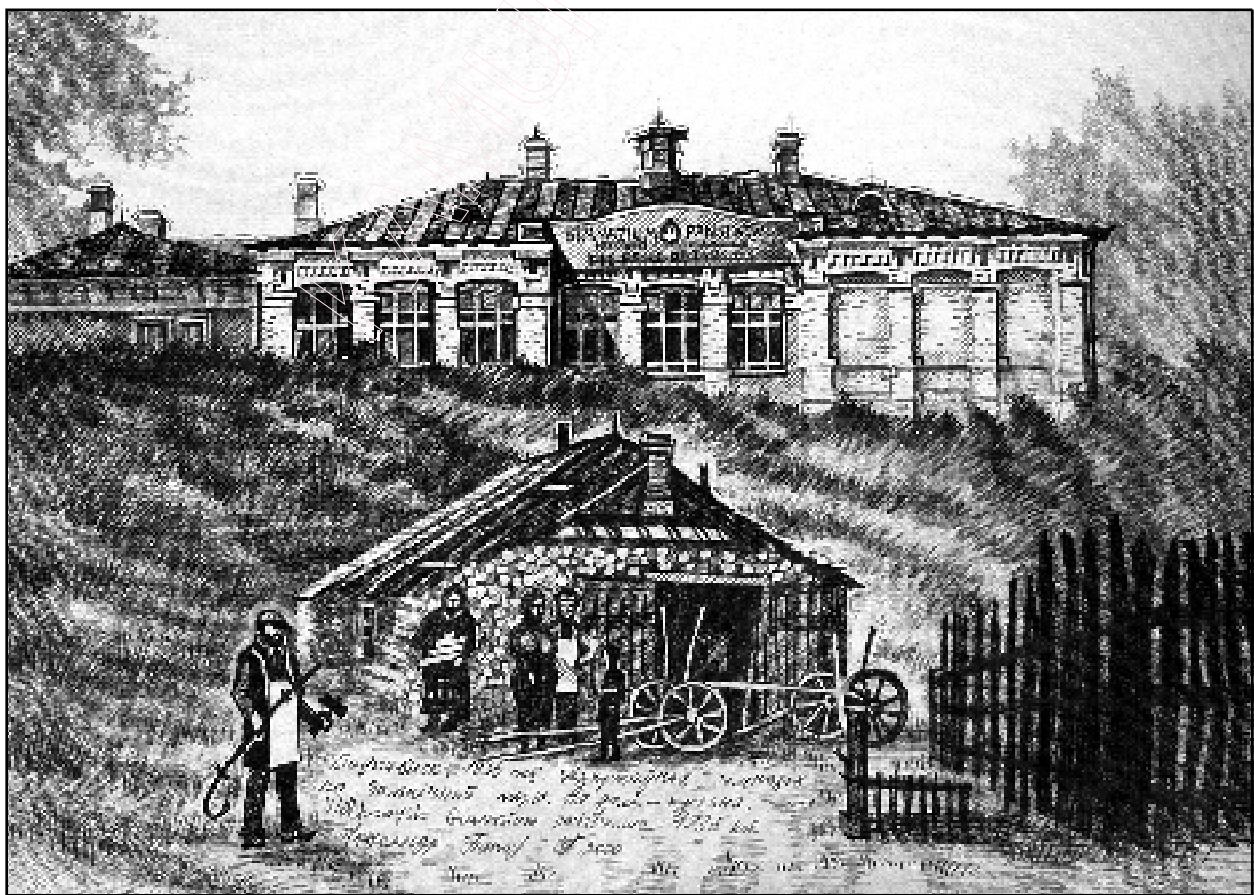

Ваўкаўшчына

Краязнаўчы часопіс

№ 5 2007 г.

Змесцт часопіса

1. Аляксей Шаланда. Сапраўдны гербоўнік шляхты Ваўкаўскага павета ВКЛ у 16-18 ст. 1
2. Вітальд Карпыза, Генадзь Семянчук. «Патоп» у Ваўкаўскім павеце.....10
3. Крестоприводная книга шляхты ВКЛ 1655 г. Волковыский повет.....15
4. Договор аренды имения Михайловка в 1911 году.....24
5. Вітальд Карпыза. Мачуліна.....27
6. Генеалогія роду Аллендзкіх мачулінскай лініі.....30
7. Вітальд Карпыза. Дзіцячыя гады на роднай зямлі.....34
8. Николай Быховцев. Волковыск межвоенный: транспорт, коммуникации, связь.....41
9. Николай Быховцев. Семь суток войны.....50

Рэдактар Мікалай Быхаўцаў
Надрукавана на абсталяванні сяброў
Наклад 200 паасобнікаў

Распаўсюджваецца бясплатна на правах унутранай дакументацыі грамадской арганізацыі, якая спрычынілася дзеля яго выдання: Ваўкаўскай раенай арганізацыі ТБМ (Таварыства беларускай мовы) імя Ф. Скарыны

Аўтары цалкам нясуць адказнасць за дакладнасць сваіх матэрыялаў. Пры перадруку артыкулаў альбо іх часткі спасылка на часопіс і аўтара артыкула абавязкова

Адрас для контактаў:
Ваўкаўск-231900, п/с № 38, Быхаўцеву Мікалаю
Электронны адрес: byhaucau@tut.by

На першай старонцы вокладкі польская гімназія імя караля Стэфана Баторыя па вуліцы Гімназійнай (сучасная Школьная). Будынак гімназіі быў знішчаны 27 чэрвеня 1941 г. пад час бамбардзіроўкі горада. Унізе прыватная кузня. Малюнак Аляксандра Папова

Сапраўдны гербоўнік шляхты Ваўкавыскага павета ВКЛ у XVI–XVIII ст.

Аляксей Шаланда

Працяг. Пачатак у № 1-4.

(29). Быхавец Юстына, зямянка гаспадарская Ваўкавыскага павета, 1653.

Герб: на тарчы чатырохкутнік з простымі крыжамі, якія выходзяць зверху і знізу, над тарчай гелм з каронай, у кляйноце трох пёры ставуса, вакол тарчы намёт, па баках кляйнота ініцыялы: “*I[ustyna] B[ychowiec]*”.

Пячатка: адб., фк, 10x11 мм, к [9, ф.1664, воп.1, спр.28, а.1 адв.].

14 каstryчніка 1653 г. у Хруставе **Юры Крыштафавіч Алендскі**,

суддзя земскі ваўкавыскі запячатаў пячаткай жонкі Юстыны Быхавец свой асабісты ліст да Базыля Быхаўца. Падпісаўся: “*Jerzy Olendsky S: Z: W: mp*”. У гэтым жа лісце Ю.Быхаўцова Аленская зрабіла ад сябе прыпіску, дзе назвала Базыля Быхаўца стрыем. Падпісалася: “*JBOlendska*”.

Род Быхаўцаў паходзіў са Смаленскай зямлі, але прозвішча сведчыць пра тое, што родапачынальнік быў ураджэнцам Быхава. У 1510 г. кароль польскі і вялікі князь літоўскі Жыгімонт Стары надаў родным братам Васілю і Васікі Мітковічам Быхаўцам, смаленскім баярам 12 незаселяных вёсак у Дарсунішкім павеце, а ў 1514 г., відаць, пасля страты Смаленска, дадаў Васікі яшчэ 8 вёсак. Яшчэ адзін іх брат Андрэй Мітковіч Быхавец, дваранін ЯКМ у 1536 г. ад таго ж Жыгімonta Старога атрымаў розныя землі ў Троцкім павеце [39, с.18]. Б.Папроцкі першым згадаў Быхаўцаў, праўда, з перакручаным прозвішчам: “*Bichowscy w trockiem*”, а іх герб называў “*Magila*” [1, с.867]. В.Каяловіч зафіксаваў Быхаўцаў ужо як у Троцкім, так і ў Менскім ваяводствах, а пра герб удакладніў, што яны ўжываюць “*Mogily ze dwiema krzyzami*” [3, с.168]. Так, у гербоўніках за гербам Быхаўцаў замацавалася назва “*Magila*”, якая тлумачыла іх клейнавы гербавы знак. У сваю чаргу, К.Нясецкі прыйшоў да памылковай думкі, што “*Быхаўцы г ербу Magila*” і жамойты Білевічы таксама гербу “*Magila*” – адзін род [4, Т.2, с.374].

Згаданы ў лісце Базыль Быхавец быў віленскім гродскім пісарам у 1623–1632 г. [49, с.135]. У 1622–1628 г. ён судзіўся з Андрэем Вінкам па справе аб межах іх маёнткаў Тайкачэвічы і Шацк у Менскім ваяводстве. Апошні абвінавачваў Базыля сярод іншага ў тым, што “*пан Быхавец на поедынок его пна Винка вызываль отповед и похвалку чыниль*” [21, КП 15129, а.2 адв.]. У 1640–1645 г. меў судовую справу з Аляксандрам Кердзевічам Замайскім аб доўту ў памеры 627 злотых польскіх [9, ф.1664, воп.1, спр.128, а.1; спр.130, а.1–2; 21, КП 15111, а.1–1 адв.]. Займаўся гаспадаркай, вырабляў з лесу “*wanczos, pypple y tarcice*”, вёў гандлёвыя і фінансавыя справы ў Вільні і Карагляўцы (Прусія) [9, ф.1664, воп.1, спр.107, а.1 адв.; спр.127, а.1; спр.244, а.1]. У 1641 г. (па стану на 27 ліпеня) валодаў маёнткамі Бакшты, Кавалевічы, Сяргеевічы, Таўкачэвічы, Хатляны, Касцюковічы і Грэбені ў Менскім ваяводстве (77 валокаў) [9, ф.1664, воп.1, спр.745, а.1]. 13 ліпеня 1647 г. Базыль Быхавец заставіў на тро

гады за 2 000 злотых польскіх Гераніму Дзежыцу, лідскаму мечніку маёнтак Падаўгі ў Троцкім ваводстве [9, ф.1664, воп.1, спр.720, а.1–4]. У 1651 г. валодаў у tym жа Менскім ваяводстве маёнткам Сідаровічы [9, ф.1664, воп.1, спр.137, а.1]. Памёр без нашчадкаў пасля 14.10.1653 г. Роднымі братамі Базыля Быхаўца былі Януш і Аляксандар Пракоп [9, ф.1664, воп.1, спр.135, а.1; спр.743, а.1; 21, КП 15129, а.2]. Бацька іх нам не вядомы.

Януш Быхавец меў за жонку княжну Ганну Друцкую Горскую, маршалкоўну аршанскую, памёр да 8 мая 1622 г. Валодаў купленымі маёнткамі Таўкачэвічы (з 1617 г.) і Грэбені Дудзічы (з 1621 г.) у Менскім ваяводстве [9, ф.1664, воп.1, спр.209, а.1; 27, Т.2, с.271]. У 1616–1621 г. трymаў арэндай у суме 5 000 злотых польскіх маёнтак Шацк у tym жа ваяводстве ад князя Аляксандра Галаўчынскага, ваяводы мсціслаўскага [9, ф.1664, воп.1, спр.755, а.1]. Пасля смерці Януша Таўкачэвічы і Грэбені Дудзічы адышлі да брата Базыля, які быў апекунам яго дзяцей: сына Яна і дачкі Леаноры [9, ф.1664, воп.1, спр.770, а.3]. Апошняя ў 1638 г. выхоўвалася ў віленскім кляштары Святой Кацярыны [9, ф.1664, воп.1, спр.875, а.1]. У 1645 г. згадваецца братам Янам як законніца рэгулы Святога Бенедыкта віленскага кляштару Святой Кацярыны [9, ф.1664, воп.1, спр.10, а.1].

Аляксандар Пракоп Быхавец меў за жонку Зоф'ю Белазор, падкамаранку ўпіцкую (бралі шлюб у Вільні 4 лютага 1646 г.) [9, ф.1664, воп.1, спр.135, а.1; спр.533, а.1; 21, КП 9221/a, а.1–4]. Валодаў маёнткамі: Каралёў Мост ў Гарадзенскім павеце (1625 г.), Падаўгі ў Троцкім павеце (1626 г.), Грэбені Дудзічы з вёскамі Дудзічы, Церабелі, Сяргеевічы і Кабылічы (1646 г.) [9, ф.1664, воп.1, спр.125, а.1; спр.126, а.1; спр.768, а.1]. Памёр да 29 1646 г., калі жонка аддала рухомыя рэчы нябошчыка Базылю Быхаўцу. Сярод іх былі: “*Ornat Bialy tabinowy zstula y Manipularzem z Herbecm Nieboszczykowskim, Ornat Czerwony Adamaszkowy zstula Manipularzem yz Herbecm Nieboszczykowskim, ... Mszal Rzym.[ski], Kielich srebrny zlocisty z patena na ktorym Herb nieboszczykowski...*” [9, ф.1664, воп.1, спр.68, а.1, 2]. Звернем увагу на тое, што аўтар згаданага рэестру – сам Базыль Быхавец – не называе герб брата “*Magilai*”. У сувязі з гэтым, або такую назну свайго гербу ў 1646 г. Быхаўцы яшчэ не ўжывалі, або пад “*гербам нябошчыка*” Базылём разумеўся асабісты складаны герб Аляксандра Пракопа Быхаўца, што малавер агодна.

Калі зыходзіць з таго, што Юстына Быхавец з мужам у лісце пытаюцца ў Базыля Быхаўца пра праўдзівасць чутак: “*jakoby (czeo Boze uchoway) steo swiata miała ustapic do gurnich niebieskich palacow panna Bychowcowa Synowica Wm meo ... pana A curka ... pani Stetkiewiczowej Chorazyney Pinskiej*’ ...” [9, ф.1664, воп.1, спр.28, а.1], то тады Аляксандар Пракоп Быхавец з Зоф'яй Белазор меў дачку. Пасля смерці мужа Зоф'я да 7 красавіка 1650 г. другі раз выйшла замуж за Вільгельма Стэткевіча, харужага менскага ² [9, ф.1664, воп.1, спр.123, а.1].

Юстына Быхавец як пляменніца Базыля Быхаўца магла быць толькі старэйшай дачкой Януша Быхаўца. Яшчэ пры жыцці бацькі яна была выдадзена замуж за Юрэя Алендскага. І аа? аааай і у+аоеа Ѿаа сусёаі а аб сапраўдным кляйноце ўласнага гербу Быхаўцаў.

(30). Быхавец Самуэль Дабрагост Банавентура, зямянін гаспадарскі Ваўкавыскага павета, староста люцынскі, 1695.

Герб: на тарчы два чатырохкутнікі, ўпісаныя адзін у адзін, зверху ізнізу большага выходзяць два простиля крыжы, над тарчай карона, па баках тарчы дзве галінкі, перавязаныя ўнізе, надпіс у аточку пячаткі: “*+ SAMVEL . BYCHOWIEC STAROSTA • LVCINSKI*”.

Пячатка: адб., пк, 26x32 мм, в [9, ф.1664, воп.1, спр.245, а.1].

-
1. Тут памылка, трэба “*Minskij*”.
 2. Паводле Т.Жыхлінскага, Зоф'я Белазор, дачка Станіслава, падкаморыя ўпіцкага першы раз была замужам за Вільгельмам Стэткевічам, а другі раз – за Людвікам Зэльскім [50, с.8]. На самой справе гэта былі яе другі і трэці шлюбы.

24 кастрычніка 1695 г. у Лыскаве Самуэль Дабрагост Быхавец, староста люцынскі склаў контракт з гарадзенскім муляром Балтрамеям Гадэвічам на пабудову ў дзвух яго лыскоўскіх дамах склепу, коміну, печы і выбрукоўку сеняў за 150 злотых польскіх і пракорм. Падпісаўся: “*Samuel Dobrogost Bychowiec SL mp*”.

Самуэль Дабрагост быў сынам Яна Янушавіча Быхаўца, стольніка віцебскага і Крыстыны Войны [9, ф.1664, воп.1, спр.150, а.1]. Як было сказана вышэй, Ян Янушавіч пасля смерці бацькі выхоўваўся апякунам – стрыем Базылём Быхаўцам. У маладосці ён вучыўся ў Віленскім езуіцкім калегіуме і Акадэміі, быў “*patowiony do zakonu Jchmscow Oycow Soietatio Jesu w Wilnie y mieszkalem miedzy nimi lat kilka*”, аднак, хутка пакінуў Ордэн, бо “*nie mial do niego powolania Bozego*” [9, ф.1664, воп.1, спр.10, а.1–1 адв.]. У 1652 г. (па стану на 10 ліпеня) Ян Быхавец валодаў у Менскім ваяводстве маёнткам Таўкачэвічы з вёскамі Таўкачэвічы (57 дымоў), Хатляны (76), Кавалевічы (35), Любячы (14), Касцюковічы (18) – усяго 200 дымоў [9, ф.1664, воп.1, спр.745, а.2]. У 1656 г. загінуў у бітве са шведамі пад Варшавай [26, Т.ІІ, с.103]. 12 жніўня таго ж года жонка была ўведзена ў валоданне маёнткам Таўкачэвічы “*po zabitym podczas Batalij mezu Janie Bychowci*” [9, ф.1664, воп.1, спр.307, а.1 адв.].

Маці Самуэля Дабрагоста Быхаўца – Крыстына Феліцыяна была адзінай дачкой Лукаша Андрэявіча Войны († 1650 г.), харужага Ваўкавыскага павета і Ізабелі Аляксандраўны Масальскай († 1673 г.), каштэлянкі берасцейскай (2v. *Уладзіслаў Казаноўскі*; 3v. Крыштаф Марцінавіч Валадковіч, ваявода наваградскі). Пасля смерці Яна Быхаўца Крыстына другі раз выйшла замуж за Якуба Тэадора Кунцэвіча, ваяводу берасцейскага, старосту каняўскага і дубіцкага (1663 г.) [9, ф.1664, воп.1, спр.869, а.3 адв.; 19, с.180, 182; 27, Т.2, с.271]. Памерла да 26 студзеня 1685 г. [9, ф.1664, воп.1, спр.29, а.1].

Самуэль Дабрагост Банавентура Быхавец быў спярша падчашым менскім (1676 г.) і старостай люцынскім (ужо ад 1678 г.), пазней – стольнікам менскім (1698 г.). Ён першым з Быхаўцаў у канцы XVII ст. пераехаў у Ваўкавыскі павет з Менскага ваяводства – паводле вячыстага запісу маці ад 20 студзеня 1676 г. Самуэль Дабрагост атрымаў тут маёнтак Лыскава [9, ф.1664, воп.1, спр.529, а.3 адв.]. У 1685 г. з паловы Лыскава выплаціў 115 злотых “*tylko od glow prostego stanu*” [9, ф.1664, воп.1, спр.588, а.8]. Другая палова дзякуючы падзелу ад 19 мая 1685 г. належала яго прыроднаму брату Якубу Дамініку Кунцэвічу, ваяводзічу берасцейскаму [9, ф.1664, воп.1, спр.73, а.1 адв.]. Але ў 1690 г. Самуэль Дабрагост валодаў ўжо ўсім маёнткам Лыскава з мястэчкам Лыскава, з жыдамі, з карчмой і дзвум млынамі (33 дымы), з лыскоўскай воласцю (60) – усяго 93 дымамі [9, ф.1664, воп.1, спр.589, а.1–1 адв.; 19, с.182]. Як сведчыць вадзяны знак на паперы контракта 1695 г. менавіта Самуэль Дабрагост Быхавец з’яўляўся заснавальнікам лыскоўскай паперні³.

Таксама ў Лідскім павеце Самуэль Дабрагост меў маёнтак Глубокае з вёскамі Раганічы, Галоўцы, Ляхаўцы і Савічы – усяго 31 дым [44, с.216]. Гэта была ўласнасць яго жонкі – Крыстыны Дэнгоф, каштэлянкі віцебскай. Яна была дачкой Яна Дэнгофа, цівуна віленскага, каштэляна віцебскага і Ганны Крыштоўскай, харужанкі віленскай [9, ф.1664, воп.1, спр.536, а.1–1 адв., 4–4 адв., 5]. Акрамя гэтага, як вынікае з дзельчага ліста ад 31 жніўня 1682 г. паміж сёстрамі Марыянай і Крыстынай Дэнгофаўнамі, каштэлянкамі віцебскімі, з матчыных маёнткаў апошняя разам з мужам Самуэлем Дабрагостам Быхаўцам атрымала Шацк у Менскім і Рагачы ў Берасцейскім ваяводствах [9, ф.1664, воп.1, спр.141, а.2–2 адв.]. У Горадні Самуэль

3. Вадзяны знак уяўляў сабой тарчу падзеленую на дзве часткі, дзе ў правай быў герб Быхаўцаў “*Magila*”, а ў левай – уласны герб Дэнгофаў (гл.мал.) [58, с.100].

Дабрагост валодаў дваром на вуліцы Залатой. Ён быў на пляцы, купленым 10 чэрвеня 1691 г. у ксяндза Паўла Хмялеўскага, Яна Гамоцкага і яго жонкі Марыяны Дзіваўны за 1 100 злотых [9, ф.1664, воп.1, спр.70, а.1; спр.108, а.1–2].

Некалькі разоў Саму эль Дабрагост Быхавец асуджаўся на баніцыю. Як сведчыць баніцыйны ліст караля польскага і вялікага князя літоўскага Яна III Сабескага ад 15 сакавіка 1689 г., першы раз – па справе са Стэфанам Багушэвічам, падчашым аршанскім. Яго разам з Юрыем Лукомскім, войскім віцебскім, войтам менскім і Станіславам Клакоцкім суд задворны асэсарскі “яко вечных банитов на инфамию, на горло и на лапане... на вечное зо всех земль и панств наших выволане всказал...” [6, Т.2, с.150; 9, ф.1664, воп.1, спр.894, а.1]. Але да выканання выраку справа не дайшла. Тым не менш, Самуэль Дабрагост, відаць, па гэтай прычыне выехаў са сваіх маёнткаў Таўкачэвічы і Сяргеевічы Менскага ваяводства ў Ваўкаўскі павет. Другі раз ён быў абвешчаны банітам па справе з Янам Антоніем Сахоцкім, лідскім стражнікам і яго жонкай Канстанцыяй Валішэўскай (1v. Даніэль Спасоўскі) судовым дэкрэтам ад 30 красавіка 1700 г. [9, ф.1664, воп.1, спр.150, а.3, 8]. Справа цягнулася аж да самай смерці Самуэля Дабрагоста, які памёр 3 кастрычніка 1709 г., пакінуўшы сыноў: **Яна, Уладзіслава, Людвіка і Міхала († 1726 г.) Быхаўцаў** [9, ф.1664, воп.1, спр.73, а.1–2 адв.; спр.871, а.46].

Сярод рэчаў у рэестры, падпісаным самым Самуэлем Дабрагостам Быхаўцам у 1678 г., згадваюцца: “...spraw fastykulow 4 roznych...; ...Xieg Wielkich 6; malych 10; Officium Wielkie z srebnemi clausurami przy ktorym gwiazd srebnych 10; Xiega do Pisania oraty ect; ...Szkatula wielka ze sprawami roznemi; szkatulla kalamarzowa w ktorey Pieczec srebna, nozyczki ect; Obraz Panny Naswietszej przy ktorzym szafierow Dziewiec we srebro oprawnych; Skarbiec Szacki spisany... Skrzynia z sprawami; ...Spraw fastykulow 3 u Przywilej Pargaminowy ziedwabnym sznurem; Skarbiec Tolkaczewski spisany... Xieg roznych 20, notacie zwiazane; ...Zelazo do herbowania” [9, ф.1664, воп.1, спр.69, а.1–2 адв.]. Згаданым жалезам, відаць, і быў зроблены адбітак апісанай вышэй гербавай пячаткі. З рэестру таксама вынікае, што бібліятэка і архіў Самуэля Дабрагоста Быхаўца былі даволі вялікія. Звяртаюць на сябе ўвагу “Кніга для запісаў казанняў і іни.”, а таксама “звязаныя нататкі”. Ці не тут дзе крылася перапісаная лацінкай “Хроніка”, якая пазней стала вядома як “Хроніка Быхаўца”?

(31). Быхавец Ян Казімер, ксёндз, канцлер Віленскай дыяцэзіі, воўпенскі пр обашч, 1714.

Герб: тарча падзелена на чатыры часткі, у 1-ай – чатырохкутнік, сярэдзіна якога заштырхавана (чырвоны), з простымі крыжамі, што выходзяць зверху і знизу; у 2-ой – галава дзіка з ікламі; у 3-ай – трывубы з матузкамі, злучаныя ў вехер (“Трубы”), у 4-ай – страла вастрыём дагары на лукаватай падставе (“Адравуж”), над тарчай – карона, вакол тарчы дзве галінкі, перакрыжаваныя ўнізе.

Пячатка: адб., чрв/c., 16x18 мм, в [9, ф.1664, воп.1, спр.871, а.34 адв.].

У 1714 г. у Вільні ксёндз Ян Быхавец разам з братамі **Людвікам і Міхалам** выдаў **Уладзіславу Быхаўцу**, падчашаму менскаму, суддзі Трыбуналу ВКЛ ліст з пунктамі паразумення з лыскуўскім кляштарам закону Святога Базыля Вялікага па справе аб іх прэтэнзіях на фальварак Шпакаў. Падпісаўся: “Jan Bychowiec Kanclerz Diecezyey Wilenskieu Proboszcz Wolpienski mp”.

Ксёндз Ян Казімер – старэйшы сын Самуэля Дабрагоста Быхаўца, старосты люцынскага і Крыстыны Дэнгоф. У 1-м полі яго асабістага герба быў уласны родавы герб (“Магіла”), у 2-м – уласны герб маці, у 3-м – герб бабкі па бацьку Крыстыны Войны (“Трубы”), у 4-м – герб бабкі па маці Ганны Крышкоўскай (“Адравуж”) [26, Т.VIII, с.133; 27, Т.13, с.28].

Духоўную кар’еру для сына абраў бацькі. Пра гэта сведчыць асабісты ліст ад 13 мая 1695 г. яго маці Крыстыны Дэнгофаўны Быхаўцовай да біскупа перамышленскага, у якім яна

з падзякай згадвае біскупа віленскага, які спрыяў прызначэнню Яна Казімера “*na pierszy Gradus Kaplanski*” [9, ф.1664, воп.1, спр.21, а.1]. Сапраўды, ўжо 18 верасня 1695 г. ён пасля ксяндза Мацея Анцуты, каноніка смаленскага быў прызначаны адміністраторам лыськоўскай плябаніі “з волі” біскупа віленскага Канстанціна Бжастоўскага [9, ф.1664, воп.1, спр.149, а.1]. Для другіх сваіх сыноў маці прасіла ў біскупа перамышленскага або пасаду пісара ВКЛ (“*O Wakans Pisarstwa Litewskiego*”), або харужага ВКЛ (“*Jakosz teraz Wakuie Chorastwo WLitt iezeli mozna a w samey rzeczy niezyie Jeomsc Pan chorazy Wielkiego XLitt Bo nie w Litwie ale w podgurzu Vmarl*⁵ smiala bym ote laske prosic aby my mieli na te chorastwo Przywiley”) або хаця б якое-небудзь староства (“*przynamniew... starostwo ktore na nas pokornie wyprawic prosze. Bo dwa Starostwa vakuia iedne Mscibow a drugie Tryszki*”) [9, ф.1664, воп.1, спр.21, а.1].

У 1711 г. Ян Казімер Быхавец згадваеца як ксёндз Віленскай дыяцэзіі, у 1712 г. – як канцлер Віленскай дыяцэзіі і віленскі пробашч [9, ф.1664, воп.1, спр.92, а.1; спр.873, а.8]. Ужо ў 1719 г. ён – віленскі канонік [9, ф.1664, воп.1, спр.157, а.1]. 24 красавіка 1723 г. ксёндз Ян Быхавец, канонік віленскі, пробашч і плябан воўпенскі аддаў у арэнду на год за 80 бітых таліраў Тамашу Насілоўскаму, чашніку Бельскай зямлі і яго жонцы Яганне Шарэйкоўне маёntак Одла *alias* Плябанаўцы ў Гарадзенскім павеце, які быў яму дадзены “*od Przeswietney Kapituly naszey Wilenskieu*” [9, ф.1664, воп.1, спр.840, а.1]. 30 сакавіка 1724 г. ён з братамі выдаў Матэву шу Дэрлінгу, паперніку лыськоўскаму контракт на арэнду іх паперні ў вёсцы Агароднікі на 3 гады за 300 злотых у год [9, ф.1664, воп.1, спр.93, а.1–1 адв.]. У 1743 г. – ён ужо кантар і пралат віленскі [9, ф.1664, воп.1, спр.160, а.1]. Памёр у 1754 г. [9, ф.1664, воп.1, спр.259, а.1].

Як вынікае з чарнавіку яго тэстаменту (захаваўся без канца, пісаны паміж 1750 і 1754 г.), ксёндз Ян Быхавец, кантар і пралат катэдральны віленскі, пробашч воўпенскі і лыськоўскі разам з Андрэем Храбтовічам, гарадзенскім стольнікам “...uczynilem Fundacya w Dobrach moich Dziedzicznych miescie Lyskowie WWJchMsciw Xiezy Myssionarzow instituti Sancti Vincentij a Paulo, aby na tym mieyscu a nie inszym perpetuis temporibus mieli swoja rezydencya, y tam mieszkajac za Dusze moja S:P:Rodzicow moich Braci y krewnych moich zyjaczych y niezyjacych Maiestat Boski Blagali, Chwale Boska pomnazali, y Naukami Apostolskimi ludowi obojego obrzadku Lacinskiego y Greckiego pomoc zbawienia czymili, odprawujac czeste po roznych mieyscach Xiestwa Litewskiego Missye vigore sui instituti, na ktoro nowa Fundacya wyplacilem y oddalem do rak WWJchMsciw Xiezy Missyonarzow Lyskowskich summy gotowey [20 000] złotych polskich, osobliwie zas Dwa Folwarki w Powiecie Wolkowskim lezace Hrusko nazwane niedaleko Miasta Lyskowa sytuowane...” [9, ф.1664, воп.1, спр.7, а.1]. Ім жа ён перадаў разам з іншай рухомасцю свае кнігі: “*Xiegi moje oddalem*” [9, ф.1664, воп.1, спр.7, а.1 адв.]. Пахаваць сябе ксёндз Ян прасіў або ў віленскім касцёле ксяндзоў Місіянераў (“*jezeli w Wilnie wieku Dokonam*”), або ў лыськоўскім парафіяльным касцёле “*w grobie Oycow moich*” (“*jezeli zas w kraju Wolkowskim smierc mie z Woli Boskieu zakroczy*”). Усе свае маёntki (“*Dziedzictwa mojego Lyskowskiego y Fortun Ruskich Dziedzicznych w zastawie bedacych czesc trzecia miedzy nami Bracia na mnie Nalezaca*”) дароўным правам ён адпісаў пляменніку – сыну брата Ўладзіслава – Яну Мікалаю Быхаўцу, судзічу земскому ваўкавыскаму. Свой залаты кананічны кръж з залатым ланцужком ксёндз Ян Быхавец перадаў у віленскі катэдральны касцёл “*do Kaplicy Jmienia Maryi ktorey kaplicy jestem Probosczem, azeby ten krzyzyk w tezye Kaplicy na Oltarzu Nayswieszey Panny zawsze byl zawieszony*” [9, ф.1664, воп.1, спр.7, а.1 адв.–2 адв.].

(32). Быхавец Людвік, пікар скарбовы ВКЛ, 1726.

Герб: на картушы чатырохкутнік, сярэдзіна якога заштырхавана (зялёны), з простымі кръжамі, што выходзяць зверху і знізу, над картушом шляхецкая карона.

Пячатка: адб., чрв/с, 13x14 мм, в [9, ф.1664, воп.1, спр.538, а.1 адв.].

20 верасня 1726 г. у Нядзьвецку Людвік Быхавец, пікар скарбовы ВКЛ выдаў

4. У 1690–1695 г. пісарам вялікім ВКЛ быў Канстанцін Ян Шуйскі [48, s.130].

5. Ян Казімер Пац, староста ўсвяцкі, харужы надворны ВКЛ у 1687–1695 г. [48, s.31].

свой пленіпатэнцыйны ліст **Уладзіславу Быхаўцу**, харужаму пяцігорскому знаку Пана падкаморыя ВКЛ⁶. У ім ён перадаваў брату правы на сваё частку маёнтку Галэмбюв у Прусіі польскай з-за таго, што: “*ta pomieniona Maietnosc Golebiow iest nam odlegla*”. Згаданы маёнтак быў спадчынай па смерці іх цёткі Канстанцыі Дэнгофаўны Любавецкай, старосцінай асвяцімскай. Падпісаўся: “*Ludwik Bychowiec Pisarz Skarbowy WXLto mp*”. Сярод сведкаў былі Міхал Сурын, падстолі мсціслаўскі, Казімер Дырмунт Сівіцкі, Якуб Брындза.

Людвік – брат ксяндза **Яна і Ўладзіслава Тадэвуша Быхаўца** – у 1720–1734 г. займаў пасаду пісара скарбовага ВКЛ. Памёр пасля 6 лістапада 1734 г. [48, с.117]. У Ваўкаўскім павеце валодаў маёнткам Нядзьвецк (1731 г.) і сваёй часткай Лыскава. Жонкай яго была Людовіка Тызенгаўз († 26 чэрвеня 1736 г.). Пакінуў адзіную дачку Ружу ці Розалію [9, ф.1664, воп.1, спр.71, а.1; спр.160, а.1; спр.163, а.3].

Для апошняй пасля смерці маці 29 чэрвеня 1736 г. апяку нам ксяндзом Янам Быхаўцам са згоды другога апякуна – яго брата Ўладзіслава Быхаўца “*Tribunalis MagniDucatus Lituania & Castrensis Volcoviscens[is] Judicis*”, у прысутнасці прыяцеляў-гячатароў **Антонія Казімера Шэмета і Хрызастома Вярэнкі**, каморніка земскага ваўкаўскага была складзена “Рэвізія” спраў, дакументаў, кляйнотаў і іншай рухомасці, дзе сярод іншага згадваліся бацькоўскія: “...*Przywileje na Pisarstwo y Gleyta ruzne... Pas Perski ze srybrem karmazynowy... Woz skarbny kowany skura obity... Skrzynia Czerwona skura okowana z Herbec Mogila na Wierzchu... Xieg 4...*” [9, ф.1664, воп.1, спр.71, а.3 адв., 4, 7]. Звяртае на сябе ўвагу тое, што герб Быхаўца названы ў “Рэвізіі” “*Magilai*”. Калі ўлічыць, што гербоўнік К.Нясецкага не быў яшчэ надрукаваны (першы том выйшаў у 1728 г.), то такая назва магла быць запазычана толькі з працы Б.Папроцкага і рукапісу В.Каяловіча. Згадка пра 4 кнігі Людвіка, а таксама пра кнігі ксяндза Яна (у яго тэстаменце) і кнігу Ўладзіслава Быхаўца (гл. ніжэй) магчыма сведчыць, што бацькоўская бібліятэка была падзелена паміж братамі.

Дачка Людвіка Быхаўца Ружа ці Розалія ў 1745 г. ва ўзросце 14 гадоў таемна ад сваіх апякуноў-stryяў выйшла замуж за Адама Біспінга, старадубаўскага чашніка і ўцякла разам з ім: “*Nie bylo zadney wiolencyi bo nawed meza mego nie bylo na dziedzincu ale mie na goscinci czekal dokad za dobrowolnie wyszlam y tam poiazd gotowy zastawszy poglug imowy naszey z mezem moim poiachalam do Dobr meza mego do Kolonny*” [9, ф.1664, воп.1, спр.3, а.1 адв.]. Аднак, шлюб быў скасаваны і Ружа ўжо ў тым жа годзе была выдадзена замуж за Дамініка Антонія Сухадольскага, пісара гродскага ваўкаўскага [9, ф.1664, воп.1, спр.116, а.3; 27, Т.2, с.271]. Памерла пасля 10 мая 1786 г. [9, ф.1664, воп.1, спр.808, а.76].

(33). Быхавец Уладзілаў Тадэвуш, суддзя гродскі Ваўкаўскага павета, 1727.

Герб: у полі пячаткі трывчаты рохкунтнікі, упісаныя адзін у вадзін, зверху і знізу большага выходзяць два простыя крыжы, вакол выявы дзве галінкі, перавязаныя ўнізе, над выявай шляхецкай карона, вакол гербу ініцыялы: “*W[ladyslaw] T[adeusz] B.[ychowiec] S[tarosta] L[ucymski]*”⁷. Пячатка: адб., чрв/c, Ш 19 мм, д [9, ф.1664, воп.1, спр.301, а.1].

19 чэрвеня 1727 г. у Лыскаве Ўладзілаў Тадэвуш Быхавец, суддзя гродскі ваўкаўскі выдаў свой тэстыманіальны ліст Базылю Тарусевічу, змяніну ЯКМ Наваградскага ваяводства, які: “*perseweruiac w Powiecie Wolkowskim, sluzyl roznym JchmPmPm Powietnikom naszym a potym u nam Bychowcom poczesciwie Dotad poko, iego ochota kazala, aze upatrzył sobie iako wolny Czlowiek z zona mieysce w Wdzwie Brzeskim*”⁸ *do mieszkania, zadney do iego*

6. У 1702–1734 г. падкаморыям ВКЛ быў Багуслаў Эрнэст Дэнгоф, палкоўнік пешай кароннай гвардыі [48, с.151].

7. Літара “L” пададзена ў люстранным адбіцці.

8. Базыль Тарусовіч *vel* Тарасовіч з жонкай Соф’яй Тхарніцкай валодаў у Берасцейскім ваяводстве дваром і маёнткам Кракаў, які ляжаў на Сялецкім тракце [9, ф.1664, воп.1, спр.301, а.2].

praetensi y Akcessu niemaiac, te Testimonium iako wolnemu y poczesciwemu Czlowiekowi daie...”.

Падпісаўся: “*Wladyslaw Bychowiec SGW*”.

Уладзілаў Тадэвуш – брат ксяндза **Яна і Людвіка Быхаўцаў** – спярша падчашы менскі (1714–1726 г.), суддзя Галоўнага Трыбуналу ВКЛ (1714 і 1736 г.) і староста люцінскі (1718 г.), харужы пяцігорскі знаку Пана падкаморыя ВКЛ (1725 г.) і стольнік ваўкавыскі (1726 г.) [9, ф.1664, воп.1, спр.110, а.1; спр.537, а.1 адв.], суддзя гродскі ваўкавыскі (1727–1736 г.), затым – падстароста судовы Ваўкавыскага павета (1738–1740 г.) і суддзя земскі ваўкавыскі (1740–1761 г.) [9, ф.1664, воп.1, спр. 156, а.1; спр.173, а.1–1 адв.; спр.215, а.1; спр.502, а.1; спр.778, а.1; спр.804, а.1; спр.887, а.1–1 адв.; 26, Т.ІІ, с.103; 27, Т.2, с.271].

У Ваўкавыскім павеце валодаў маёнткам Раневічы ці Граневічы (1726 г.) і сваёй часткай Лыскава (з Магілёўцамі). Як вынікае з ліста да маці ад 13 кастрычніка 1734 г. Уладзілаў Тадэвуш Быхавец меў 47 дымоў [9, ф.1664, воп.1, спр.13, а.1]. Два разы браў шлюб – першы раз у 1726 г. з Галенай Біспінг, суддзянкай земскай старадубаўскай, якой 5 сакавіка таго ж году заставіў сваю частку Лыскава за 50 000 злотых [9, ф.1664, воп.1, спр.575, а.1]. У 1739 г. яго жонкай была ўжо Марыяна Нінеўская [9, ф.1664, воп.1, спр.173, а.1]. Памёр 10 жніўня 1761 г. [9, ф.1664, воп.1, спр.234, а.5]. Ад першай жонкі меў сына Яна, а ад другой – сына Ігната і трох дачкі: Тэрэзу, Яганну і Францішку [9, ф.1664, воп.1, спр.808, а.11 адв.].

У рэестры розных рухомых рэчаў, які пасля смерці бацькі склаў сын Ян Быхавец, вылучым: “...Xiazke przeciwko kalwinom Lutrom oddalem Jmc Xiedzu Zajaczkowskietu⁹Syget Krwawnikowy sczerozloty z Herbem naszym...” [9, ф.1664, воп.1, спр.234, а.3–3 адв.]. Звернем увагу на тое, што Ян Быхавец не называе герб на сыгнатуре “*Magilai*”.

(33а). Ён жа, падстароста судовы Ваўкавыскага павета, 1740.

Герб: на авальной картушовай тарчы два чатырехокутнікі, упісаныя адзін у вадзін, зверху і знізу большага выходзяць два простирыя крыжы, над картушом шляхецкая карона.

Пячатка: адб., пк, 40x50 мм, д [9, ф.1664, воп.1, спр.784, а.2, 6 (“*pod pieczęcia urzedowa Wolkowska*” 1740)].

Герб Уладзіслава Тадэвуша Быхаўца быў змешчаны на гродскай пячатцы Ваўкавыскага павета, якая цалкам выглядала так: у цэнтры на авальной тарчы літара “M”, з якой выходзіць угору простиры крыж, пад ёй трох ўрубы (герб “Масальскі” зменены), пад ім – герб падстаросты судовага, над тарчай верхняга герба – княжацкая мітра, абодва гербы ляжаць на княжацкім плашчы, надпіс у аточку: “*PIECZEC C GRODZKA ... POWIATV ... WOLKOWYSKIEGO ... RU. 1738.”. Яна была прыкладзенада выпісу з ваўкавыскіх кніг гродскіх ад 11 ліпеня 1740 г. з квітацыйным лістом Тэрэзы з Урэтаў спярша Савіцкай¹⁰, гараднічынай віленскай, а пасля Шуйскай, падсудковай пінскай для Ўладзіслава Тадэвуша і Марыяны з Нінеўскіх Быхаўцаў, падстаростаў судовых Ваўкавыскага павету. У сувязі з тым, што справа датычыла самага падстаросту, склад гродскага суду выглядаў так: Францішак Бяляўскі, староста зарэцкі (на месцы У.Т.Быхаўца), Аляксандр Бяляўскі, канюшы і суддзя гродскі ваўкавыскі, Дамінік Антоні Сухадольскі, пісар гродскі ваўкавыскі. Уладзілаў Тадэвуш Быхавец меў таксама пячатку з манаграмай, якая была была прыкладзена да яго асабістага ліста, пісанага ў Граневічах 30 сакавіка 1726 г. да брата ксяндза Яна. На жаль, ад яе захаваўся толькі фрагмент: *на картушовай авальнай тарчы манаграма, над тарчай*

9. Апошняя вядомая нам згадка пра бібліятэку Быхаўцаў. Ксёндз Заянчкоўскі належаў да ксяндзоў місіянероў лыскоўскіх [9, ф.1664, воп.1, спр.234, а.5 адв.].

10. Міхал Алаізы Савіцкі, чашнік ваўкавыскі, ротмістр ЯКМ, гараднічым віленскім быў у 1713–1726 г. [49, с.105].

шляхецкая карона [9, ф.1664, вол.1, спр.12, а.2 адв.]. Кляйнот адсутнічаў. Калі ўзгадаць, што ў гербе Юстыны Быхавец у кляйноце былі тры пёры с travusa, а на захаваным фрагменце пячаткі сына Ў.Т.Быхаўца – Яна, маршалка Ваўкавыскага павета (на тэстаменце ад 23 снежня 1790 г.) відаць толькі шляхецкая карона без кляйноту [9, ф.1664, вол.1, спр.8, а.1], то вядомы кляйнот гербу “*Magila*” Быхаўцаў у выглядзе ўзнятага ліса паміж дзвух трубаў [27, Т.2, с.271; 56, с.689] трэба аднесці да позніх здабыткаў.

Літаратура і крыніцы:

1. Paprocki B. Herby rycerstwa polskiego 1584.– Krakyw, 1858.– 964 s.
2. Okolski S. Orbis Polonus.– Cracoviae, 1640–1645.– Т.1–3.
3. Kojalowicz Wijuk W. Herbarz rycerstwa W.X. Litewskiego tak zwany Compendium.– Krakyw, 1897.– 527 s.
4. Niesiecki K. Herbarz polski.– Lipsk, 1839–1846.– Т.1–10.
5. Цітоў А. Пячаткі старажытнай Беларусі: Нарысы сферагістыкі.– Мн.: Полымя, 1993.– 239 с.
6. ЭГБ.– Мн.: БелЭн, 1993–2003.– Т.1–6.
7. Любавский М. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута.– М., 1892.
8. Biblioteka Narodowa w Warszawie, Rps. BN III, 9100.
9. НГАБ у Горадні.
10. Wittig W., Dziadulewicz S. Nieznana szlachta polska i jej herby.– Krakyw, 1908.– 436 s.
11. Rachuba A. W sprawie nieznanych Wittygowi nazwisk i herbyw szlacheckich// Heraldyka i okolice./ Red. A.Rachuba, S.Gyrzynski, H.Manikowska.– Warszawa, 2002.– S.143–154.
12. Puzyńska J. Niektyre pieczęcie litewskie z XVI i XVII w// Magazyn heraldyczny.– Warszawa, 1933.– R.XII.– Nr 4.– S.55–58; Nr 5.– S.73–77.
13. Akta Unii Polskiej z Litwą 1385–1791./ Wyd. S.Kutrzeba, W.Semkowicz.– Krakyw, 1932.– 570 s.
14. Шаланда А. Гербы і род Адамовічаў у другой палове XVI–XVII ст// Наш радавод.– Горадня, 1996.– Кн.7.– С.187–190.
15. Шаланда А. Удакладненні да гербу і радаводу Аляхновічаў// Ваўкавышчына: з гісторыі краю і лёсу людзей.– Ваўкавыск, 1997.– С.75–77.
16. Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн.523. Кн.
- Публічных спраў 1./Падрыхт. А.Груша, М.Спрыдонаў, М.Вайтовіч.– Мн.: Бел навука, 2003.– 444 с.
17. РИБ.– Пгд, 1915.– Т.33.– 1378 с.
18. Крестоприводная книга шляхты Великого княжества Литовского 1655 г.: Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв./ Сост. Е.Е.Лыкова, М.Кулецкий.– М.: Древлехранилище, 1999.– Т.IV.– 264с.
19. Metryka Litewska. Rejestry podymnego Wielkiego Księstwa Litewskiego. Województwo nowogrodzkie 1690 r./ Oprac. H.Lulewicz, A.Rachuba.– Warszawa, 2002.– 290 s.
20. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ) ў Менску.
21. ГДГАМ.
22. Bouffall B. Oledzcy herbu Rawicz// Zychlinski T. Złota księga szlachty polskiej.– Poznań, 1891.– R.XIII.– S.247–267.
23. Пластыка Беларусі XII–XVIII ст.– Мн.: Беларусь, 1983.– 231 с.
24. Zychlinski T. Złota księga szlachty polskiej.– Poznań, 1891.– R.XIII.– 405 s.
25. Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od konca czternastego wieku.– Warszawa, 1895.– 698 s.
26. Uruski S. Rodzina. Herbarz szlachty polskiej.– Warszawa, 1904–1931.– Т.I–XV.
27. Boniecki A. Herbarz Polski.– Warszawa, 1899–1913.– Т.1–16.
28. Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV–первой трети XVI в.– М.: Наука, 1988.– 350 с.
29. Шаланда А., Фёдараў І. Палацава-паркавы комплекс у вёсцы Ябланова і яго ўладальнікі ў канцы XVIII–пачатку XIX ст// Сядзібы і паркі Гродзеншчыны.– Гродна, 2004.– Ч.ІI.– С.54–58.
30. Окуневский Г.А. Родословная князей Огинских в Волковысском повете// Ваўкавышчына: з гісторыі краю і лёсу людзей.– Ваўкавыск, 1997.– С.78–82.

31. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Ваўкавыскага раёна.– Мн.: БЕЛТА, 2004.– 528 с.
32. АВАК.– Вільно, 1865–1915.– Т.1–39.
33. Lietuvos Metrika (1528–1547).– Vilnius, 1995.– Kn.6.– 488 s.
34. Semkowicz W. O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachta polska w Horodle roku 1413.// LSP.– Poznań,
1989.– Studia Historica III.– S.7–139.
35. Gumowski M. Pieczęcie krylyw polskich.– Kraków, 1910.– 94 s.
36. БРК ГДГАМ, № 01929/3: Paszkiewicz M. Slady bez zawady JW.JP.Krystyny z Abramowiczyw Oginskiew...– Wilno, 1739.
37. Gyrzynski S., Kochanowski J. Herby szlachty polskiej.– Warszawa, 1992.– 175 s.
38. АІОВР.– СПб., 1865.– Т.2.– 287 c.
39. Boniecki A. Poczet rodyww Wielkim ksiestwie Litewskiem w XV i XVI wieku.– Warszawa, 1887.– 425 s.
40. Гербоўнік беларускай шляхты./ Т.Капіца, А.Леўчык, С.Рыбчонак і інш.– Мн.: БелНДІДАС, 2002.– Т.1.– 493 с.
41. Urzednicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. Ziemia Smolenska i wojewydzwo Smolenskie XIV–XVIII wiek./ Pod red. A.Rachuby. Oprac. H.Lulewicz, A.Rachuba, P.Romaniuk.– Warszawa, 2003.– Т.IV.– 412 s.103
42. Семянчук Г. Попіс шляхты Ваўкавыскага павета 1621 г.// Герольд Litherland.– Горадня, 2004.– № 1–2.– С.44–51.
43. Помнікі мемуарнай літаратуры Беларусі XVII ст.– Мн.: Навука і тэхніка, 1983.– 175 с.
44. Metryka Litewska. Rejestry podymnego Wielkiego Księstwa Litewskigo. Wojewydzwo wilenskie 1690 r./ Opr.
A.Rachuba.– Warszawa, 1989.– 372 s.
45. Kossakowski S.K. Monografie histiryczno-genealogiczne niekturych rodzin polskich.– Warszawa, 1859–1872.– Т.I–III.
46. Гербовник дворянских родов Царства Польского, высочайше утвержденный./ Сост.
Н.И.Павлищев.– Варшава, 1853.– Ч.1–2.
47. Zychlinski T. Zlota ksiega szlachty polskiej.– Poznań, 1881.– R.III.– 380 s.
48. Urzednicy centralni i dostoynicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku. Spisy./ Oprac.
H.Lulewicz,
A.Rachuba.– Kyrnik, 1994.– 255 s.
49. Urzednicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. Wojewydzwo Wilenskie XIV–XVIII wiek./ Pod
red. A.Rachuby.
Oprac. H.Lulewicz, A.Rachuba, P.Romaniuk.– Warszawa, 2004.– Т.I.– 764 s.
50. Zychlinski T. Zlota ksiega szlachty polskiej.– Poznań, 1883.– R.V.– 490 s.
51. Herbarz szlachty prowincji Witebskiej./ Wyd. F.Piekosiński.– Kraków, 1899.– 228 s.
52. Шаланда А. Гербавы “сепаратызм” шляхты ВКЛ у 2 палове XVII–XVIII ст.// Шлях да
ўзаємнасці=Drogaku wzajemnosci. Мат. X Міжнар. навук. канф.: Гродна–Mip, 24 кастрычніка 2002
г./ Падрэд. І.Крэні.– Гродна:
ГАУПП “Гродз. друк.”, 2004.– С.41–47.
53. Pamietnik [1640–1684]. Jan Wladyslaw Poczobut Odlanicki/ Opr.A.Rachuba.– Warszawa, 1987.–
430 s.
54. Kamienski A. Kariera rodu Siemaszkyww XV–XVII wieku.// LSP.– Poznań, 1989.– Studia Historica
III.– S.179–202.
55. Яковеню Н.М. Украінська шляхта. З кінця XIV до середини 1611–XVII ст. (Волынь і
Центральна Україна).– Київ, 1993.– 412 с.
56. Malachowski P. Zbiór nazwisk szlachty z opisem herbyw własnych familiom zostaiacym w
Krylestwie Polskim i Wielkim Księstwie Litewskim.– Lublin, 1805.– 817 s.
57. Амелька С. Шляхецкі род Сямашкаў гербу “Лебедзь”: расселенне, паходжанне і гісторычна-
культурнае значэнне ў XVI–XIX ст.// Герольд Litherland.– Горадня, 2001.– № 1.– С.27–34.
58. Лауцявичюс Э. Бумага в Литве в XV–XVIII веках.– Вільнюс, 1979.– 187 с.

(працяг будзе ў наступных нумарах 2008 г.).

«Патоп» у Ваўкаўскім павеце

Вітальд Карпыза, Генадзь Семянчук

“Патоп” – такім біблейскім словам назавуць ваенныя падзеі ў Рэчы Паспалітай 1650-х гадоў сучаснікі, калі на нашу Радзіму з двух бакоў нахлынулі магутнымі хвалямі дзве мацнейшыя ў Еўропе арміі – шведская і расейская. Не абмінуў “патоп” і Ваўкаўскі павет і асабліва знішчальнім быў у сваёй канечнай фазе. Па сапрайднаму не шведы, а маскоўскае войска пакинула пасля сябе лютую і жорсткую памяць.

Ваўкаўская зямля, будучы часткай Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ), пасля здрады Януша Радзівіла была шведамі ашчаджана, аднак яшчэ бунтавалі некаторыя харугвы і частка шляхты. Яны таксама паспрыялі неразбярысе, якая нішчыла край не менш непрыяцеля.

Аб тым, як паводзілі тут шведы, да нас дайшлі вельмі скупыя звесткі, хадзя мясцовыя людзі да сеняшняга дня многія курганы называюць шведскімі могілкамі. Нават высокую гару ў Ваўкаўску, на якой калісьці знаходзілася абарончае збудаванне, згодна паданню, насыпалі шведы. Іх было так многа, што калі хавалі свайго камандзіра і кожны з салдат прынес на магілу шапку зямлі, то атрымалася вялізная гары, празваная Шведскай (на самай справе назва Шведская гары атрымалася з наступнай прычыны. Калі шведскае войска пайшло далей на ўсход, то свой склад правіянту і ваенны амуніцыі яны змясцілі на высокай гары, каб зручней было ахоўваць. Таму ў людской памяці гары і была злучана са шведамі. – Заўвага рэдактара.). Згодна гісторыка Дзмітрыя Булгакоўскага, які друкаваўся ў “Віленскім вестніку”, у 1656 г. пасля трох дзен асады шведы захапілі ваўкаўскі замак і тым самым выигралі бітву. Але, маючи на ўвазе недахоп адпаведных крыніц, прыняць гэта можна як паданне (у той час у Ваўкаўску ніякага узмоцненага замка не існавала, але бітва, магчыма, адбылася ў іншым месцы). Яшчэ ў міжваенныя гады мінулага 20-га стагоддзя жыхары сучаснай вуліцы Воля, што на беразе ракі Рось, калі рылі пад фундаменты дамоў зямлю, знаходзілі рэшткі людskих пахаванняў і зброі 17-18 ст. ст. Нейкія рэчы час ад часу вымывала вада з берагу ракі. Па ўсіх прыкметах, менавіта тут і адбылася бітва са шведамі. Магчыма, гэта бітва здарылася не ў часы «Патопа», а ў часы Паўночнай вайны 1700-1721 г.г. На жаль, дакументальная крыніца пра падзеі ў Ваўкаўску ў тыя гады адсутнічаюць. – Заўвага рэдактара).

Ваўкаўск узгадваецца ў вядомым рамане Генрыка Сянкевіча “Патоп”, калі пан Заглоба выслаў пана Валадьеўскага з раз’ездам:

- Ну, пан Міхал, прыйшоў час паказаць, што ўмееш! Пойдзеш пад Ваўкаўск і дасі жару тым гультаям, якія безабароннаму гораду пагражаютъ.

Калі фантазія Сянкевіча не панесла, то магло гэта адбыцца ў 1655 г. і гэта была сутычка не са шведамі, а з маскалямі, якія ў тым годзе акупавалі Гродзеншчыну. Валадьеўскі выкананы загад спраўна і нават аб’яднаўся з войскам Паўла Сапегі.

Царскія войскі акупавалі Ваўкаўскі павет да 8 верасня 1655 г. На дзень раней быў захоплены горад Гродна, што адсунула атрады ўдзельнікаў канфедэрациі на чале з Казімірам Хвалібогам Жэрэмскім ў раён Новага Двара ў Ваўкаўскім павеце. У сярэдзіне верасня гэтага ж году расейскія войскі авалодалі канчатковая тэрыторыяй Навагрудскага ваяводства. Сітуацыя для большасці шляхты Ваўкаўскага павету склалася крэтычнай. На заходзе Мазовію і часткова Падляшша акупавалі шведскія войскі, на ўсходзе панавалі маскоўскія. У дадзенай сітуацыі шляхта Ваўкаўскага павету, не выключана, калектыўна на павятовым сейміку, прыняла рашэнне “прысягнуць на вернасць” маскоўскаму цару Аляксею Міхайлавічу. Верагодна, на землях, размешчаных на заход ад дніпроўскай Бярэзіны, расейскія акупаваныя ўлады адносіліся больш цярпіма да мясцовага насельніцтва.

Пасля вялікіх перашапачатковых поспехаў рускіх войскаў у трынаццацігадовай вайне Рэчы Паспалітай і Рәсей 1654-1667 гг. частка шляхты і службовых асоб Вялікага княства Літоўскага прынеслі прысягу цару. У Расійскім архіве старажытных актаў у Маскве захаваўся адзін са спісаў дадзеных асоб. Ён быў складзены ў 1655 г., праз два гады ў 1657 г. перапісаны “набела”.

Яшчэ 19/29 кастрычніка 1655 г. цар Аляксей Міхайлавіч выслаў грамату баярыну князю Сямёну Андрэвічу Урусаўу, які ўзначальваў маскоўскія войскі пад час паходу на Падляшша супроць войскаў ВКЛ на чале з віцебскім ваяводам Паўлам Сапегам. 27 лістапада 1655 г. у ваколіцах Вярховіч, на краю Белавежскай пушчы, адбылося сутыкненне наших войскаў з маскоўскімі. Вынік атрымаўся не вyzначаным. Расейцы адышлі спачатку да Слоніма, а потым – да Вільні. Менавіта ў гэты час С.Урусаў і выканану распараджэнне цара: склаў спіс шляхты і святароў, якія падпарадковаліся яго ўладзе.

Прысягу на вернасць Аляксею Міхайлавічу прынеслі ваявода троцкі Мікалай Стэфан Пац, ваявода Навагрудскі Пётр Казімір Вяжэвіч, палкоўнік Якуб Кунцэвіч, ротміstry, харунжы і шматлікая шляхта Гродзенскага, Слонімскага, Навагрудскага, Лідскага, Ваўкавыскага, Ашмянскага, Аршанскага і Троцкага паветаў. З Ваўкавыскага павету ў спіс унесена 419 асобаў, з іх: Ян Андрэевіч Трызна - стараста Ваўкавыскі, Стэфан Юзэфавіч Карп – маршалак Ваўкавыскі, два стольнікі: Самуэль Самуэлевіч Долмат Ісакоўскі – стольнік валынскі, Томаш Сцяпанавіч Вайніловіч – стольнік мазырскі; трои суддзі: Тэафіл Алендзкі – суддзя гродскі ваўкавыскі, Юры Крыштафовіч Алендзкі – суддзя земскі ваўкавыскі, адзін падчашы ваўкавыскі – Самуэль Паўлавіч Уніхоўскі, ён жа і пісар земскі, і навагрудскі ротмістр; два лоўчых – ваўкавыскі Абрам Янавіч Сухадольскі; адзін суддзя падкаморны Аліцкага павету – Крыштаф Крыштафавіч Алендзкі; трои пісары – Станіслаў Іванавіч Трызна Зурскі, ён жа быў падстарастам ваўкавыскім, Ян Валкошавіч Смугарэўскі (Смугаржэўскі) – пісар земскі і Юры Станіслававіч – пісар гродскі; шэсць ксяндзоў і адзін бацюшка, 31 манахіня бенедыктынкі з Лапеніцкага кляштара. Поўны спіс шляхты Ваўкавыскага павету, якія прысягнулі на вернасць маскоўскаму цару, падаецца ў дадатку да нашага артыкула.

Цар Аляксей Міхайлавіч прызнаваў за шляхтай ВКЛ, якая яму прысягнула, права надалей спакойна валодаць сваімі маёнткамі і вызнаваць каталіцкую веру. Гэта галоўныя прычыны масавага (419 асобаў) прызнання ваўкавыскай шляхтай маскоўскай улады. Праўда, адказ ад прысягі цягнуў за сабой страту маентка, і таму тых, хто адказаўся ад прысягі, было мала. Складаным застаецца адказ на пытанне – ці цалаванне крыжжа перад царскімі ваяводамі было здрадай у адносінах да караля і Рэчы Паспалітай? З пункту гледжання сучаснай мянтальнасці, адказ, бяспрэчна, будзе станоўчым. Тым больш, што ў спісе адсутнічаюць прадстаўнікі тых сем'яў, якія служылі ў рэгулярным войску ВКЛ. Відавочна, нават ў крытычным 1655 г. яны выбралі адыходзіць альбо ў радзівілаўскую Літву (якая аддалася пад кіраванне шведам), альбо на захад ВКЛ пад камандаванне Паўла Сапегі, альбо ў каронную Польшчу, Прусію ці Курляндыю.

У 1656 г. Масква абвясціла вайну Швецыі, і такім чынам у вайне з Рэччу Паспалітай наступіў дзву хадовы перапынак. Па ягоным заканчэнні адбыўся новы ваенны паход маскоўскіх войск на Рэч Паспалітую пад агульным камандаваннем Хаванскаага. Маскалі на гэты раз дайшлі да Гродна і пайшлі далей на Падляшша, каб потым скіраваць на Брэст і захапіць яго. Ваўкавыскі павет апынуўся пад акупацый Масквы.

З Ваўкавыскага павету да Хаванскаага накіраваліся паслы з просьбай аб лагодным абыходжанні з абывацелямі і каб той узяў павет пад сваю апеку:

“Ваўкавыскі і Слонімскі паветы накіраваў паслоў з місіяй да Хаванскаага, - піша ў сваім дзенніку сучаснік тых падзеі Маскевіч, - якія былі ім прынятыя. Ваўкавыск трохі спазніўся і страціў сваіх паслоў, бо іх маскоўская разведка сустрэла па дарозе і забіла. Але дар эмна гэта ім не прайшло – адным пазрубалі галовы, іншых чацвартавалі”. Хаванскі згадзіўся ўзяць павет пад сваю пратэкцыю, але загадаў шляхце прысягнуць на вернасць Богу і “гасудару цару і вялікаму князю Аляксею Міхайлавічу”. Некаторыя прысягнулі быццам

прачыталі малітву, другія адмовіліся і мусілі хавацца або зыйсці. Аднак адказ ад прысягі цягнуў за сабой страту маентка і таму тых, хто адказаўся ад прысягі, было мала. Хучэй за ўсе, Хаванскі на акупаванай тэрыторыі назначаў сваіх ваяводаў і назначыў іх у Ваўкавыску таксама. Яны не толькі ўпраўлялі, але вымушалі шляхту плаціць ім даніну, якая складвалася з прыпасаў той або іншай вескі і маентка.

Адбываліся сутычкі літоўскіх войск з маскоўскімі, асабліва ў 1660 г. Маскевіч у сваім дзенніку ўзгадвае: “Прыйшла літоўская шляхта, якую пан Горскі, мсціслаўскі ваявода, перакінуўшыся да Масквы, прадаў. Атрад вымушаны быў адступіць, адных пабілі, а другіх узялі ў палон”. Але назаўтра пад датай 20 мая 1660 г. Маскевіч удакладняе: “гэта адбылося ў Песках і ні адзін з тога атрада не загінуў, шляхта ў атрада была набраная каля Ваўкавыска, але іншых пабіта нямала”.

З того ж дзенніка ў іншым месцы запісана: “28 мая 1660 г. пра з казака атрымалі паведамленне. Ен ехаў з лістамі ад пана старасты жмудскага да караля і паведаміў, што экіпажам у Ваўкавыск прыехаў рускі ваявода, маскалъ Халешчоў… З Ваўкавыска прыйшоў селянін пана Смагажэўскага і пацвердзіў, што на tym экіпажы разам з ваяводам прыехала 9 маскалеў. Ен жа паведаміў, што Хаванскі з Ляховіч пайшоў у мінскі край”.

Акупанты не толькі рабавалі, але забіралі ў палон людзей, асабліва рамеснікаў, якіх сялілі на сваіх тэрыторыях. Адтуль мала хто вяртаўся. Для прыкладу цытуецца ліст аднаго з такіх палонных, які раней пражываў у Песках Ваўкавыскага павета:

“У ця перашнім 1669 г., жніўня 2 дня, вялікаму цару і вялікаму князю Аляксею Міхайлавічу ўсей Вялікай, Малай і Белай Русі самадзержцу, б’юць чалом адборнага Агаева палка Шэпелева майстры, чужаземцы Юрка Іваноў і Счастко Шынкееў. У 1655 г., калі вялікаму цару Бог памог узяць горад Гродна, а яны тады ў Песках жылі пад вялікім гасударам і пад яго вялікай гасударавай рукой і ў 1658 г. па распаражэнню вялікагагасудара былі ўзяты ў Маскву і адданы ў адборны Агаева полк Шэпелева. У гэтым палку вучылі яны вучняў рамяству і вывучылі каля 30, а яны ўжо далей вывучалі наступных, палкоўнікаў і камандзіраў маскоўскіх, стральцоў Якаўлева, падданых Салаўцова і інных падуладных, а тыя зноў навучалі інных вучняў. А мы ўжо стaryя. А начальнік выплаціў нам належачыя гроши за сакавік і красавік, за май толькі палову, а за чэрвень і ліпень наогул не даў нічога, і яны паміраюць галоднай смерцю. А іх жонкі і дзецы дагэтуль жывуць у Польшчы, і яны з німі ў разлуцы. Няхай вялікі гасудар сміласцівіца… і адправіць іх у каралеўства…”

У 1661 г. войска ВКЛ, не дачакаўшыся выплаты ім грошай, стварыла канфедэрацыю пад кіраўніцтвам Казіміра Жэромскага, віленскага стольніка. Войска пастановіла захапіць некаторую каралеўскую і магнацкую маемасць, жыць і гаспадарыць і карыстацца з захопленай гаспадаркі да таго часу, пакуль дзяржава не выплаціць ім запазычанасці. Хаця ж не ўсе літоўскіе войска так зрабіла, але для краю гэта было вельмі небяспечна. Пры гэтым дайшло да трагедыі, якая здарылася на тэрыторыі Ваўкавыскага павета. З успамін таго часу Пачобута Адляніцкага:

“22 лістапада ў Воўпе ў поўнач адбыўся сход, на якім прысягнулі ўсе, хто там быў. Потым, не могуцы прыняць рашэння, прысягнуўшыя з дапамогай трубы прасігналі збор усяго войска і сабралі іх у касцеле на генеральны сход. Калі ўсе сышліся, не ведаочы, для чаго іх сабралі, то раней прысягнуўшыя прамовілі, што найперш, чым адкрыць сакрэт іх задумкі, трэба, каб усе сабраўшыся прысягнулі. Адны прысягнулі з ахвотай, бо было цікава хутчэй даведацца, пра што ідзе справа, другіх прымусілі прысягнуць. Пасля прысягі перед харугвай выступіў пан Катоўскі, які з вялікім смуткам пачаў перакладаць субстытут, што размова ідзе аб здароўі і славе ўсяго войска, што аб войску хвалюеца, што на нас пасланая татарская арда. Каб не быць галаслоўным, паказаў лісты з лічбавым шыфрам, напісаныя яго міласцю панам канцлерам ВКЛ да яго міласці пана Гасеўскага, падскарбія, Вялікага Гетмана Польнага ВКЛ, на той час начальніка ўсіх камісараў. Сказаў, што ў гэтых лістах ідзе размова пра татарскую арду і арышт дэпутатаў, але, каб спрайдзіць, той зашифрованы ліст ніхто не мог прачытаць.

Адно з гэтага ліста было зразумела, што ў хуткім часе пагражает татарская арда, і калі гэта праўда, то павінны былі з Вільні папярэдзіць аб гэтым, і тады б напэўна аб перахапленні лістоў не думалі.

На гэтай радзе сярод войска началіся спрэчкі: адны былі на баку папулярнага пана падскарбія Гасейскага, падняўшы моцны крык, што татарская пагроза зу сім нічога незначыць, а толькі стварае паніку, іншыя крычалі, пагражаюты Гасейскаму: “Распяць! Пілат!”. Там жа пастанавілі, каб схапіць Гасейскага, але не забіваць. Дзеля гэтага спачатку паслаць да Гасейскага двух дэлегатаў з атрадам, якія б узялі ў яго прысягу, што ен нічога ад войска не скрывае. Калі адмовіцца прысягнуць, то без лішняга шума схапіць яго і з ім адправіцца ў Воўпу”.

Не зважаючи на тое, што многія не пагадзіліся з такім рашэннем, у Вільню адправілі “пана Хлявінскага з 600 вершнікамі”, дзе схапілі Гасейскага і павезлі ў Воўпу. Аднак давезці на места не хапіла цярпення, і Гасейскі быў забіты ў Астрывне. Падобны лес спаткаў і начальніка вайсковай канфедэрацыі, якога падазравалі ў змове з гетманам Гасейскім, якога забілі ў Дубне над Неманам, калі ен там застаўся начаваць.

Аднак забойщаў кара не міавала. Пазней яны былі расстраляны, сярод іх апынуўся і Катоўскі, застуцца Казіміра Жэромскага, якога таксама падазравалі ў змове.

Непаслухміныя жаўнеры каламу цілі воду і далей. Той жа Пачабут Адляніцкі ўзгадвае пра Воўпу: “23 лютага 1668 г. мая чэлядзь, будучы на падпітку, у воўпенскім маентку схапілася з драгунамі пана Казіміра Сапегі, на той час падскарбія ВКЛ. Бойка діашла да такога накалу, што ў драку нават умяшалася дваровая моладзь. Абараняючыся, чэлядзь адступіла да места майго знаходжання, якое было недалека ад Воўпы. Як сярод маіх людзей, так і драгун, было па некалькі параненых, таму пан падскарбій прасіў разабрацца з маей чэляддзю і наказаць павінных. Аднак аказалася, што ў развязванні бойкі павінны былі самі драгуны, абы чым я і паведаміў падскарбія, просічы наказаць віноўных. З-за гэтага падскарбій вельмі разгневаўся на мяне, вызваўшы на паядынак. На што я перад дэлегатамі пана падскарбія паведаміў: “Як перад Богам, прашу вас угаварыць пана падскарбія, каб адмовіўся ад паядынка, бо калі мяне заб’е, то не вялікую славу сабе здабудзе, але калі Бог ухавае мяне, а загіне падскарбій, то ўся манархія была б задаволена ад такой перамогі”.

Каралеўскія камісары спрабавалі ўтаймаваць бунт і дагаварыцца з войскамі канфедэратаў, абязцаючи ім прашчэнне і выплату часткі доўга ў колькасці чатырох мільенаў злотых. Спаканне камісараў з прадстаўнікамі збунтаваных харугваў адбылося 4 жніўня 1663 г. у Мастах, але было безвыніковым.

Тым часам праз Ваўкавыскі павет праезджалі пасольствы з Москвой ў Рэч Паспалітую і наадварот, шукаючы паміж сабой згоды:

“Кармленне і начлег былі ў Мсцілаве, - успамінае Мядэкша, - дамаўляліся з паслом панам Эдзятоўчам аб ягонай адпраўцы: пасол нарокаў на мяне, што адпраўляю яго ў далекую дарогу, даведаўся аб затрыманні іх міласці, якога направілі да Сапегі, што вельмі яму жахліва...”

Начавалі ў двух мілях ад Мсцілава ў весцы пана Шпіна (Крышпіна Кіршэнштайн?), где пасол пану Ладавіцкаму падараўваў каня...

У Мсцілаве разам з пасольствам уладковаўся і Ян Хрызастэм Пасек, які піша наступнае:

“Мне быў дадзены адкрыты ліст для гарадоў і мястэчак, каб усюды мяне прымалі, і сякрэтны ліст да ваяводы. Мяне справадзілі да лагера драгунаў пана ваяводы, якіх перад гэтым у Мсцілаве пабілі і прагналі за тое, што сваволілі ў мястэчку і збліі некалькі жыхароў. Было іх 18 з вахмістрам, і паехалі яны прасіць у караля ахранны ліст. Кароль ім на гэта адказаў: пасылаю туды свайго чалавека, і ідзіце разам з ім пад яго началам і слухайце яго ва ўсім, калі вы так сябе свавольна паводзіце”.

Патрохі вяртаўся мір і парадак. 23 ліпеня 1663 г. вайсковая канфедэрацыя, пасля таго як ей было заплачана 19 мільёнаў злотых доўга, была распушчана. У 1667 г. паміж Москвою і Рэччу Паспалітаю быў заключаны мір, празваны Андрусаўскім трактатам. Засталіся адно

руіны і абязлюдзеўшая мясцовасць. Ваўкаўскі павет у пар аўнані з “шведскай” тэрыторыяй, быў зруйнаваны трохі менш, таму што яго раней пакінулі маскалі і таму, што тут спачатку не адбылося моцных бітваў. Але ўсероўна было знішчана каля 25 % дамоў, многія палі былі не араныя, бо не было каму працаўца. Каб ратаваць сялянскую гаспадарку, гаспадары былі вымушаны замяніць паншчыну на чынш.

Асабліва пацярпелі касцельныя маенткі. Згодна падымнага спіса Ваўкаўскага павета, у 15 каталіцкіх парафіях у 1653 г. знаходзілася 619 дымоў, а ў 1673 г. – 397, такім чынам, страты склалі 35,8 %. У той час татарамі быў спалены касцёл у Рэплі, і як памяць аб ім захаваўся татарскі медны барабан. З каралеўскай маемасці асабліваму знішчэнню падверглася мсцібаўская стараства, дзе з 543 дымоў засталося 311, або 37,8 %.

Дапаўненні, звязаныя з часамі “патопа” у Ваўкаўскім павеце:

1. Падчас нападу шведаў было знішчана мястэчка Новы Двор, аб чым вядома з дакументаў пазнейшых арандатараў. Сляды аб тых шведах засталіся і ў паданнях. Адну з іх занатаваў Міхал Федароўскі: “Гавораць, калі нас ваявалі шведы, то аднаго з іх паку саў шалены пес. Вылячыўся з дапамогай камня, які ляжаў у наваколлі Новага Двара, і гэта падглядзелі мясцовыя жыхары. Да сеняшняга дня яны таксама лечацца тым камнем”.

2. Бялавежская і Блудоўская пушчы адыгралі пэўную ролю ў 1655 і 1656 г.г., калі засланілі сабой ад шведаў і расіян атрады канфедэратаў і Сапегі, стаячыя на Палессе і ў Брэсце з яго ваколіцамі. А ў наступным, 1657 г., калі шведы і Ракач занялі Палесці і Брэст, зноў паміж імі стаялі пушчы. Засланіла пушча тады і атрады Паўла Сапегі, калі ен адступаў у Ваўкаўскі павет. Пасля бітвы пад Вежховічамі на краю Бялавежскай пушчы 27 лістапада 1655 г. расійскі ваявода Урусаў пайшоў дарогай на Новы Двор, які знаходзіўся на ўсходзе пушчы. Дарогу блакіравала шляхта з Лідскага, Гродзенскага і Ваўкаўскага паветаў пад кірауніцтвам палкоўніка Якуба Кунцэвіча. На краю балота, але на сухім месцы, збудаваў басціоны – “земляны гарадок”... Марш праз пушчу быў незвычайна цяжкі. Дарогу праз балота масцілі спецыяльна абучаныя людзі. Але па гэтай дарозе яны так і не змаглі прайсці. Толькі ў 1659 г. гэтай дарогай змог прайсці расійскі ваявода Іван Хаванскі, адправіўшыся з Гродна на Брэст у астатніх днях снежня па замерзламу балоту.

3. Каля Мсцібава знаходзілася “шведска кухня”. Аб ей узгадвае настаўнік Мечыслаў Віктар: “Знаходзілася каля Мсцібава прад Другой сусветнай вайной. Было гэта абарончае збудаванне нейкага атрада з шведскага войска падобна круга дыаметрам каля 100 метраў і аточана земляным валам. Паказаў мне яго тагачасны прабашч.

4. Пад Геруцевым у гміні Ізабелін знаходзяцца два курганы. Згодна з мясцовымі паданнямі, гэта шведскія могілкі.

5. У Наваселках гміны Поразава каля самага фальварка знаходзяцца шведскія могілкі. У наваколлі Наваселак нават есць лес, празваны Становішчам. Празваны так таму, што тут польскае войска чакала ў засадзе шведаў. І калі яны надышлі, то каля самага фальварка, дзе зараз магілы, адбыўся вельмі моцны бой.

Крыніца:

Міхал Федароўскі. Люд Беларускі. Т.3. Частка 2. С.21.

Крестоприводная книга шляхты Великого княства Литовского 1655 г. Волковыский повет¹

С.75. Волковитцово повету шляхта²

Ян Ондреев сын Тризна, староста волковитцкий

Степан Езоф Карк, маршалок волковитцкий

Самойло Самойлов сын Долман Исаиковской, стольник волынской

Теофил Олетцкий, судья волковитцкий

Самойло Павлов сын Униховский, подчаше волковитцкий ротмистр новгородцкий, писарь земский

Томаш Степанов сын Войниловичь, стольник мазырский

С.76. Обрам Янов сын Суходольской, ловчей волковицкий

Хриштоп Хриштопов сын Оленской, подкоморье Волиц

Ян Юрьев сын Хомаевской, ловчей

Станислав Иванов сын Тризна Зурский, подстаростье волковицкий, писарь земский

Юрье Хриштопов сын Оленский, судья земский и волковицкий

Ян Волкошевич Смугаревский, писарь земский

Юрье Станиславов сын, писарь гродцкий и волковицкий

Ян Побурский вуйт поразовской

Петр Янов сын Кирский Обрамовской

Ондрей Янов сын Гурский

Ян Янов сын Гурский

Микулай Смокоревский

Ян Станислав Шиман

Мочей Михновский

Ондрей Степанов сын Шишмакович

Ян Юрьев сын Савинской

Ян Адамовский

Хриштоп Есмалт

1.Памятники истории Восточной Европы. Источники XV-XVII вв. Том четвертый. Москва-Варшава 1999. Редактор серии И.Граля. Составители Е.Е.Лыкова, М.Кулецкий.

2.Неабходна звязаць увагу на спецыфічнае напісанне іменаў і прозвішчаў шляхты Ваўкаўскага павету. Справа ў тым, што складальнікі спісаў – носьбіты маскоўскага дыялекту расейскай мовы, знаходзіліся пад моцным уплывам размоўнай беларускай мовы, якая адразнівалася ад старабеларускай мовы афіцыйных дакументаў. Таксама для расейцаў шмат якія польскія, каталіцкія і мясцовыя беларускія імёны і прозвішчы былі дзвіноснымі і яны запісвалі ў формах як ім чулася. Таму «Карэйва» стаў «Корева», «Эйсмант» – «Есмонт», «Гінтаўт»-«Кінтофт», «Алендзкі» – «Оленской» і г.д.

Михайло Казимир Янов сын Селева
 Юрье Глебкович
 Князь Степан княж Янушев сын Масальской
 Князь Мартин княж Янушев сын Масальской
 Князь Федор да князь Ондрей княж Богдановы дети Мосальские
 Казимер Ошменский
 Ян Клиемуров
 Микулай Матфеев сын Ошмеичь
 Адам Нелюбович
 Ян Побурский, буйт поразовский
 Ян Хриштопов сын Оденец
 Ян Янов сын Горский
 Ондрей Ивчин сын Горский
 С.77. Мозаш Григорьев сын Одинец
 Данило Мозашев сын Одинец
 Ондрей Олександров сын Мневский
 Степан Сайков сын Осташовской
 Данило Сайков сын Осташовской
 Василем Янов сын Осташовской
 Ондрей Васильев сын Колонтай войский и волковитцкий
 Александр Васильев сын Шапка
 Михайло Янов сын Грабский
 Павел Ордынец
 Адам Забуский
 Вайтех Каширев сын Нечкеевич
 Ян Матфеев сын Гладышка Казинский
 Езов Шветковский
 Мартьян Жданович
 Криштоп Микулаев сын Яскольт
 Войтех да Мартин Спифатжи
 Микулай Бахромеев сын Яскольт
 Якуб Сайков сын Осташовский
 Федор Олександров сын Блошка
 Иван Ондреев
 Петр Нецеевской
 Иван Филимонов
 Шмат Ондреев
 Иван Михайлов
 Михайло Ондреев
 Григорей Янов сын Гаврин
 Павел Хорошевский
 Ондрей Григорьев
 Ондрей Микулаев сын Белявской
 Галияш Узловский
 Богдан Самойлов сын Глинской
 Юрье Мартынов сын Беклевской
 С.78. Григорей Петров сын Енушкович Волчкович
 Лаврин Петров сын Енушкович
 Ондрей Гаврилов сын Заневский
 Василем Саверин сын Заневский
 Микулай Ондреев сын Корева

Станислав Юрьев сын Кшонович
Мартин Станиславов сын Гакусович
Ондрей Криштопов сын Корева
Ян Саскальт
Ян Хриштопов сын Ордынец
Матфей Степанов сын Туловской
Данило Еремиев сын Снаской
Микулай Станиславов сын Бокша
Ян Лукашев сын Окуневской
Адам Еленевской Пакост
Хришто Хриштопов сын и Томош Полочевской
Дадибок Езоф Гродковский
Петр Адамов
Вайтех Варьянов
Теодор Дянов сын Лопан Бытковский
Ян Хриштопович
Петр Айгустинов
Криштоп Якубов
Томаш Якубов
Степан Якубов
Ян Якубов
Каминской Войтехов
Мартин Симанов сын Городельской
Петр Корева Микулаев
Андрей Хриштопов сын Есмальт
Ерош Янов сын Лопан Бытковский
Ерош Янов сын Лопан Бытковской
Якуб Корев
С.79. Матфей Корев
Микулай Петров сын Стальковской
Якуб Балтромеев сын Буткеевич
Маркел Матфеев сын Конобка
Петр Криштов сын Алексимовской
Степан Микулаев сын Романовской
Григорей Матфеев сын Каминской
Станислав Кринской
Ондрей Мартинов сын Казимер
Казимер Калиров сын Ляпишь
Матфей Петров Чартошевской
Иван Венедиктов сын Салагув
Юрьи Янов сын Хлопопивской
Якуб Янов сын Гулета
Микулай Войтехов сын Немчинов
Петр Шукутой
Винислав Вайтехов
Якуб Павлов сын Кочанской
Ян Матфеев сын Бухан
Хриштоп Янов сын Жуплик
Петр Федоров сын Прушинской
Вайтех Павлов сын Юшкович
Ероним Станиславов сын Шемет

Ян Ондреев сын Ильин
Степан Янов сын Коминской
Ян Олехнов сын Юхновичъ
Степан Микулаев Романовской
Севиян Иванов сын Плихта
Матфей Станиславов сын Мазырка
Данило Одинец
Адам Григорьев сын Висмух
Петр Янов сын Ильин
Станислав Якубов сын Осмольской
Федор Янов сын Жигровичъ Рекаский
Станислав Якубов сын Османской
С.80. Михайло Щурский
Михайло Адамов сын Яндила
Давыд Янов сын Кишкеевичъ
Самойло Криштопов сын Винчина
Казимер Микулаев сын Кастиушка
Микулай Казимер Степанов сын Нарушевичъ
Мартын Григорьев сын Клепацкий
Юрьи Ондрейков
Павел Микулаев сын Щитовской
Самойло Вайтехов сын Носковичъ
Микула Ондреев сын Ворошила
Микулай Статкеевичъ
Хриштоп Нешковичъ
Станислав Адамов сын Петрашевский
Степан Ордынец
Александр Шепелевич Волк
Хриштоп Панцкеевичъ
Гаврило Михайлов сын Влейка
Степан Максимов сын Куратковский
Степан Есмальт
Казимер Данилов сын Овсян
Ондрей Ондреев сын Стараской
Станислав Сумароков
Адам Ерошев сын Котев
Иван Матфеев сын Винцентный
Ян Петров сын Росневский, плебан мстибовский
Петр Ондрейковичъ
Казимер Ондрейковичъ
Михайло Ондрейковичъ
Ян Янов сын Гурской
Ондрей Янов сын Гурской
Владислав Олександров сын Комаевской
Юрье Баушевичъ
Матяшъ Еронимов сын Василевский
Павель Юрьев сын Калусовский
С.81. Ян Юрьев сын Ходавский
Ян Станиславов сын Василевский
Венедикт Янов сын Жинев
Александр Янов сын Белавской

Петр Александров сын Черник
 Андреян Станиславов сын Василевской
 Мартын Григорьев Срендевской
 Григорей Станиславов сын Боровской
 Харубик Хриштопов сын Манзырка
 Вайтех Венедикт
 Казимер Малхеров сын Высотцкий
 Дацир Бектеевич
 Войтех Боктеевич
Ян Боктеевич
 Гуштим Боктеевич
 Станислав Буктеевич
 Микулай Боктеевич
 Петр Буктеевич
Михайло Ясков
 Александр Григорьев сын Ордынец
 Александр Шелиговский
Ян Микулаев сын Дерекан
Ян Янов сын Корибут
 Карад Янов сын Ордынец
 Казимер Коралев сын Ордынец
 Юрьи Коралев сын Ордынец
 Станислав Коралев сын Ордынец
 Микулай Коралев сын Ордынец
 Ясно Коралев сын Ордынец
 Андрей Янов сын Колортай
 Петр Хриштопов сын Яскольт
Ян Янов сын Докша
 Мартын Королев сын Ордынец
 С.82. Микулай Янов сын Сенкеевич
 Микулай Давыдов сын Сасин
 Михайло Григорьев сын Семин
 Михайло Адамов сын Родионовской
 Петр Ерофеев сын Стотцкой
 Адам Станиславов сын Гнапивской
 Иван Сведенецкой
Яков Лесков
 Адам Янов сын Поплинский
 Юрьи Самойлов сын Овсянов
Ян Янов сын Колонтай
 Жгимонт Якубов сын Згувской
 Петр Якубов сын Зговской
 Юрьи Микулаев сын Сипрял Кампа
 Волтер Корф Микулаев сын воеводин вельдерской
Ян Малхеров сын Василевич Высотцкой
 Якуб Матвеев сын Галаской
 Павел Янов сын Чортешевской Ляントовница
 Петр Лукьянов сын Адамович
 Андрей Янов сын Тивинской
 Станислав Мартынов сын Палалец
 Михайло Микулаев сын Щурской

Ян Ондреев сын Хонкого
Иван Вайтехов сын Патцкович
Степан Юрьев сын Портасович
Адам Иванов сын Забуской
Андрей Иванов сын Онихомовской
Лукаш Матвеев сын Онихомовской
Самойло Грошев сын Котель
Лукаш Павлов сын Скиндар
Рофал Станиславов сын Вайтехов Райковской
Мархел лекорев сын Нелюбович
С.83. Матвей Мартынов сын Подолец
Ян Степанов сын Сычевич
Юрьи Федоров сын Протасович
Лукаш Готартович Ховоносского
Станислав Урьбанов сын Бойвиц
Козимер Станиславов сын Пауловский
Хриштоп Станиславов Шемет
Станислав Вайтехов сын Прездочьский
Хриштоп Павлов сын Туловский
Александр Янов сын Раковской
Ондрей Петров сын Глинский
Богдан Семенов сын Глинский
Микулай Петров сын Родионской
Федор Статкеев сын Станкеевич
Хриштоп Иванов сын Мощинской
Микифор Петров сын Подороский Дроздович
Станислав Михайлов
Александр Домников сын Несмонт
Галияш Григорьев сын Узловской
Микулай Нартовский
Ян Валентов сын Азгиновский
Ондрей Ерошеев сын Ондреевич
Томаш Обрамов сын Сечин
Матфей Мартынов сын Кинтофт
Якуб Мартынов сын Кинтофт
Якуб Михайлов сын Вышемирской
Степан Станиславов сын Каминской
Юрьи Счаснов сын Брезовский
Матвей Пукшт
Никулай Пукшт
Петр Пукшт
Станислав Матвеев сын Райтан
Ян Микулаев сын Вренка
Теофил Иванов сын Корбут
Александр Горан Хорошевской
С.84.Онияш Хриштопов сын Ондрейкович
Станислав Станиславов сын Докша
Ян Янов сын Адаховской
Томаш Янов сын Яскольт
Казимер Янов сын Яскольт
Хриштоп Слепоротцкой

Станислав Слепоротцкой
Хриштоб Матвеев сын Ондрейкович
Казимер Матвеев сын Ондрейкович
Самойло Ондреев сын Кончинской
Адам Васильев сын Колонтай
Казимир Матвеев сын Веренка
Михайло Улнов сын Тивинский
Хриштоб Яковлев сын Ордынец
Вайтех Вларионов сын Емчикович
Тофил Малферов сын Дароновской
Станислав Фурсов сын Сеня
Ян Ондреев сын Адамович
Иван Микулаев сын Колосовской
Степан Овдеев сын Бигилевской
Владислав Ковковской
Адам Янов сын Цывинский
Михайло Иванов сын Колусовской
Петр Станиславов сын Ополинский
Жигимонт Матусов сын Занкович
Ондрей Хриштопов сын Корева
Иван Иванов сын Онисимовский
Ян Станиславов сын Цадровской
Юрыи Остафьев сын Онисимовской
Ян Петров сын Синкович
Михайло Григорьев сын Подгарской
Микулай Юрьев сын Ягодинской
Павел Констентий Анисимовский
С.85. Хриштоп Микулаев сын Толочка
Григорей Янов сын Сидоров
Павел Матвеев сын Одинец
Михайло Янов сын Гранский
Давыд Янов сын Тышкеевич
Хриштоб Юрьев сын Роський
Станислав Микулаев сын Болеевич
Станислав Самойлов сын Долмат Исайковской
Микулай Ондреев сын Колонтай
Станислав Яскольда Бутримович
Адам Буткеевич
Якуб Буткеевич
Мартын Микулаев сын Стотцкой
Вайтех Буткеевич
Аигустин Буткеевич
Данило Буткеевич
Петр Клинтенский
Мартын Клинтенский
Валерин Хриштоп
Героним Старский
Александр Янов
Якуб Янов
Михайло Хоробин сын Ценпита
Микулай Александр сын Беркелов

Якуб Александров сын Беркелов
 Якуб Микулаев сын Есмонт
 Ян Микулаев сын Есмонт
 Юрьи Глебов сын Изибольшина
 Ян Кедровичъ
 Ян Рудевский Пасковичъ
 Каспир Ескудет
 Ветслав Яндровичъ
 Шышымон Донкуль
 Микулай Володковичъ
 Ян Студцкий
 С.86. Микулай Казимер Степанов сын Нарушевичъ
 Ян Матвеев сын Ярославичъ
 Адам Матвеев сын Ярославичъ
 Якуб Туловской
 Кулеш Бенедикт
 Лаврин Бенедикт
 Якуб Бенедикт
 Хриштоб Бенедикт
 Григорей Станиславов сын Корева
 Хриштоп Микулаев сын Корева
 Федор Дедовичъ
 Станислав Мартынов сын Корева
 Ян Войниковичъ
 Александр Войньковичъ
 Степан Войнековичъ
 Якуб Янов сын Усмант
 Войтех Янов сын Краснодубский
 Микулай Миневский Мечный
 Костянтин Александров сын Василевский
 Михайло Александров сын Василевский
 Матвей Микулаев сын Толочка
 Александр Ондреев сын Янов Юзов
 Осип Ескольт
 Данило Хриштопов Корева
 Тимофеи Михаилов сын Назылевской
 Мартын Григорьев сын Клепатцкой
 Хриштоп Янов сын Чертушевской
 Станислав Янов сын Колупайлов
 Ян Янов сын Колупайлов
 Станислав Кела Луковичъ
 Якуб Янов сын Колупайлов Рудовичъ
 Петр Янов сын Колупалов Рудовичъ
 Ян Юрьев сын Корева
 Криштоп Велевской Буньской
 Адам Сорока
 С.87. Микулай Микулаев сын Акусовичъ
 Лаврин Алексеев сын Маликовской
 Ян Хриштопов сын Юшкевичъ
 Ян Янов сын Янкульт
 Микулай Григорьев сын Клепадцкий

Адам Матвеев сын Ошменец
 Самойло Семичь
 Тимофей Янов сын Есмонт
 Ян Микулаев сын Владычка
 Петр Марков Воробей
 Илья Хорошевский
 Ян Горянин Гридинев
 Ероним Матвеев сын Калусовский
 Жгимонт Волошаин Броновской
 Степан Криштопов сын Еселевской
 Казимер Адамов сын Котцкой
 Князь Костягин княж Янов сын Глинской
 Вдова Варвара Ондреева жена Анифомовская Петрова дочь Черновская
 Вдова шляхтянка Ашулувечитцкая старшая барнадинка
 Вдова Олека Зелековская Жигимонта Мурзышина
 Вдова Анна Яковва Жинкова
 Вдова Анна Суходольская Овсяного, а с нею трицца стариц барнадинки Лопяницкой уней
 богородицкой поп Василий Болгоровский
 Ксенз Хриштоп Рожманов, официаль подляской
 Ксенз Вохромей Янов сын Высотцкой
 Ксенз Матфей Вайтехов сын Якимович
 Ксенж Томаш Романов сын Пущевской
 Поп Мирон Михайлов сын Строкович
 Ксенж Вахромей Григорьев
 Ксенж Езоф Богданов
 С.88. Волковицкого повету староста 1 человек, маршалок 1 человек, стольников 2 человека,
 судей 3 человека, Подчашье 1 человек, Ловчих 2 человека, подкоморье 1 человек, подстаростье
 1 человек, писарей 3 человека, шляхты 392 человека, ксенж 6 человек, поп 1 человек.
 Всего 419 человек, пять вдов, барнадинка да с нею 30 стариц барнадинки.

Да друку падрыхтаваў Генадзь Семянчук

Договор аренды имения Михайловка в 1911 году

Ниже приводится документ за 1911 год, написанный от руки и называемый арендным договором, в котором оговариваются условия аренды имения Михайловка Волковысского уезда Изабелинской волости. Документ написан на 8 листах гербовой бумаги форматом 23,5 x 37,5, в правом верхнем углу первого листа нанесен герб Российской империи в виде двуглавого орла с надписями: «Актовая бумага» и «Два рубля сорок копеек» – стоимость данной бумаги. Кроме того, на первой странице документа наклеены марки на сумму 15 рублей – плата нотариусу.

Имение Михайловка, которое располагалось при дороге из местечка Изабелин в деревню Пасутичи, принадлежало дворянину Михаилу Михайловичу Дмаховскому. После смерти Дмаховского в 1911 г. имение наследовали его родные: сестра Элеонора Михайловна Шостаковская и брат Владислав Михайлович Дмаховский, которые решили сдать имение в аренду. В то время сдача помещиками своих имений в аренду была явлением довольно распространенным. В нашем случае имение Михайловка было сдано наследниками в аренду двум арендаторам – Сухоцкому и Гутовскому.

Данный документ предоставлен жителем Польши Пшемыславом Микусиньским, мать которого имела девичью фамилию Сухоцкая и приходилась дочерью арендатору, фигурирующему в данном документе. Публикуется с согласия Пшемыслава Микусиньского, который утверждает, что его дед был шляхтичем. Документ представляет несомненный интерес для истории как сам факт отдачи в аренду помещичьего имения крестьянам на определенных условиях.

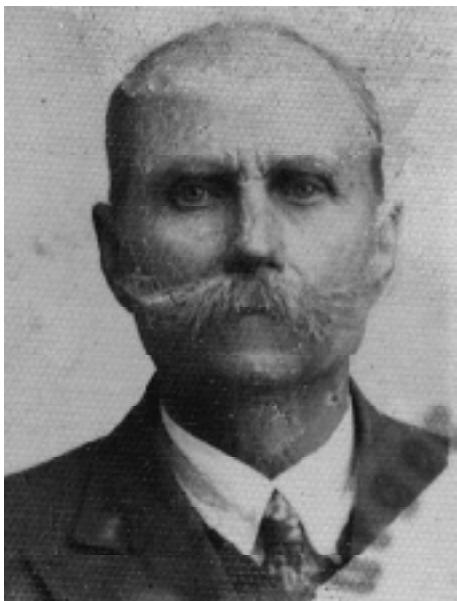
Тысяча девятьсот одиннадцатого года июля одиннадцатого дня.

Мы, нижеподписавшиеся поверенный жены своей дворянки Елионоры Михайловны Шостаковской – дворянин Ришард Викентьевич Шостаковский и дворянин Владислав Николаевич Дмаховский с одной стороны, и крестьян Стефана Михайлова Сухоцкого и Петра Фадеева Гутовского с другой, заключили между собой настоящий арендный договор в нижеследующем:

1. Мы, Шостаковский и Дмаховский, отаем им, Сухоцкому и Гутовскому, собственно вверительнице первого из нас и Дмаховскому принадлежащее имение Михайловка, расположенное в Гродненской губернии, Волковысского уезда в Изабелинской волости со всеми строениями, угодьями, пустками и водами, ничего за собою не оставляя, сроком на шесть лет, считая с первого апреля сего года по первое апреля 1917 года за добровольно условленную арендную плату в текущем году пятьсот рублей, а за остальные четыре года по семьсот пятьдесят рублей, при коем арендная плата за первый год аренды в сумме пятьсот рублей владельцам сполна уплачена при подписании настоящего договора.

Взнос аренды за остальные пять лет назначается следующим образом: за второй и за третий год арендная плата должна быть внесена каждого первого апреля, а за остальное время аренды должна вноситься в два срока – первого апреля и первого октября каждого года под расписку владельцев на сем договоре.

2. Арендаторы Сухоцкий и Гутовский должны вести хозяйство в арендуемом имении по трехпольной системе и не продавать сена, соломы и клевера на сторону, а скармливать на месте, для чего должны содержать в арендуемом имении не менее пятнадцати штук крупного рогатого скота. Им предоставляется право засевать в яровом поле не более пятнадцати моргов картофеля, а в паровом поле не более двух моргов ячменя, двух моргов гороху и шести моргов зеленого корма.

*Степан Михайлович Сухоцкий,
1877 года рождения. Фото 1942 г.*

3. В случае продажи леса, принадлежащего имению Михайловка, на сруб, владельцы должны будут следить, чтобы ветви и вообще валежник складывались ежегодно в кучи, дабы этим не лишать возможности арендаторам пользоваться пастищем в лесу арендуемого имения. На отопление жилых строений в имении арендаторам разрешается рубить в лесу имения орешник, можжевельник и сухое дерево, а в случае продажи леса удерживать из арендной платы по 24 рубля в год на отопление.

4. Арендаторы обязаны следить, чтобы в арендуемом имении не нарушаемы были границы и межевые знаки, и при нарушении таковых каждый раз немедленно доносить владельцам.

5. При наложении ареста на имение за долги владельцев последние обязаны принимать меры о снятии такового, и арендаторы в случае описи имущества всякий раз должны предоставлять контракт лицу, производящему опись.

6. Арендаторы принимают арендуемое с озимыми посевами и в таковом же виде такое же количество посевов должно быть передано владельцам по окончании срока аренды, а земля под озимый посев должна быть вспахана своевременно таким же порядком, каким возделывается господами помещиками и обсеменена своевременно не позднее десятого сентября под надзором владельцев хорошим качеством семян, имеющихся в имении Михайловка.

7. Весь мелкий ремонт строений не превышающий десяти рублей относится на счет арендаторов без вычета из арендной платы и свыше десяти рублей относится на счет владельцев.

8. Арендаторы вносят владельцам залог при заключении сего договора тысячу рублей, с какой суммы со дня заключения договора насчитываются проценты по шести в год и сто шестьдесят пять рублей процентов засчитывается в арендную плату в 1914 году, а остальные процентные деньги в остальной срок засчитываются ежегодно в арендную плату при втором взносе арендной платы, а именно каждого 1-го октября, причем залог этот в сумме тысячи рублей, внесенный владельцам в обеспечение исполнения условий сего договора владельцами Дмаховским и Шостаковской, должен быть заложен для выдачи арендаторам по окончании аренды не позже пятого февраля 1917 года у Волковысского Натариуса Байрошевского. В случае не взноса такового к означенному сроку, настоящий арендный договор должен быть продлен еще на два года с приплатою арендаторами к этому залогу пятисот рублей.

9. Владельцы оставляют за собой в жилом доме переднюю и одну комнату, а также половину амбара с лесной стороны при входе с леса.

10. В случае пожара арендуемых строений владельцы обязаны взвести новые не позже годичного срока.

11. Все казенные и земские повинности с арендуемого имения относятся на счет владельцев.

12. Если бы арендаторы пожелали переуступить один другому право на арендуемое имение, то половина дома имения с лесной стороны остается за владельцами.

13. Владельцы оставляют за собой право в осеннеевремя засаживать в саду фруктовые деревья, а также оставляют за собой два ряда с южной стороны фруктовых деревьев, если они будут иметь в этом имении.

14. Арендаторы принимают земли с засаженным в поле клевером, и такое же

количество засеянного клевера должно быть возвращено владельцам.

15. Починка дорог, относящихся к имению, относится к арендаторам.

16. Арендаторы принимают имущество и посев по описи и в таковом же виде и по той же описи должны возвратить владельцам.

17. Переуступка прав по сему договору другим лицам без согласия владельцев арендаторам не разрешается.

18. В случае нарушения арендаторами сего договора последний теряет силу и залог в полной сумме поступает в пользу владельцев, а арендаторы должны выступить из арендованного имения в месячный срок без судебного процесса.

19. Договор сей должен быть исполнен арендаторами в точности с солидарной другой за друга ответственностью. Подлинный договор хранится у арендатора, а засвидетельственная с оного копия у владельца.

Подписи владельцев и арендаторов.

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что подписи представляющиеся сделаны собственноручно в присутствии моем, Люциана Осиповича Байрошевского, Волковыскаго Нотариуса, в конторе моей по Александровской улице дом № 185, лично мне известными дворянами.

Подпись нотариуса.

(В документе сохранены стиль и орфография)

В данном документе последняя арендная плата за имение отмечена 11 октября 1914г.

Из архивного документа следует, что в этом же году в означенном имении имелось два двора, в которых проживали 5 лиц мужского пола и 6 женского.

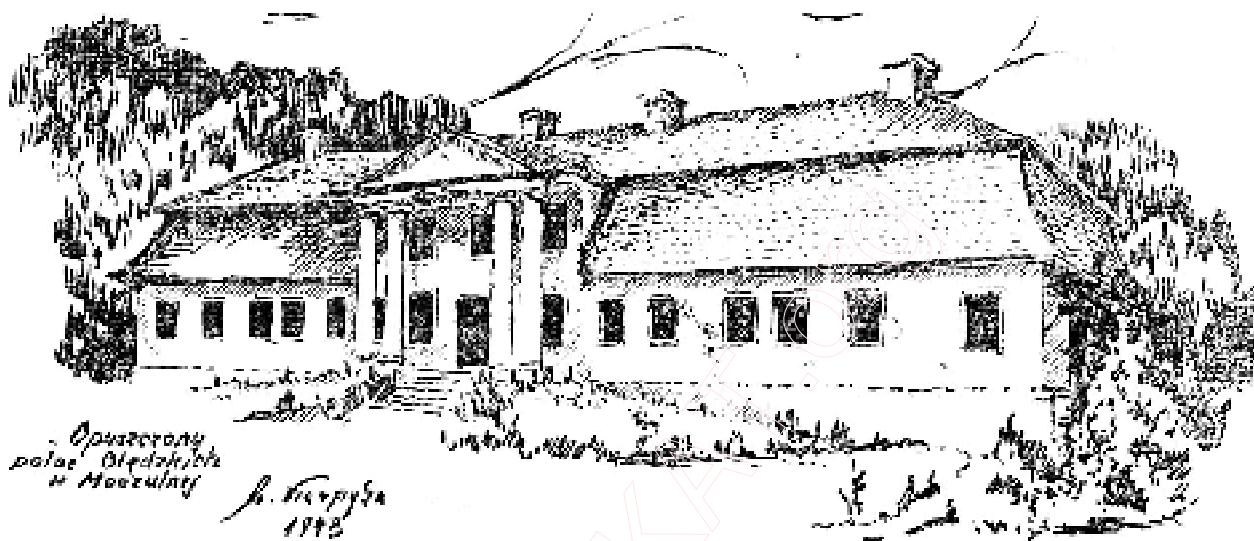
В 1928 г., согласно адресной книги Польши, имение принадлежало Элеоноре и Ричарду Шостаковским.

Подготовил к печати Николай Быховцев

З гісторыі пасяленняў

Мачуліна

Вітальд Карпіза

Палац Мачуліна ў 1943 г. Малюнак Вітальда Карпізы

За пяць кіламетраў на поўдзень ад Росі, па дарозе на Ваўкавыск, калісьці бялелі сцэны класічнага палаца. Гэта Мачуліна. За палацам знаходзіўся пустынны узгорак, які называўся Кальвінісцкай Гарой. Бліжэй дарогі тырчэлі разваліны капліцы, аб якой у ваколіцы ходзяць спрэчныя легенды. Вось адна з іх. Пэўная дзяўчына задумала ў якасці ахвяры паставіць капліцу. Пабудавалі яе, накрылі, прывезлі ікону Маці Божай. Пасля смерці дзяўчыны ікону хацелі забраць у касцел у Рось, але пасля настойлівых старанняў яна засталася ў капліцы. Па сеняшні дзень на рабінах вакол капліцы набожныя людзі вешаюць дзесяткі фартушкоў.

Гісторыя Мачуліна цягнецца з 1542 года. Гэтак сцвярджаў апошні нашчадак Мачуліна Аляксандр Алэндскі, які рыхтаваўся святкаваць 400-годзе гэтай мясцовасці. Да паловы 16 ст. Мачуліна належала князю Шчаснаму Яраслававічу Галаўчынскаму. Пры німу 1553 г. тут быў пабудаваны касцел і веска з 10 дамоў. Пабудаваны ім касцел з'яўляўся адным са старэйшых касцелаў на Ваўкавышчыне (у Росі касцел быў пабудаваны толькі ў 1611 г., фундаваны праз Уладзіслава Гераніма Хадкевіча. – В.К.). У 1578 г. Мачуліна перайшло да Алэндскіх і ў гэтага рода заставалася аж да пачатку Другой сусветнай вайны. Алэндскія паходзілі з Бельскай зямлі. У першай палове 16 ст. адна іх галіна пасялілася ў Літве. Ян Алэндскі першы з іх прыняў кальвінізм, і лес яго цесна быў звязаны з Мачуліна. Менавіта ен у 1574 г. атрымаў Мачулінаў арэнду адкнязя Шчаснага і яго жонкі Аліжбеты з рода Хадкевічаў. Праз чатыры гады, у 1578 г., Мачуліна было імвыкуплена, і Ян Алэндскі стаў яго гаспадаром. Таму, што Ян прыняў кальвінізм, лес мачулінскага касцела змяніўся. Праўдападобна, што касцел быў перароблены пад кальвінісцкую капліцу, пасля якой месца, на якой яна стаяла, пачало называцца Кальвінісцкай Гарой.

Алендскія адыгрывалі значную ролю ў палітычным і эканамічным жыцці Ваўкавыскага павета, займаліся рознай гаспадарчай дзейнасцю, і багацце іх з года ў год расло. Яны не

аднойчы прадстаўлялі Ваўкавыскі павет на сеймах. Немагчыма апісаць усю іх дзейнасць, таму падрабязней прыпынімся на Крыштофе Алендскім, які ў 1585 г. з рук карала Стэфана Баторыя атрымаў у пажыщевае валоданне стараствы Дзякі і Жылічы. Але Крыштаф паклапаціўся, каб стараствы засталіся ў яго нашчадкаў, заплаціўши за гэта ў каралеўскую казну 820 коп грошей. Дзяр жаўная казна Рэчы Паспалітай увесь час мела праблему з напаўненнем яе грашмі, а таму стараствы заставаліся ў родзе Алендскіх да самых падзелаў Польшчы.

Тэафіл Алендскі займаў наступныя дзяр жаўныя пасады: спачатку харунжы, потым падкаморы і нарэшце маршалак шляхты Ваўкавыскага павета. Уладаў наступнай маемасцю: стараствамі Дзякі і Жылічы, маенткамі Хрустава, Вількаўшчыны, Харашкоўшчыны, часткі Калантаеў, Гнезна, Невяроўшчыны і інных. Некалькі разоў выбіраўся паслом на сеймы. У Грамадзянскай вайне супрацьстаяў Сапегам і ўдзельнічаў у бітве пад Алкенікамі, у якой Сапегі пацярпелі паразу. Як адданы кальвініст, прымаў удзел у кальвінісцкіх сінодах і нават узначальваў іх. Памер у 1608 г.

Другі з выдатных асоб роду Алендскіх – Стэфан Алендскі, які жыў у першай палове 18 ст. Быў самым багатым з роду Алендскіх. Менавіта ен пабудаваў у Мачуліне ўпамянуты вышэй палац, які, напалову зруйнаваны, існаваў яшчэ да канца Другой светнай вайны. Стэфан таксама са сваёй сям'ёй перайшоў у кальвінізм, ад якога адышоў яго працрадзед Януш.

Да цікавых постацій роду Алендскіх належалі і нашчадак Мачуліна Уладзіслаў Максіміян Алендскі (1842-1894), рэпарцер і публіцыст, сябр пісьменніка Генрыка Сянкевіча. Уладзіслаў падсказаў назуву аднаго з самых цікавых раманаў Сянкевіча: “Агнем і мячом”. У гэтым жа рамане Сянкевічам выкарыстаны жарты і анекдоты Алендскага, каб паказаць постаць аднаго з галоўных герояў рамана – Заглобы.

Сын Уладзіслава Алендскага – Аляксандар быў астатнім уладальнікам Мачуліна. Інжынер-электрык па адукацыі, дырэктар польскай акцыянернай тэлефанічнай суполкі ў Варшаве, у 1916-1919 г. г. ганаровы консул Швецыі. Адзначаны многімі ўзнагародамі, у тым ліку афіцэрскім крыжам ордэна Польскага Адраджэння і шведскім ордэнам Густава Вазы. Жыў у Варшаве, а Мачулінам кіраваў праз упаўнаважаных. Пад час нямецкай акупацыі ў 1942 г. быў арыштаваны і памешчаны ў лагер на Павяку, дзе і памер. Яго нашчадкі жывуць у Варшаве.

Мачулінскі палац аўтар артыкула аглядаў у 1943 г. Класічны, драўляны, абложаны белым тынкам. Фасад свяціцца пустатою 16 вокнаў. Зламаны дах, зарослы тут і там зяленым мохам. Фасад, які займае паверх і цягнецца чатырма калонамі да першага даху, імпанаваў сваёю лёгкасцю. Абодва канцы палаца заканчваліся прабягаючымі праз цэлу ю шырыню дома ганкамі, якія падтрымліваліся чатырама калонамі, якія мелі на высокім падмураку склепы. Калоны злучаюць балюстрады, пад якімі знаходзіліся ўваходы ў склепы. З боку парку з выйсця з бальнага пакою, ляжала вялікая тэрраса, а побач стаяў падперты двумя калонамі ганачак. Пад калонамі, на першым паверсе, знаходзілася дамашняя капліца Алендскіх.

Бальны пакой ніколі не быў закончаны. Тры закончаныя ўвер се паўкругам вокны, былі замураваны. Засталіся толькі трох шчаліны. Пакой служыў памяшканнем для рабочых. Высокі дах меў восем шчалін, якія ажыўлялі вялізны дах.

Да капліцы вялі з сяней прыступкі. Аб гэтай капліцы я знайшоў наступныя радкі ў касцельным архіве ў Росі: „Капліца адна толькі ў Мачуліна ў яснавальнічых паноў Алендскіх, старастаў дзяканскіх, у сярэдзіне палаца, паміж пакоямі, пад адным з імі знаходзіцца дахам”. Знаходзіўся там вельмі прыгожы абраз Юзэфа, які быў аддадзены ў распараджэнне роскага касцёла і там памешчаны на бакавым алтары. Перанос гэтага абраза звязаны са студзеньскім паўстаннем, калі па прыходу ваеннага начальніка былі закрыты або канфіскаваны ўсе капліцы ў Ваўкавыскім павеце. Аб мачулінскай капліцы выканаўца пад датай 17 верасня 1774 г. інфармаваў: „Каталіцкая капліца ў Мачуліна знаходзіцца ў будынку сядзібы, апякуе ёю ўладальнік маёнтка, была закрыта ваенным начальнікам”. Аброз

мачулінскі ў актах касцёльных фігуруе як дар, але ж Каміла Алендская, жонка апошняга гаспадара сядзібы, сцвярджала, што ён быў дадзены толькі ў дэпазіт, але ўжо не вярнуўся, бо ксёндз, які яго прымаў, памёр (наведаў я яе ў Варшаве, на той час мела сто гадоў)».

За паркам, на высокім пустынным узгорку, знаходзіцца Кальвінісцкая Гара, гэта месца даўняй Кальвінісцкай капліцы, калі Алендскія былі веравызвання гэтага касцела. Калі вярнуліся да каталіцызму, капліцу разабралі. Існавала яна яшчэ ў 1733 г.

Алендскія, як перад гэтым былі перакананымі кальвіністамі, так цяпер сталі прыкладнымі католікамі. У сваім двары мелі асабістага капелана, аб чым сведчаць дакументы 1772 г., калі „яснавель можны ксёндз Міхаіл Загарда Схолар у м Дзіарум, капелян яснавель можных Алендскіх, конюшых ВКЛ” пра паведваў на ўрачыстасці пераймання цудоўнай фігуры Ісуса ў роскім касцёле.

Пасля разбурэння кальвінісцкай капліцы, Алендскія началі будаваць па дарозе з Росі да Ваўкавыска новую капліцу, але ў выніку царскіх інтрыг будову, якая была ўжо амаль пад дах, спынілі, нягледзячы на тое, што Алендскія вялі ў гэтай справе шматгадовы працэс з царскім урадам, капліца не была закончана. У часах міжваенных адзін з арандатараў пачаў руйнаваць муры, але паглядзеўшы, што будынак гісторычнага значэння, спыніўся. Засталіся толькі руіны, вакол якіх мясцовыя жыхары хавалі неахрышчаных дзяцей.

Паводле парафіяльных спісаў Роськага касцела за 1833 г. у мачулінскім двары тады пражывалі: Аляксандр Алендскі – 38 гадоў, яго жонка Юлія з роду Едкаў – 33 гады, Кацярына Едкава – швагерка Аляксандра. Сям'я Алендскіх была бяздзетная, і Мачуліна перайшло да стрыечнага брата Аляксандра – Уладзіслава. “Аляксандр, аб якім пан піша, – паведамляла аўтару артыкула Каміла Алендская, – быў кузінам нашага дзеда Уладзіслава, або стрыечным дзедам нашага бацькі”.

На старых могілках у Росі, на якіх зараз хаваюць праваслаўных, адразу пры ўваходзе стаіць цагляны, пабелены і пакрыты чырвонай чарапіцай помнік. Тут пахаваны Аляксандр і Юлія Алендскія. З надпісу на помніку вынікае, што Юлія памерла 19 мая 1877 г. Некалькі кроکаў бліжэй знаходзіцца іншы помнік, ніzkі, з гладкага камня, з таямнічым надпісам: “Памяці Марыі, народжанай 19 сакавіка 1844 г., памерлай 17 лютага 1869 г. Апекуны гэты помнік прысвячаюць ей і просяюць аб малітве за яе душу”. Што за такая маладая постаць ляжыць пад гэтымі каменнямі, цяжка здагадацца, бо нават прозвішча не змешчана. Хто ёю апекаваўся? Павінны гэта быць знатныя людзі, таму што паставілі багаты помнік. Таямніцу раскрыла Каміла Алендская:

“Марыя была выхаванкай Аляксандра і Юліі Алендскіх і наслала прозвішча Квяткоўская. Яшчэ немаўлем была прывезена ў Мачуліна ў карэце, пры гэтым мела вельмі багатую вопратку. Яна была падкінута ў Мачуліна. Гаварылі, што Марыя была дачкой Аляксандра, народжаная ад рамана нашага прадзеда з нейкай артысткай, якая жыла па суседству”.

Калі аўтар артыкула наведваў Рось у 1974 г., на помніку Алендскіх быў вельмы абабіты тынк і сам помнік шчыльна зарос кустамі бэзу. Але захаваліся яго харктэрныя рысы. У бакавой сцяне зязлі дыры да двух склепаў з рэшткамі досак. Напэўна, гэта была справа людзей, якія шукалі тут скарбы.

У часы Першай сусветнай вайны Алендскія эвакуіраваліся ў Расію. Пані Каміла дастала з рам партрэты продкаў і здала ў багаж. Загінулі ў ваенны завірусе. Рамамі ад аброзоў казакі, якія кватэрвалі ў Мачуліна, палілі вогнішча, дабаўлялі яшчэ дрэва ад мэблі.

Каміла Алендская з роду Астроўскіх, жонка Аляксандра Алендзкага, – пісала мне яе дачка, Ганна Янішоўская (1906 года нараджэння), – нарадзілася ў маёнтку сваіх бацькоў Пабояве. Была з роду Астроўскіх.

Палаца ў Мачуліна даўно ўжо няма. Засталіся руіны капліцы і Кальвініская Гара. У некалькія сотнях метраў ад былога палаца ляжыць веска Мачуліна, якая ў міжваенных часах налічвала 35 двароў. Адсюль паходзіць польскі скульптар Антон Манцэвіч, якога аўтар гэтага артыкула спаткаў у Гданьску. Але ен ужо не жыве.

Генеалогія роду Алендскіх мачулінскай лінії¹

1 калена

Тэафіл (18-1), стаў уладальнікам маенткаў Мачульна, Рось-Харашкоўшчына, Рось-Ваўкоўшчына Калантаеўская, Гнезна, пляцаў у Ваўкавыску і інш. Харужы, падкаморы, а пасля і маршалак ваўкавыскі, староста дзякаўскі і жыліцкі (1683), маршалак Галоўнага Трыбунала ВКЛ (1686), дзяржжаўца мастоўскі (1697-1698), пасол да элекцыі каралеў Яна 3 (1674) і Аўгуста 2 (1697), яго тэстамент датаваны 1707. Першая жонка Алена Маклок гербу “Граблі”, дачка суддзі гродскага навагрудскага з якой узяў шлюб каля 1666, сыны Юрый(2), Багуслаў (3), Крыштоф (4) і дочкі Ганна (5), Кацярына (6), Агнешка (7), Ядзвіга (8), другая жонка – Ефрасіння Палубінская гербу “Палубінскі”, дачка ваяводы навагрудскага, дочкі Юстыны (9) і Тэафіля (10), якія ўсе атрымалі спадчыну па бацьку.

Згодна са спісам шляхты Ваўкавыскага павету за 1690 і іх падатковых абаязкаў “Вяльможны яго мосць пан Тэафіл Алендскі, падкаморы Ваўкавыскі, з маентку Мачульней з сялянскіх (дымай 35). У tym жа маентку на рацэ Росс з млыноў двух (дымай 2). Там сама з карчмы (дым 1). Да войтаўства Ваўкавыскага з весак належачых Пятакоў і Шаўліч з сялянскіх (дымай 5). У фальварку Харашкаўчыне сялянскіх (дымай 11). З млынаў да таго фальварку належачых у Росі Калантаях (дымай 2). У фальварку Калантаях Валькаўшчыне з сялянскіх (дымай 8). Асобна ў месцы Ваўкавыску з карчмы адной (дым 1)” [1]. (На 1690 год Тэафіл Алендскі па выплаце падаткаў згодна колькасці дымай лічыўся на 4-ым месце сярод шляхты Ваўкавыскага павету. – М.Б.)

2 калена

Юрый (2), дваранін пакаевы і сакратар ЯКМ, падпісаў элекцыі каралеў Яна 3 і Аўгуста 2, харужы, а пасля і маршалак ваўкавыскі па прывілеях караля Аўгуста (1703, 1713), староста дзякаўскі і жыліцкі замест Аляксандра Язерскага па прывілею караля Станіслава Ляшчынскага (1708), удзельнік Сандамірскіх канфедэраций 1702 і 1704, дэпутат камісіі па вяртанню з Расіі вайсковай маемасці ВКЛ згодна з трактатам, падпісаным у Нарве (1704), меў жонку Тэадору з Пакошаў гербу “Праудзіч” і пакінуў двух сыноў: Яна (11) і Тэафіла (12).

Багуслаў (3), палкоўнік ЯКМ, падпісаў элекцыю караля Аўгуста 2, пад час вайны са Швецыяй слу жыў у харугве бацькі, пазней ротмістр ваўкавыскі, як вынікае з ардананса харужага ваўкавыскага Казіміра-Льва з Хлусаў Хлусовіча (1716). Каля 1710 узяў шлюб з Соф’яй Незабытоўскай гербу “Любіч”, дачкой падчашага калішскага, ад якой меў чатырох сыноў: Казіміра (13), Юрэя (14), Стэфана (15) і Станіслава (16).

Крыштоф (4), падпісаў элекцыі каралеў Яна 3 і Аўгуста 2, удзельнік сейма 1704, староста судовы ваўкавыскі (1710), а пасля войт ваўкавыскі поразаўскі, не меўшы нашчадкаў, пакінуў усю спадчыну брату (3) у 1710.

Ганна (5), у шлюбе за Пакошам.

Кацярына (6), у першым шлюбе за Адамам Жыжэмскім, лоўчым мінскім, у другім – за Аўлачымскім.

1. Друкуюцца па кнізе «Гербоўнік беларускай шляхты». Т.1. Мінск. 2002. С.146-151.

Агнешка (7), у шлюбе за Аўсяным, падкорымым ваўкавыскім.

Ядзвіга (7), у шлюбе за Дамаслаўскім.

Юстына (9).

Тэафіля (10).

3 калена

Ян (11), памер беспатомным.

Тэафіл (12), маршалак ваўкавыскі, староста дзякаўскі і жыліцкі (1740), памер беспатомным.

Казімір (13), староста жыліцкі, яго жонка Кацярына Кянсоўская гербу “Порай”, сын Ян (17).

Юрый (14), маршалак ваўкавыскі (да 1740), памер беспатомным.

Стэфан (15), маршалак ваўкавыскі пасля брата (14) па прывілею караля Аўгуста 3 (1740), чашнік, а потым канюшы ВКЛ па прывілею караля Станіслава Аўгуста (1765), пасол на Варшаўскі сейм (1756), дзяржаўца старостваў: Раўданскага ў Жамойцкім княстве (1759), Дзякаўскага ў Ваўкавыскім павеце (1764), Сімненскага і Мядзельскага ў Трокскім ваяводстве (1767), кавалер ордэна Св. Станіслава, маршалак Канфедэрацыі Ваўкавыскай, палкоўнік войск літоўскіх. Пятнадцать разоў абіраўся дэпутатам розных сеймаў, камісій і пасольстваў, як сведчыць Канстытуцыі 1764, 1767 і інш., таксама апошні рэвізор Скарбу ВКЛ. Жонка Францішка з Пакошаў, з якой меў трох сыноў: Януша (18), Крыштофа (19), Станіслава (20) і адну дачку Канстанцыю (21).

Станіслаў (16), староста дзякаўскі і жыліцкі па прывілею караля Аўгуста 2 (1726), якое старства за кансэнсам караля Аўгуста 3 у 1740 перадаў свайму стрыечнаму брату (12), судзіўся з рэгентам рэчыцкім Стэфанам Скарынам (1741). Жонка Соф'я Бярновіч гербу «Казічкоўскі», сыны Багуслаў (22) і Стэфан-Казімір (23), дочки Людвіка (24), Юстына (25), Тэафіля (26), Соф'я (27).

4 калена

Ян (17), падчашы ваўкавыскі (1778), памер беспатомным.

(18, 19, 20) падпісалі элекцыю караля Станіслава Аўгуста (1764), а таксама падзялілі спадчыну ў 1779.

Януш (18), ротмістр войска літоўскага, пісар вайсковага дэпартамента ВКЛ (1778, 1780), згодна с падзелам спадчыны атрымаў маентак Мачульна Ваўкавыскага павета. Узяў шлюб з Канстанцыяй Чаховіч гербу “Астоя”, пакінуў пяцера сыноў: Стэфан (28), Адам (29), Аляксандр (30), Станіслаў (31), Людвік (32) і адну дачку: Францішка (33).

Крыштоф (19), шамбелян ЯКМ (1775), кавалер ордэна Св. Станіслава (1791), староста маргішскі, згодна с падзелам спадчыны атрымаў маентак Раўданы Віленскага павета.

Станіслаў (20), ротмістр кавалерыі войск літоўскіх. Згодна с падзелам спадчыны атрымаў маентак Промеж (ці Промядзь) Ковенскага павета.

Канстанцыя (21), у другім шлюбе за Войцахам Алендзкім (удавала Гарайну, маршалку ваўкавыскім), судзей земскім пружанскім.

Багуслаў (22), староста дзякаўскі і жыліцкі па прывілею караля Аўгуста 3 (1750), пасол да элекцыі караля Станіслава Аўгуста, памер беспатомным.

Стэфан-Казімір (23), нарадзіўся ў 1740, таксама стараста жыліцкі і пасол да элекцыі караля Станіслава Аўгуста. Яго жонка Феліцыяна з Кнабнафаў, з якой пакінуў восьмера сыноў: Фабіян-Юрый-Крыштоф-Станіслаў (34), Станіслаў Міхайл (35), Міхайл-Багуслаў (36), Адам-

Багуслай (37), Януш-Тэафіл (38), Багуслай-Людвік (39), Ян-Людвік (40), Крыштоф-Людвік (41).

Людвіка (24), каля 1770 узяла шлюб з Янам Трокеанам, капітанам ЯКМ.

Юстына (25).

Тэафіля (26).

Соф'я (27).

5 калена

Стэфан (28), староста рэвельскі.

Адам (29), памер да 1802.

Аляксандр (30), суддзя земскі, а потым падкаморы ваўкавыскі. Спадчыннік пасля бацькі і брата (31) у 1799 маентка Мачульна з фальваркам Канстанцінаў і пляцаў у Ваўкавыску, Вільні і Зэльве. Першая жонка Уршуля Дзяконская, дачка скарбніка ваўкавыскага. Сыны: Аляксандр-Юзаф (42), Генрых-Эдвард (43), Ксаверы-Вінцэнт (44), дочки Марыянна (45), Канстанцыя (46), Юзэфа (47). Другая жонка Францішка, дачка Алаізія Букатага, сыны: Станіслаў-Вільгельм (48) і Пшамыслаў-Францішак (49).

Станіслаў (31), харужы шавельскі, першая жонка Ганна Ласіцкая гербу “Рагаля”, сыны: Ксаверы (50), Ян-Юзаф (51), Крыштоф-Станіслаў-Феліцыян (52). Другая жонка – Антаніна з Рымгайлаў, сыны: Караль-Тэадор (53) і Стэфан-Рох (54).

Людвік (32), пра яго ніякіх звестак няма.

Францішка (33), у шлюбе за палкоўнікам войск літоўскіх Невядомскім.

Фабіян-Юрый-Крыштоф-Станіслаў (34), нарадзіўся ў 1776, харужы войск літоўскіх, суддзя земскі і падкаморы ваўкавыскі, кавалер ордэна Св. Уладзіміра 4 ст.

Станіслаў-Міхаіл (37), нарадзіўся ў 1779, харужы войск расійскіх.

Міхаіл-Багуслаў (36), нарадзіўся ў 1779, асэкар Слуцкага ніжэйшага земскага суда, валодаў вескай Клімовічы ў Слуцкім павеце, яку ю набыў ад Прушинскіх, калежскіі сакратар, працаваў у канцылярыі Мінскага ДДС, меў жонку Тэафілію з Чэрнікаў і сыноў: Яўстафі-Юрый (55) і Гектар (56) пра якіх звестак няма.

Адам-Багуслаў (37), нарадзіўся ў 1782.

Януш-Тэафіл (38), нарадзіўся ў 1784, памер да 1802 (?).

Багуслаў-Людвік (39), нарадзіўся ў 1786, губернскіі сакратар.

Ян-Людвік (40), нарадзіўся ў 1789.

Крыштоф-Людвік (41), нарадзіўся ў 1790, штабс-капітан войск расійскіх, служыў наглядчыкам Луцкай прыстані на Украіне ў 1840, у 1821 узяў шлюб з Агатай, народжанай Саленікавай, пакінуў двух сыноў: Адольф-Юрый (57) і Аляксандр-Гектар (58). і дачку Стэфаніду (59).

6 калена

Аляксандр-Юзаф (42), нарадзіўся ў 1808.

Алендзкі Аляксандр у 1821 вучань 3-га класа гімназіі ў Свіслачы. Адзначаны [2].

Генрых-Эдвард (43), нарадзіўся ў 1809, займаўся арандатарствам і пражывалаў у розных фальварках на тэрыторыі сучаснай Польшчы. Ад першай жонкі, Юстыны, народжанай Пшэўлоцкай, у 1823 пакінуў сына Ўладзіслава-Андрэя-Францішка (60), ад другой – графіні Людвікі народжанай Астрарог у 1824 – сына Яна (61) і дачку Кацярыну-Марыю (62).

Алендзкі Генрык у 1821 вучань 2-га класа гімназіі ў Свіслачы. Адзначаны [2].

Ксаверы-Вінцент (44), нарадзіўся ў 1811.
Марыянна (45).
Канстанцыя (46).
Юзэфа (47).
Станіслаў-Вільгельм (48).
Пшамыслай-Францішак (49), нарадзіўся ў 1831.
Ксаверы (50), нарадзіўся ў 1804.
Ян-Юзаф (51), нарадзіўся ў 1812.
Крыштоф-Станіслаў-Феліцыян (52), нарадзіўся ў 1822.
Караль-Тэадор (53), нарадзіўся ў 1824.
Стэфан-Рох (54), нарадзіўся ў 1825.
Яўстафі-Юрый (55), нарадзіўся ў 1821.
Гектар (56).
Адольф-Юрый (57), нарадзіўся ў 1822.
Аляксандр-Гектар (58), нарадзіўся ў 1834.
Стэфаніда (59).

7 калена.

Уладзіслаў-Андрэй-Францішак (60), нарадзіўся ў 1841, у 1877 узяў шлюб з Аленай-Юліяй, нарадзіўшайся ў 1852, дачкой Юліана і Багумілы з Карэнгаў, Сільвястровіч. Пакінуў аднаго сына Аляксандра-Стэфана-Юрыя (63) і трох дачок: Генрыка (64), Дарота-Юстына (65) і Уладзіслава (66), што сталі ў канцы 19 ст. спадчыннікамі маентка Мачульна.

Ян з Дуклі-Генрых (61), нарадзіўся ў 1850, пражываў у маентку Скрвільна Рыпінскага павета Полацкай губерні (1880).

Кацярына-Марыя (62).

8 калена.

Аляксандр-Стэфан-Юрый (63), нарадзіўся ў 1879.
Генрыка (64), нарадзілася ў 1880.
Дарота-Юстына (65), нарадзілася ў 1882.
Уладзіслава (66), нарадзілася ў 1886.

Прадстаўнікі гэтай лініі, аменавіта (18, 27, 29, 30, 33, 34, 35, 38, 39, 40), што выводзіліся з маенткаў Мачульна (Ваўкавыскі павет), Раўданы, Промядзь, Гілвічы (Расейскі і Шавельскі паветы), былі прызначаны ў дваранстве Расейскай імперыі пастановай Віленскага ДДС 10.03.1801 (1 частка).

Крыніцы

1. Krakowski St. Spis podymnego powiatu Wołkowskiego z 1690 r.
2. Kurier Litewski // № 87. 1821.

Падрыхтаваў да друку Мікалай Быхаўцаў

Дзіцячыя гады на роднай зямлі

Вітальд Карпіза

Працяг успамін. Пачатак у № 1 - 4.

— Ну, — гаворыць, — калі я на такіх канях ехаў праз Воўпу, то ўсе прыпыняліся і глядзелі, што такое з Гедалем здарылася?

А здарылася вось што: пані Глазерава з роду Залутынскіх прывезла яго да сябе і алейнымі фарбамі малаўала ягоны партрэт. Два тыгодні сядзеў і пазіраваў: то стоячы, то седзячы. І такім падобным атрымаўся партрэт, што сама скакала з радасці. Потым адправіла Гедаля ў Міневічы, каб сфатаграфаваць.

— Раней, гаворыць, — ніхто на Гедаля і глядзець не хацеў, а як пані пра яго напісала, то да яго конных экіпажы прысылаюць, партрэты з яго малююць і на аксамітныя падушкі садзяць (гэта магчыма было толькі ў Залутынскіх) і тро падушкі пад голаву клалі. Таму я прыйшоў да пані, каб падзякаваць за тое, што на старасць такі гонар мне выпаў”.

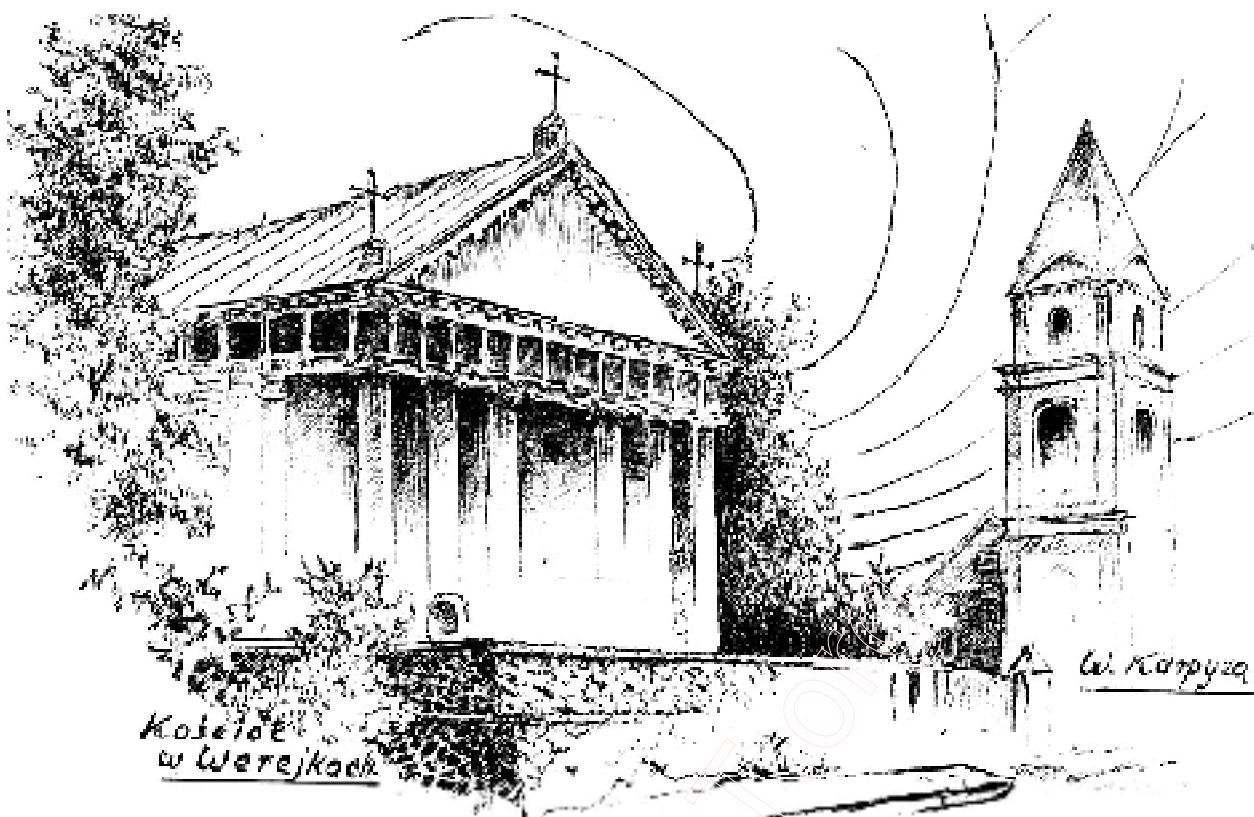
Часцяком нас адведваў Віктар Найдзюк з блізкіх Шулеек. Прыйстойны, меўшы каля трышыца год мужчына, праваслаўны беларус. Скончыў у свой час нейкую расійскую школу і настаяць, згодна ранейшай расійскай студэнцкай модзе, доўгія воласы, бародку, цемную кашуплю без каўнера, якая зашпілялася з боку на гузік, і быў падпаясаны дэкаратыўным шнурком з “кутасам”. Размаўляў па-польску, але часцей ужываў рускую мову. Належаў да тых, каму мінулая вайна зачыніла дарогу да кар’еры. Языка польскага добра не ведаў, але паважаў польскую культуру. Аднойчы прынес мене каляндар з партрэтамі польскіх каралей, дзякуючы каторому я да сення ведаю калейнасць іх праўлення. Найдзюк жыў разам з бацькам, з якім разам гаспадарылі на зямлі. Мелі новы і зграбны дом з падлогай і печчу з кафлі. Бацька яго хутка памер, а Віктар хіба так і не ажаніўся. Ягоная сястра была замужам за кавалем Дагелем з Росі, бацькам Зіны Дагель, партрэт якой з тых самых гадоў вісіць у маёй хаце.

Часам вечарамі мама выходзіла пасплетнічаць да Палісі, жонкі дзядзькі Адама, які загінуў у Першую световую вайну, пакінуўшы двух няпоўнагадовых сыноў Юзэфа і Пятра. Гаспадарылі надругой палове нашай пусткі. Паліся другіраз выйшла замуж за Філіпа Болдака, які жыў на канцы вескі. Гэта быў прыйстойны і статны мужчына, але порціла яго прыроднае калецтва — не хапала наздры. Не ўзгадваю яго інакш, як трymаочага адной рукой трубку для курэння, а другой рукой скручываочага з газеты казіную ножку. Потымдаставаў з тога самага кісета, у якім трymаў табак, крэмень, клаў на яго кавалак высушанай губы або абуглянага льнянога палатна і сталльным кавалкам высякаў агонь. Калі пыталіся ў яго аб чым-небудзь, доўга марудзіў з адказам і нарэшце прамаўляў:

— Ну, трэба падумаць.

У тыя дні я бавіў час з сябрам Віцем, які жыў праз сцяну разам з дзедам Міхалам — бацькам Габрыэлем. Дзед ужо сядзеў “на ласкавым хлебе”, хаця яшчэ даглядаў пчол, збіраў і саліў грэбы, празваныя “хрушчамі”, круціў вяроўкі.

У адну з нядзель апынуўся ў Вярэйках. Сюды ў касцел хадзілі толькі старыя жанчыны і дзяўчата. Падлеткі і дзеці ў касцел не хадзілі, таму што не мелі абутку і не моглі стаяць там басяком. З мужчын, наколькі памятаю, у касцел хадзілі Лявон і Башкевіч. Першы збіраў на паднос ахвяраванні, другі на працэсіях настаяць крыж.

Касцел у Вярэйках. Малюнак Вітальда Карпізы

Дарога ў Вярэйкі праходзіла ўздоўж слівовых дрэў. Па выступаючых з вады каменнях пераходзілі невялікі ручаек, які працякаў далей у бок Цярэшак, міналі Бердзікі і аточаны высокімі ліпамі краснагрудскі сад. На ўзорку рос сасновы лясок з невялікім курганам. Тут сцежка вяла праз плац былога царквы, завалены валунамі і зарослы цярноўнікам. Ніхто не памятаў, што тут раней было, але лягenda гаворыць, што калісьці на гэтым месцы стаяла царква. Аднойчы раптам царква правалілася пад землю разам з людзьмі. Трэба знайсці ў траве жалезнае кальцо, пацягнуць за яго, і тады царква з'явіцца зноў. З гэтага ўзвышша адкрываўся від на весь Словікі і дарогу, бягучую з Ваўкавыска да Бераставіцы, пры якой ляжаць Вярэйкі.

Вярэйкі ляжаць у даліне над маленькой рачушкай, якая тут стварае абшырны заліў. З боку ад яго знаходзіцца вялікі белы класічны касцел. Дзіўны гэты касцел. Пабудаваны ў той час, калі новыя касцёлы за расійскім царом наогул не ўзнікалі. Праз дваццаць гадоў службы яго перабудавалі ў праваслаўную царкву.

На пачатку 18 ст. Вярэйкі належалі Біспінгам, а менавіта Яну і ягонаі жонцы Тэадоры з роду Сухадольскіх. Калі Ян памер, на выхаванні ўдавы засталося дзве дачкі – Юзэфа і Аляксандра. Нягледзячы на малады ўзрост Тэадора другі раз замуж не пайшла, прысвяціўши свае жыцце выхаванню дачок. У 1786-1796 г. г. пабудавала палац, які існуе да сеняшняга часу. Жыў пры двары ў Вярэйках капелан, які аблугуваў старую драўляную капліцу. Жыў і пан Імбро, маршалак палацу, і пан Дэрыні, харэограф, а таксама некалькі рэспектабельных гувернантак. Пані Тэадора гаспадарыла ўмеочы і нават выгадавала стада прыгожых коней. Зіму з дачкамі праводзіла ў Вільні. Дочки падрасталі, а Тэадора бавіла час гуляннем у карты, дачакаўшыся, калі яе па-велькаму абыграе палкоўнік Аляксандар Толь Светчын, які паходзіў са старага дваранскага роду. Сваім бліскучым муңдзірам, жартамі і выхаваннем ен дамагаўся ўвагі і сімпатый з боку Тэадоры. Тэадора, маючы надзею, што ен даруе ей картачны доўг, адказвала яму ласкавым позіркам. Светчын дамогся свайго і пасяліўся ў Вярэйках.

Пад час шлюбу ў старой капліцы ксендз упусціў на падлогу пярсценак, які не знайшлі. Хтосьці з гасцей пазычыў свае, і шлюб адбыўся, але гэты выпадак палічылі за кепскі знак.

Калі пару гадоў пазней целастогадовай бабці спускалі ў сямейны склеп, то заўважылі бліскучы предмет на адной з грабніц. Гэта быў той самы пярсценак. Аднак маладыя жылі ў гармоніі і да 1810 г. пражывалі ў Варшаве. Толькі новай расійскай улады ставіўся лаяльна, атрымаў генеральскі чын і заняў пасаду паліцмейсцера ў Варшаве. Пад уплывам сваёй каханай жонкі зрабіў для палякаў многа добрых учынкаў. Пасля 1810 г. аселі ў Вярэйках. Жонка кіравала мужам у будаўнічай справе, пакінуўшы пасля сябе некалькі мураваных пабудоў. Наогул, яна мела гаспадарчую жылу і ўмела зарабляць гроши. Кожны год 19 вазоў са збожжамі драпаўлялі ў Прусы, а Светчын, тады яшчэ поўны сіл і энергіі, сам ехаў у Крулявец, каб дапільнаваць збыт. Тэадора разам з ім пасылала ў помач жыда Янкеля, з якім пры поўнай чарцы дамовіцца было не цяжка.

Менавіта Тэадора ўгаварыла свайго мужа, каб той выпрасіў у цара дазваленне пабудаваць у Вярэйках касцёл. Але была паставлена ўмова, каб разам з касцёлом была пабудавана і праваслаўная царква. Маленькую мураваную царкву пабудавалі ў Кузьмічах, а ў Вярэйках у грэчаскім стылі ўзнеслі прыгожы і вялікі касцёл.

Светчын памер раней за жонку і быў пахаваны пры дарозе паблізу касцёла. Да сення тут стаіць помнік з надпісам па-польску: “Аляксандэр Толь Светчын з вядомай дваранскай сям'і, дзяржавны дзеяч, кавалер многіх ордэнаў. Ягонае жыцце пад трымя манархамі было напоўнена дамовай і грамадскай добрачыннасцю. Заўжды сумленны, шаноўны праз сваіх родных і грамадзян, жыў з верай у Бога і з Богам. Нарадзіўся 27 жніўня 1774 г., памер 13 снежня 1838 г.” Цела Светчына пад гэтым помнікам хучэй за ўсе няма. Замест яго быў пахаваны нехта іншы, калі трэба было схаваць цела Светчына, удзельніка паўстання 1831 г. супраць цара. Праўдападобна, што ягоныя астанкі былі перанесены да царквы ў Кузьмічах.

Светчыны былі бяздзетнымі, а Вярэйкі перайшли да ўладальніка маярату з Масалян Аляксандра Біспінга. Гэта цемная асоба. Па ягоным загадзе касцёл у Вярэйках быў перароблены на праваслаўную царкву. Абураная гэтай справай пісьменніца Эліза Ажэшка пазней пісала: “З самага рання над зямлей разносіўся царкоўны звон, збіраючы акрэсны люд на набажэнства па змерламу рэнегату Біспінгу, які застрэліўся, але як мне паведамілі, ен ў Варшаве бясплаўна зарэзайся брытвай, таму расіяне пусцілі чуткі, што гэта справа рук палякаў. Ягоныя браты прывезлі ягонае цела, каб пахаваць у фамільным склепе. Прабачылі яму. Смерць усе ачысціла. Катастр сфа самага бства даўно ўжо назравала ў сумленні нясчаснага і канчаткова паспрыяла ей наступная акалічнасць. Калі ў адным з пецербургскіх клубаў нейкі высокі саноўнік – міністр або падобны яму не захацеў паціснуць працягнутую Біспінгам руку, пры гэтым громка прамовіў, што не хоча замараць сваю руку аб руку чалавека, які выракся сваёй веры і айчызны”.

Касцёл зноў вярнуўся да католікаў у 1921 г. Першы раз я патрапіў да яго ў 1926 г.

Памятаю ў Вярэйках Мараўскага, стогадовага старца, з буйнай, але сівой чу прынай. Ягоны выгляд будзіў у людзях павагу і пашану. Раней ен працаваў у Біспінга, які за сумленную і добрую працу ўзнагародзіў яго кавалкам зямлі і матэр'ялам на будоўлю дома. Пры ім касцёл перабудавалі ў царкву. Сцвярджаў, каб неяк адпомсціць, у мурах царквы замураваў пачвару, а яшчэ ў мурах схаваў ключык да табернакля – сховішча для асвячоных госьціяў, якое знаходзілася на алтары. Спраўдзілі – аказаўся праўдай. Сказаў, што крыж, які праваслаўныя наслі на працэсіі, зрабіў ен для касцёла. Праваслаўныя вернікі дадалі яму толькі касую пер акладзіну. Мар аўскага спачатку пахавалі ў склерэ касцёла, але пазней перанеслі на парафіяльныя могілкі. Пасля вяртання касцёла першым пробашчам стаў ксендз Альбін Горба. Малады, энергічны, прыстыдны, трохі лысаваты, з напалеонаўскай грыўкай, з бліскучым залатым зубам, знаў усе пра кожнага свайго парафіяніна.

Канікулы адыходзілі. Збліжаўся школьні год. У Рось вярнуцца ўжо не мог. Пануючы тады эканамічны крызіс закрануў і цэментны завод, які зачыніўся. Некаторыя працоўнікі былі ўладкованы для аховы завода, а дзядзька Скаўрон стаў швейшарам.

У Занцавічах школы не было, а найбліжэйшая знаходзілася ў Вярэйках, за 4 кіламетры ад нашага дома. Прэз некалькі тыгдняў з пачатку вучобы стаяў на парозе вярэйкаўскай

Помнік генералу Светчыну ў Вярэйках

школы, пра яку ю са слязьмі на вачах узгадваў мой бацька. Малы стары драўляны будынак з ганкам і двумя маленькімі калонамі, з дзвюмі школьнімі класамі, канцылярыяй і памяшканнем кіраўніка. Над будынкам навісала пісаная круча, – адвечны палігон вучняў школы.

Школай кіраваў настаўнік Смольскі, які навучаў мяне ў чацвертым класе. У суседнім класе навучала Еўлампія Магільніцкая. Смольскі належаў да прыстайных франтаў і на той час меў каля 26 год. Аднаго разу пахваліў мяне за мой чорны касцюм, перашыты с матчынай сукенкі, што не перашкаджала яму ўдарыць мяне лінейкай «у лапу» і падсунуць пад нос кулак.

Першае спатканне з новай школай было не вельмі прыемным. Атрымаў двойку па старажытнай гісторыі, можа, адзінную за ўсе

мае гады навучання ў пачатковай школе. Трэба было адказаць пра Вавілон. Не будучы на некалькіх ранейшых занятках, не меў паняцця, што азначала гэтае слова.

Нейкае ажыўленне ў класе прынесла паяўленне двух новых вучаніц са Шніпава. Дзяўчата не столькі былі прыгожыя, сколькі вылучаліся з нас сваім адзеннем. Жылі яны ў шніпавскім маентку, у якім калісці жыў мой дзед, і кожны раз у школу іх прывозілі на брычцы. Усе хлопцы закахаліся ў іх.

Рэлігійнае навучанне ў класе прынесла паяўленне двух новых вучаніц са Шніпава. Дзяўчата не столькі былі прыгожыя, сколькі вылучаліся з нас сваім адзеннем. Жылі яны ў шніпавскім маентку, у якім калісці жыў мой дзед, і кожны раз у школу іх прывозілі на брычцы. Усе хлопцы закахаліся ў іх.

Рэлігійнае навучанне ў класе прынесла паяўленне двух новых вучаніц са Шніпава. Дзяўчата не столькі былі прыгожыя, сколькі вылучаліся з нас сваім адзеннем. Жылі яны ў шніпавскім маентку, у якім калісці жыў мой дзед, і кожны раз у школу іх прывозілі на брычцы. Усе хлопцы закахаліся ў іх.

Школа ў Вярэйках не давала вучням вельмі добрых ведаў, а калі хцеў атрымаць больш якасныя веды, то ішоў вучыцца ў Шылавічы. Спрабаваў у школе сыграць у п'есе і нават атрымаў роль, але пасля першай рэпетыцыі дадому вярнуўся каля поўначы. Далей удзельнічаў у школьніх мерапрыемствах не дазволіла мама.

Зіму праводзіў у Занцавічах. Меў магчымасць убачыць цяжкія антысанітарныя ўмовы

жыцця некаторых акалічных весак. Я з бацькамі душыўся ў малюткім памяшканні, у якім на глінянай падлозе квахталі і нясліся две курыцы. З катла, стаячага на малой пліце, ішла пара з варыва. Смярдзеў начны гаршок, старанна ўкрыты пад ложкам. Адкрытае акно падвойвала смярдзенне, бо насупраць стаяў хлеў, поўны піску і пахруковання.

Той зімою ў Занцавічах быў на шасці пахаваннях. Памерлі: Міхал Карпыза – бацькаў брат, Казімір Карпыза – кузін, Віталік Карпыза – сын Людвікі, Марыя Карпыза – 14-гадовая дачка Габрыеля, Вінцэлія Карпыза – кузінка Лявона, Марыя Башкевіч. Большасць памерлых гэта дзееці або моладзь.

Найбольшая смярдзенне была па прычыне дызентарыі. Ваду ў студні ніхто не правяраў. Дзееці дзеля забавы плявалі ў яго або кідалі палкі. Аб'ядаліся недазрэлай гароднінай і садавінай. Мама аберагала мяне як магла. Не дазваляла есці зяленай садавіны. Аднак захварэў. Хваробу ўзмацніў страх. Праліжаў трох дні. У стравінку штосьці бурчала. Запытвалі,

ці баліць: падтаківаў. Пад час той хваробы да мяне ў рукі трапіў томік вершаў Францішка Карпінскага. Прынес яго Віктар Найдзюк з Шулеек. Пазней даведаўся, што Найдзюк быў кузінам незапамятнай Зіны Дагель з Росі. У той час я не ведаў ні паэзіі, ні Карпінскага, але чытаў з захапленнем. Было прыемна даведацца, што гэта наш ваўкавыскі паэт, а дакладней, з Лыскава. «Гэта мой дом убогі» – прачытаў тэкст пад фотаздымкам магілы Карпінскага ў Лыскаве. «Ты спіш, Зыгмунт, а твае суседзі да твойго дома ў госці прыехалі. Ты спіш, а чэлядзь будзе прымаць тых, хто цябе шанаваў або былі тваймі прыхільнікамі».

Збліжалася Пасха. Мама пякла мазуркі і ў лупінах ад цыбулі фарбавала яйкі. На ранку пад вокнамі зайграла гармонь і ахрыплыя галасы заспявалі:

Вяселы сення дзень настай,
Які з нас кожны чакаў.
У гэты дзень Хрыстос з мертвых устаў
Алітуя! Алітуя!

Мама падзякаўала «валачобнікам», падала праз вакно некалькі фарбаваных яек і трохі мазуркай. Яны пайшлі далей, але ў мяне сон ужо прапаў. У хляву пачаў пець певень, а чырвонае сонейка ўсходзіла над святочнай вескай.

Аднойчы мама прывезла з цементнага завода насенне вельмі прыгожых астраў. Пасадзілі іх за сто метраў ад хаты ў агародзе і калі надышла восень, астры зацвілі. Я пачаў іх даглядаць. Кветкі ўзбуджалі суседскую зайдзрасць, і я баяўся, што іх украдуць. Аднойчы ўбачыў дзіўны сон. Узышло сонейка. Раса пакрыла траву на двары. Ідзе сусед, пакідаючы на траве сляды. Накіроўваецца ў бок каліткі да гарода, дзе растуць астры. Скрыпнула калітка. Я не вытрымаў і прачнуўся. Апрануўся і выйшаў на вуліцу. Сляды на самай справе. Астры выкапаў сусед.

Канікулы праляцелі, і на перадзе зноў чакала школа. Яна зганяла сон не толькі з маіх вачэй але і з маміных. Чатыры кіламетры ад Занцавіч да Вярэек праз лес, багну, а зімой праз суметы – гэта былі тыя перашкоды, з-за якіх балела матчына сэрца. Да нас завітала цетка Марыя Шэйко з Бердзік і забрала мяне да сябе. Ад яе ў шылавіцкую школу было толькі два кіламетры. Зноў новы школьны год пачаў з месячным спазненнем.

У Бердзіках пражыў трох гады. Жылі ў працу ючай цэгельні, якую, як раней узгадваў, разам з Германаўшчызной купіў Мацей Шэйко. Цагельня была пабудавана с цэллю вытворчасці цэглы на будоўлю шылавіцкага касцела. Касцел пабудавалі, і цагельня стала не патрэбнай. Вакол яе засталіся глыбокія ямы, запоўненыя мутнай вадой. Парофіяне разам з ксяндзом Станіонісам прадалі яе Марголісу з Ваўкавыска. Усюды валяліся пабітыя дахаўкі з надпісам «Марголіс». Пры мне тут пачалі вырабляцца новыя дахаўкі, але ўжо з надпісам «М. Шэйко». Мацей тады ўжо не жыў, а гаспадар кай займалася энергічнай цеткай Марыя. Ад мужа нябошчыка засталася дачка Ядзвіга, якую называлі Уніяй. Цетка перацянула сюды з сваёй радзімы, з вескі Мікелеўшчызны, сваю сястру Ядзвігу з дачкой Геленай. Вось я і прыехаў сюды ў Бердзікі са сваімі сціплымі рэчамі, каб вучыцца ў шылавіцкай школе.

Невялікую колькасць працоўных цагельні ўзначальваў майстар Антон Мышкоўскі. Вакол цагельні не раслі дрэвы і не было анікай агарожы. Галоўным будынкам на тэрыторыі цагельні была печ для вобжыгу даховак і цэглы, пакрытая абшырным, сягающим амаль да самай зямлі, чырвоным дахам. Вакол печы раскінулася іншыя памяшканні, у якіх сушыўся і складваўся тавар. За памяшканнямі бачыўся пагорак з рэшткамі ветрака. З таго пагорка добра праглядвалася возера Велькі Луг, у якім аднойчы ўтапіўся пастух з каровай і цела якога, згодна лягендзе, знайшлі ажу Еве – фальварку ў Бердзіках. З пагорка таксама вельмі добра былі бачныя луг і Еве. Жылы дом быў з дрэва, аблазаны глінай і пабелены. Знаходзіўся на рагу пляца з боку Шылавіч. У ім мясціліся «салон», спальня, кухня, кладоўка, памяшканне майстра і два неўжываных памяшканні, у якіх раней рабілася кафля. З акон хаты адкрываўся від на цагельню, веску, таямнічую Еве, касцел і зялены квадрат дрэў на могілках.

У бліzkай вескі Бердзікі, якая была распажана непасрэдна ля цагельні, пражывалі некалькі сямей з прозвішчамі Шэйкі, Седляры, Бердзікі, Боўжыкі. Іх зямля, якую яны

апрацоўвалі, цягнулася далека, аж пад Велькі Луг, пра які хадзіла многа лягенд. Адзін з Бойжыкаў, калі я з Шовай чыталі згодна заданню «Патоп» Сянкевіча, расказаў нам цікавую гісторыю, а для пацверджання яе праўдзівасці ссылаўся на свайго дзеда:

– Каля гэтага Лугу, – расказваў ен, – заўжды нешта здаралася. Мой дзед на ўласныя вочы бачыў, як нехта схапіў жанчыну і зацягнуў яе ў багну, дзе яна ўтопла.

У школу хадзіў разам з Зосая Бердзік, Уладзем Бойжыкам і Казем Бойжыкам, празванымі намі Швой. Уладзя пасля заканчэння школы служыў у 1-ым палку своліжэраў у Варшаве. Пазней праз некалькі гадоў аж да 1952 г. служыў паштальенам у Свіслачы. Закончыў тэхнікум сувязі і ў 1957 г. пераехаў жыць у Польшу, у Гіжыцк.

Прынялі мяне ў школе з радасцю, бо настаўніца Сарасек лічыла мяне здольным вучнем. Сустрэўся з калегамі, якія мяне добра памяталі. У школе з'явілася новая настаўніца – Ванда Паэрская, паходзячая з Новага Сонча. Вучыла спевам і нямецкай мове. Маладзенькая, зграбная і ладная. Некаторыя з старэйшых вучняў адносіліся да яе па-кампайнейску. Пражывала ў Юруці, які здаваў школе ў арэнду найвялікшае памяшканне, дзе разам вучыліся 5-6 класы. Ванда залажыла ў Шылавічах харцэрскую дружыну, але пасля двух збораў дружыны нам нешта не падабалася і мы вярнулі назад ей купленыя для нас ліловыя рубашкі, просячы, каб яна аддала нам гроши. Сапраўднай прычынай нашых паводзін было тое, што ўсе мы былі ў яе закаханыя і такім незвычайным спосабам хацелі звярнуць яе ўвагу.

Большасць вучняў былі новыя. Слава аб шылавіцкай школе далека сягала за межы шылавіцкай гміны. Настаўніцы жылі школай і пасвячалі ей уесь свой час. У шылавіцкай гміне ў той час існавалі яшчэ іншыя школы: у Талькаўцах (настаўнікі Гнароўскі і Целухоў), у Вільчуках (Фелікс Рагашэўскі і Місевіч), у Вялікіх Азяранках (Сцефанія Пушкоўская), у Машнях (Францішка Наўрот), у Кукалках (Клара Кулік) і ў Косіне.

Частка вучняў шылавіцкай школы былі з суседніх гмін. Акрамя мяне, да такіх належалі: Казімір Урбан з вёскі Пажаркі – пазней стаў ксяндзам; Отта Рунге з Ізабеліна – далей вучыўся ў настаўніцкай семінарыі ў Свіслачы, загінуў пад Монтэ Касінам у Італіі; Баніфацы Богдан – мой прошлы калега па школе ў Косіне; Шымон Карач з вёскі Сыраежак – будучы выпускнік настаўніцкай семінарыі ў Свіслачы. Калі яго запыталі, чаму ен выбраў школу ў Шылавічах, коратка адказаў:

– Гавораць, што тут лепш вучаць!

З жалем даведаўся, што перад майм прыходам пакінуў школу мой сардэчны калега з Косіна, Баніфацы Богдан. Меў рэпутацыю добрага вучня.

Цікавай постаццю аказаўся Отта Рунге, прыстойны, добра апрануты немец з Ізабеліна. Жыў у настаўніц Сарасекавых у Шылавічах, якія прыходзіліся яму нейкімі родзічамі.

Класы былі аб’яднаныя, а сама школа мясцілася ў двух будынках, якія паміж сабой знаходзіліся на адлегласці. Старшыя класы мясціліся ў Юруці, і навучала тут кіраўнічка школы Эмілія Сарасек. Яе сястра Караліна навучала маліваню, а Ванда Паэрска – нямецкай мове. Лекцыі Эміліі вылучаліся канкрэцкай і зразумеласцю, а калі класы былі абяднаныя, то выкладала сціпла. Грунтоўныя рэчы занатоўвалі ў сыштку і падмацоўвалі малюнкамі. Сістэматычна нашы веды правярала. Асобную ўвагу звяртала на каліграфію. Аж да самага заканчэння школы вучні мелі спецыяльны сыштак, у якім кожны дзень каліграфічным пісьмом дома запаўнялі адну старонку. Тэкст складаўся з задання, якое трэба было запомніць. Да сеняшняга дня памятаю некалькі такіх заданняў: «Перамога англійскага адмірала Нельсана над французамі пад Трафальгарам», «Квадрат гіпатэнузы раўнінца суме квадратаў кацетаў», «Токіо – сталіца Японіі». Такое навучэнне, быць можа і банальнае, але прывучалі вучняў запамінаць лекцыі і адначасова спрыялі каліграфіі. Дзядзька Рашчэўскі пасля прагляду майго сыштка папрасіў мяне зрабіць надпісы на яго ўрадавых папках. Яблоньскому, майстру з цагельні, мая каліграфія не падабалася:

– Пішаць дротам! – бо ў яго разуменні літары выглядалі прыгожа з закаручкамі, як пісалі раней.

Вольнага часу меў многа. Сяброў з цагельні не меў. Сустракаўся з імі толькі па дарозе ў школу. Вольны час прысвячаў чытанню кніг, і ўсе кнігі са скромнай школы най бібліятэкі былі прачытаны. Тады перайшоў на кнігі з сабрання маей цеткі, дзе знайшоў «Дзікунку», «Фату Маргана», «Гегенне», «Трэндавату» і іншыя. Гэтыя кнігі моцна ўразілі мяне.

У школе вісела каляровая палітычнае мапа Еўропы. Пасля ўрокаў заставаўся ў школе, каб капіраваць дзяржавы з той карты. Да сення добра арынтуюся ў палітычнай геаграфіі.

Зімой паставілі камедыю пад тытулам «Зачараваная флейта». Граў у ей роль доктара Пігулкі. Я так захапіўся пастаноўкай, што пад час генеральнай рэпетыцыі стаў фактычным кіраўніком спектакля. Збянтэжаная пані Караліна прыбягала за кулісы і пытала:

– Што далей, Віцю?

З роллю Пігулкі справіўся добра. Пад час спектакля з залы часцяком гучалі смех гледачоў. Такім чынам, да маей славы добра га вучня далучылася слава коміка і арганізатора. З таго часу калегі называлі мяне «Пігулка». На спектаклі былі цечя Маня з дачкой Уніяй і цечя Ядвіга.

На дамовыя ўрокі кожны дзень траціў не болей за поўгадзіны. Гадзіны адлічваў старадаўні гадзінік на сцяне. Спачатку скрыгатаў, шумеў і толькі потым з цяжкасцю выбіваў мелодыю. Але гадзінік не перашкаджаў спасть да 6.30 раніцы. Да семай гадзіны прыбіраўся і сядаваў побач з Мышкоўскім да снядання. Мышкоўскі – гэта Пазнаняк з чорнай чупрынай і прыгожымі вусамі, з тыповай мужчынскай прыгажосцю, вельмі добра валодаў нямецкай мовай. За столом сядзеў цверда, кладучы пяцерні побач талеркі. На мае пытанні адказваў ветліва. Размова не была цікаваю і звыкла агранічвалася пытаннямі:

- Як па-нямецкі хлеб?
- Дэр бrot.
- А масла?
- Дэр буттэр.

Задуменна перажоўваеш той «дэр бrot», але ў гэты момант бачу праз акно Чэслава Яновіча з вескі Целяхі, празванага Янкелем, які ўжо зайшоў на пагорак. Заканчваю снеданне, вешаю за плечы школьнага ранец і даганяю Чэслава.

Мышкоўскі змусіў пакінуць цагельню, і цечя занялася пошукамі новага майстра. Прыйчынай быў рэвальвер маей цеткі, які яна хавала ў шкафе. Я адчыняў той шкаф, падстаўляў стул і глядзеў на яго, але ў рукі ніколі не браў. Аднаго разу паказаў яго Мышкоўскуму. Той узяў яго ў рукі і сказаў:

– Няхай пані дазволіць, то я толькі папалохаю працаўнікоў!

З рэвальверам у руках выйшаў на парог. Працаўнікі збіраліся на працу. Перад домам стаяла брычка, запрэжаная ў пару каней і якая праз хвіліну мела ехаць у Германаўшчызу. Мышкоўскі падняў рэвальвер у гору, думаючы выстраліць. Аднак выстрал раздаўся раней, чым ен падняў дагары пісталет. Куля папала ў спіну бліжэйшага каня. Ратунак не памог, і мусілі дабіць каня. Мышкоўскага цечя выгнала.

Працяг будзе

Волковыск межвоенный

Николай Быховцев

Транспорт и коммуникации

Своему усиленному росту, как уже упоминалось, Волковыск, прежде всего, был обязан железной дороге. Чем больше путей на разные направления прокладывалось через него и чем оживленнее становилось движение поездов, тем больше требовалось рабочих рук. На работу принимались не только специалисты с нужным образованием, но и простые рабочие. Служащие и рабочие железнодорожники еще при царе выделялись среди других профессий не только формой, но и привилегированным положением, обеспечивающим безбедную жизнь. Такое положение сохранилось и при новой польской власти.

Заработная плата у железнодорожников считалась одной из самых высоких по стране. Так, например, машинист паровоза, в зависимости от классности, получал от 400 до 500 злотых в месяц. Стрелочник зарабатывал около 200 злотых. Слесарь паровозного депо получал в среднем 240 злотых. И это без премиальных. Тот же слесарь, вышедший на пенсию, получал 145 злотых пенсии. Для сравнения: корова стоила около 80 злотых. Высокая зарплата позволяла строить собственное жилье. На окраинах города возникало много новых улиц, заселенных исключительно семьями железнодорожников.

По существу, железнодорожное ведомство являлось второй по значению организацией в стране. Первой стояла армия. Поэтому железнодорожные вокзалы строились как дворцы. В Волковыске оба здания вокзалов в одном крыле имели заложидания, в другом – рестораны, а посередине – билетные кассы. На вторых этажах располагались комнаты для администрации. Только дежурный по вокзалу находился на первом этаже. Внутри вокзала стояли механические автоматы по продаже шоколада. Опустишь монету в двадцать грошей, дернешь за ручку, и небольшая шоколадка вылетала в лоток. Для детей получить таким образом сладость было одно удовольствие, и автомат никогда не простоявал без работы. Еще одной забавой, но уже для взрослых, являлся музыкальный шкаф в ресторане. За такую же монету в двадцать грошей запускался механический диск с выбранной мелодией.

Поезд стал основным видом транспорта для жителей Волковыска. С его станций пассажиры ежедневно отправлялись на Вильнюс и Варшаву, Гродно и Барановичи. Экспресс «Москва – Берлин», прозванный в народе «Большевик», ходил через день и останавливался в 18.30 на одном из вокзалов станции Волковыск Центральный. Отдельные прицепные вагоны в этом составе шли до самого Парижа. В летний сезон в парижские вагоны загружались живые раки, которые на следующий день попадали на столы парижских ресторанов, ублажая изысканный вкус местных гурманов. В Волковыске таким бизнесом занимался еврей по фамилии Лис. Он содержал на реке Россь, недалеко от Белостока-Волковыска, специальную «раковню», где скупал, сортировал и хранил раков, выловленных со всего повета. За средней величины рака Лис платил пять грошей, в то время как килограмм плотвы или окуня стоил один злотый [1].

Так, как во всей западной Европе, в том числе и Польше, железнодорожная колея более узкая, чем в СССР, то движение польских вагонов по советской территории без технического вмешательства было невозможно. Для этого на приваренной станции Негорелое, что возле Столбцов, пассажирские вагоны подымались ручными подъемниками и на них заменялись колесные пары. Паровоз прицеплялся советский. С Баранович до Волковыска паровоз вела барановичская бригада, а с Волковыска до Варшавы – волковысская.

Чтобы выйти с вокзала на перрон, провожающим и встречающим требовалось заплатить за перронный билет пять грошей. Во избежание несчастных случаев людей выпускали на перрон только после прибытия поезда.

В пределах города три раза на день курсировал небольшой пассажирский поезд, состоящий из трех вагонов. Первую остановку, называемую «Волковыск Пшедмесце», поезд делал напротив Шведской горы, рядом со школой по улице Жвирки и Вигуры (Осипенко), вторую – на городском вокзале, третью – напротив паровозного депо, а последнюю – на вокзале станции Волковыск Центральный. Между обоими вокзалами Волковыска поезд ходил каждый час. Для железнодорожников и их детей-школьников проезд в поезде был бесплатным. Проездной билет или «легитимация» выдавался школьнику на целый год и при посадке обязательно предъявлялся кондуктору. Кроме того, работающий на железной дороге человек, имел право в течение года выписать для себя 12 бесплатных билетов в любой город Польши. В том числе – три на курьерский, а также по три билета для жены и детей.

Для сравнения. При СССР таких широких льгот для железнодорожников уже не существовало. Не существуют в таком объеме они и теперь.

26 августа 1928 г. в Волковыске появился новый вид передвижения – первый автобус. Об этом примечательном для города событии газета сообщила следующее:

«В 9 часов утра на рынке Волковыска появился автобус, который прибыл с пассажирами из Свислочи. Среди первых пассажиров находились свислочские войты с бурмистром. Автобус выехал из Свислочи в 7 часов утра и в 8.30 прибыл в Волковыск. В 19 вечера отправился обратно. Между Свислочью и Волковыском ходит пассажирский поезд, но он в одну сторону идет целых четыре часа» [2].

В этом же году автобусы начали перевозить людей и под другим маршрутом: Свислочь-Яловка, Свислочь-Белосток, Волковыск-Лысково, Волковыск-Зельва-Деречин, Волковыск-Гродно. Все автобусы принадлежали частным владельцам. Водитель автобуса в обязательном порядке должен был обилетить пассажиров и, в зависимости от дохода, заплатить государству налог. Налоговые инспектора следили за этим строго:

«Поветовый отдел на своем заседании вынес наказание владельцам автобусов за провоз пассажиров без билетов: Хайма Дlugопольского оштрафовал на 204,5 злотых, Бэрэля Добропольского на 382,5 злотых, Яна Лукашевича на 157,5 злотых, Шостка на 217,5 злотых» [3]. Заметим, что это довольно большие суммы штрафа.

В начале 1930-х годов автобусное движение наладилось и в самом городе. Маршрут автобуса пролегал от Рыночной площади до вокзала станции Волковыск Центральный. Стоимость билета составляла 60 грошей. По тем временам это дорогой проезд.

К 1937 г. два раза в сутки с Волковыска на Белосток с заездом во Мстибово начал курсировать государственный автобус. К этому году, как указывал путеводитель по Белостокскому воеводству, такси в Волковыске еще не появилось [4, с.400].

Иногда автомобиль воспринимался местным населением с враждебностью, ведь на них могли ездить только очень состоятельные граждане. 26 июля 1930 г. комендант белостокской полиции разослал по всем поветам циркулярное письмо следующего содержания:

«В последнее время произошло много случаев, говорящих о том, что состояние безопасности на общественных дорогах с оживленным движением автомобилей оставляет желать лучшего. Множатся случаи нападения на одиночных путешественников – забрасывание автомобилей камнями и грязью, а также разбрасывание на дорогах осколков стекла или гвоздей для прокалывания шин. Все это угрожает человеческим жизням.

Требую принять все меры для обеспечения безопасности движения, а также донести до населения, что все, даже мелкие «выбрыки», направленные против проезжающих, будут сурово наказываться» [5].

Все более в обиход входил и такой вид транспорта, как велосипед. С каждым годом «рөвэр» дешевел и становился доступным широким массам населения. Так, если в 1926 г.

Железнодорожный вокзал на станции Волковыск Город. Вид со стороны путей. 1928 г.
Рисунок Александра Попова

велосипед стоил 300 злотых (для сравнения: лошадь стоила в среднем около 150 злотых – Н. Б.), то уже через десять лет стоимость велосипеда упала до 120 злотых.

15 июля 1930 г. комендант полиции Волковысского повета разослал в сем полицейским участкам (постерункам) инструкцию следующего содержания: «Волковысское старство в бегущем году выдало 61 велосипедную карту. В то же время на велосипедах ездят сотни людей, а постерунки не обращают на это внимания. На велосипедах ездят малолетки, которые не умеют им управлять и не соблюдают дорожных правил. Даже ездят по тротуарам.

Приказываю на не имеющих карт и нарушителей правил движения складывать протоколы» [5].

В городе до самой войны не изжил себя старый вид транспорта – конный. Хотя техника и создала большую конкуренцию извозчикам, но при неважном состоянии многих дорог в некоторые места можно было добраться только на конной тяге. В Волковыске извозчики дежурили в четырех местах – возле деревянной церкви (сейчас сквер за Домом культуры), возле рынка и на обоих вокзалах. Занимались в основном таким видом промысла евреи. Стоимость проезда на дрожжах – легком открытом экипаже в пределах города составляла 50 грошей. Маршрут на вокзалы оплачивался по иному: на городской вокзал – 80 грошей, на Волковыск Центральный – 2 злотых. Подрабатывал извозом в свободное время от работы на своем хозяйстве и житель Волковыска Петр Ружанский. Самый большой заработка у него был на Новый год, когда извозчик целую новогоднюю ночь развозил между городом и станцией Волковыск Центральный подгулявших железнодорожников. Многие семьи железнодорожников, зарабатывая неплохие деньги, отмечали Новый год в ресторанах. Как вспоминает сын Чеслав Ружанский, отец за одну такую ночь приносил домой 100 злотых.

А вот что писала газета в 1928 г. о состоянии дорог:

*Железнодорожный вокзал Волковыск Город. Вид со стороны привокзальной площади.
Фото 1930-х годов*

«Во все времена одна из самых больших болячек нашей жизни – состояние дорог. Еще с российских времен за них брались только тогда, когда по ним должен был проехать большой начальник. Тогда по окрестным селам собирали крестьян, и те выравнивали колеи, ухабы, затыкали дырки в мостах. Следующий раз дороги приводились в порядок к приезду очередного начальника. После войны дорогам не уделялось внимания вообще. Но если дороги государственного значения и воеводские поддерживались более-менее в нормальном состоянии, то поветовые и гминные из рук вон плохо» [6].

И теперь, в 2007 г., состояние дорог на большинстве окраинных улиц частного сектора Волковыска находится также из рук вон плохо. В сырую погоду по многим из них без резиновой обуви пройти просто проблематично: ямы с водой, грязь и колдобины – вот что приходится преодолевать пешеходам и транспорту. А в сухую погоду люди вынуждены глотать поднимаемую машинами густую пыль. И если в 1928 г. плохое состояние дорог можно было списать на недавно прошедшую войну, то сейчас после последней войны прошло более 60 лет и винить в бездорожье можно только безхозяйственность властей.

На 1928 г. в повете насчитывалось 500 гнилых мостов и ни одной дороги, не требующей ремонта. Налог на дороги только в малой степени покрывал требуемые расходы на ремонт, поэтому вскоре государство ввело так называемый «шарварок» – обязанность сельскому населению отработать на ремонте и строительстве дорог определенный срок. Для руководства дорожными работами поставили инженера Осткевича-Рудницкого [7]. С этого года поветовый сеймик намечает и финансирует ежегодный объем работ по ремонту и строительству дорог. Так, на 1928 г. на строительство дороги Волковыск-Подороск-Гута, длиною 45,6 км, сеймик взял ссуду в Государственном Хозяйственном банке в размере ста тысяч долларов. Общее количество дней бесплатной работы на шарварке в этом же году составило 240577 человеко-дней, что в перерасчете на деньги получалось около 500 тысяч золотых.

Для строительства дорог широко применялся местный материал – камни с полей, которых в наших краях в избытке. Кроме большой пользы, что приносило очищение полей

от камня, за него еще и платили. На 1939 г., например, план доставки камней выглядел следующим образом:

«1. Воеводская дорога Волковыск-Пески-Мосты:

а) на строительство шоссе, доставку камней на дробление, мощение поставить камни в количестве 2071 м. куб. по 3,5 злотых за куб при квоте 7248,5 злотых. Камни доставлять по согласованию с техником Раймундом Любинским.

Всего требуется заготовить 11637 м. куб. камней при квоте 25272 злотых. Камень для мощения должен быть от 15 до 22 см. Доставку камней закончить до 15 марта» [7].

Многие крестьяне, имеющие лошадь, могли неплохо заработать на доставке камней. Кроме того, на сезонные работы при строительстве дорог, дополнительно привлекалась немалая рабочая сила, что давало возможность временно трудоустроить безработных: «Дорожная управа в Волковыске начала работу по строительству шоссе длиною 2,6 км на трассе Волковыск-Замковый лес. Для этой цели привлекаются безработные. Камень для строительства доставлять сельским рабочим. Оплата производится из бюджета на строительство дорог» [8].

Одновременно приводились в порядок деревенские улицы. Вспоминает житель пригородной деревни Ятвэзь Иосиф Петрович Пивоварчик, 1909 г. рождения:

«В 1936 г. в гмине Бискупцы начали мостить улицы в нескольких деревнях – Ятвэзи, Пекарях, Рупейках, Войтковичах и Бискупцах. Мостили сами жители. На своих подводах подвозили камни и песок. Все делалось бесплатно. За это три года не платили никаких налогов» [9].

Об огромном значении, которое придавалось строительству дорог, свидетельствует распределение поветового бюджета, из которого до трети суммы шло на дороги. Так за 1930/1931 бюджетный год бюджет составил 1 118 452 злотых. На строительство дорог было выделено 350 000 злотых, на поддержку сельского хозяйства – 8541, общественное попечение (дома для сирот) – 117 000, просвещение – 22850. Городской бюджет составил 480 322 злотых.

Асфальтированных дорог в то время в повете не строили, а самой качественной считалась «битая» дорога. Основой такой дороги, шириной 4,5 – 5 метров, составляли дробленые (битые) камни, поверх которых насыпалась щебенка слоем в 20 см. На щебенку сыпался гравий с добавлением глины. Когда дорога утрамбовывалась и обсыхала, то, благодаря специальному профилю при дожде, вода стекала на обочину, и грязи не возникало. Такие дорогостоящие покрытия строились, в основном, на дорогах государственного значения, например, Белосток-Волковыск. Конечно, такие дороги были рассчитаны на транспорт легкой грузоподъемности. Во время немецкой оккупации немцы были вынуждены данную дорогу расширить и асфальтировать. На 1928 г. в Волковысском повете насчитывалось 128 км битых и 3103 км грунтовых дорог.

Связь

На 1928 г. во всех гминах имелись отделения почтовой связи. Постепенно развивалась телефонная связь. На тот же 1928 г. ею было не охвачено всего лишь две наиболее удаленные от Волковыска гмины – Тарнополь и Терешки, но на следующий год телефонную линию провели и туда. В то же время телефонизация села отсутствовала. Даже из более чем 70 семей помещиков Волковысского повета телефон могли позволить себе лишь двое: Биспинг из Струбницы и Тарасович из Гнезна. Однако с каждым годом телефонизацией охватывалось все большее число предприятий и частных граждан. Коммутация абонентов происходила вручную девушками-телефонистками после звонка на телефонную станцию и просьбы соединить с тем или иным абонентом. Читателю наверняка будет интересно просмотреть список первых абонентов Волковысской городской телефонной сети. Сохранившийся телефонный справочник того времени – один из немногих источников, из

которого можно узнать какие учреждения, магазины, предприниматели и доктора находились в Волковыске в межвоенный период его истории, и где они размещались. Перед вами такой список за 1934 г.:

- 106 – информация и рекламации
- 124 – общественный переговорный пункт
- 122 – Амсцибовский Абрам, житель ул. Костюшки, 96
- 66 – Аптечный магазин, Кроль Нохим, ул. Костюшки, 48
- 111 – Аптечный магазин, Прэсс Борыс, ул. Широкая, 118а
- 112 – Аптека охраны здоровья Ехлэла, ул. Гродненская, 2
- 105 – Аптека Тыминского Хугона, ул. Замковая, 1
- 67 – Банк купецкий, ул. Костюшки, 25
- 38 – Банк кооперативный, ул. Костюшки, 51 б
- 63 – Блелец Якуб, ул. Гродненская, 5
- 5 – Белецкий Мечислав, капитан, поветовый комендант, ул. Костюшки, 56
- 70 – Биспинг Казимир, усадьба Струбница
- 60 – Бюро союза водяных мельниц «Колантаи», ул. Замковая, 3
- 69 – Ботвинский А., владелец кинотеатра «Полония» и фабрики бетонных изделий, ул. Широкая, 67
- 48 – телефонная станция 3-его полка конных стрелков, казармы
- 84 – Чижевский Ян, нотариус, канцелярия, ул. Костюшки, 74
- 35 – Давыдовский Я., торговля зерном, ул. Татарская, 3
- 93 – доктор Бэбчуц Пэйсаҳ, ул. Замковая, 9
- 65 – доктор Ганцевич Антон, поветовый врач, ул. 3-его Мая, 6 а
- 82 – доктор Мордасевич Вацлав, главный сеймиковый врач, ул. Виленская, 14
- 23 – доктор Седлецкий Якуб, ул. Костюшки, 63
- 74 – доктор Шлакман М., ул. Костюшки, 97
- 36 – доктор Вайнберг А., рентген, электротерапия, ул. Гродненская, 2
- 97 – доктор Вайннер Мозес, ул. Костюшки, 17
- 92 – типография Юдзика Х. и Шалкевича А., ул. Замковая, 7
- 37 – городская электростанция, ул. Широкая, 58 с
- 49 – Глецелевич Евель, ул. Широкая, 110-4
- 25 – Глершуни Юдель, транспортное бюро, ул. Костюшки, 8
- 89 – Государственная гимназия имени короля Стеф. Батория, ул. Гимназическая, 3
- 75 – Гинзбург Петрицэр, маслозавод (адрес не указан)
- 40 – Гурвэз и Зерницкий, склад экспорта яиц, ул. Аптечная, 13
- 104 – торговая гостиница, Гинзбург Овсей, ул. Широкая, 84
- 12 – гостиница Мовшовского Овсея, ул. Широкая, 112-1
- 39 – школьный инспектор, канцелярия, ул. Песковая, 9
- 58 – Кабузлацкая Фания, торговля зерном, ул. Широкая, 89
- 24 – Качмарик Алоиз, староста, ул. 3-его Мая, 14
- 44 – Каплан Берко, купец, ул. Широкая, 122
- 91 – касса больных, ул. Замковая, 5
- 31 – финансовая касса, ул. Костюшки, 98
- 96 – железнодорожная станция Волковыск Центральный

Дополнительные телефоны:

- 1 – железнодорожная электростанция
- 10 – товарная экспедиция
- 11 – дорожный контролер, инженер Сковера, кабинет
- 14 – железнодорожная медицинская амбулатория

Здание центральной почты на улице Костюшки. Фото 1930-х годов

- 2 – начальник механического отдела, инженер Ошурко, кабинет
- 5 – начальник движения инженер Ракуса-Сущевский, кабинет
- 6 – начальник отдела движения Будрецкий, кабинет
- 8 – дежурный по станции
- 4 – заведующий электростанцией, квартира
- 2 – начальник станции Волковыск-город
- 33 – поветовая полиция, ул. Пилсудского, 6
- 56 – комендант поветовой полиции, кабинет, ул. Песковая, 8
- 78 – комендант пожарной охраны, Хантов, ул. Костюшки, 47а
- 71 – коммунальная сберегательная касса, ул. Костюшки, 49
- 10 – Козубский Владислав, бурмистр, ул. Новая, 18
- 7 – Лидский Сохар, ул. Костюшки, 95
- 123 – Лазаровский Якуб, склад извести и цемента, ул. Холодовская, 17-3
- 101 – магистрат, канцелярия, ул. Костюшки, 54
- 57 – кабинет бурмистра, ул. Костюшки, 54
- 110 – Мешенгисер, ул. Костюшки, 2
- 14 – директор кооперативного мясокомбината, квартира
- 83 – Мостков Гэрэ, ул. Брестская, 26
- 115 – Мошовская и Ивеньский, торговля товарами из колоний и нефтепродуктами, бензиновая станция, ул. Гродненская, 3
- 62 – Мозэс Юдзик, экспедиция, ул. Широкая, 58
- 61 – начальник тюрьмы, ул. Костюшки, 94
- 125 – волковысское лесничество
- 55 – Немчик Мечислав, доктор, заведующ. еврейской больницей, ул. Широкая, 106

Телефонная станция Волковыска 1930-х годов. Фото старшего монтера Иосифа Бубенца

6 – Государственная женская учительская семинария имени Эмилии Платер

42 – кабинет начальника почты

113 – канце

127 – квартира начальника почты

53 – техническая служба

22 – почтовый отдел

106 – телеграф

43 – Парис В., телеграфный и телефонный техник

182 – почтово-телеграфный отдел Волковыск-2, Волковыск Центральный, вокзал

4 – Волковыск-3, вокзал, Волковыск Город

86 – Бубенец Юзеф, старший монтер

- 27 – полицейский участок, ул. Электрическая, 7
 41 – участок военной жандармерии, казармы
 126 – дополнительная поветовая команда
 77 – поветовое земельное учреждение, ул. Широкая, 117
 80 – общественная еврейская больница, ул. Шпитальная
 87 – Рупинский Мечислав, нотариус, ул. Костюшки, 6
 13 – Городской мясокомбинат, ул. Цегельная
 95 – Салман Исаак, купец леса, ул. Костюшки, 95
 28 – судебный следователь, ул. Костюшки, 53
 18 – склад военных материалов, казармы
 117 – Смазанович-Мовшовский, купец леса, ул. Брестская, 24-4
 114 – кооперативная кредитная касса владельцев недвижимости, ул. Костюшки, 12
 15 – кооперативный мясокомбинат, бюро
 54 – сельско-торговый кооператив, переулок Роскошный, 1
 45 – староста Волковыска, кабинет, ул. Рынковая, 14
 47 – староство Волковысское, канцелярия
 1 – Стефанский Эразм, землемер, ул. Виленская, 24
 79 – пожарная охрана, ул. Костюшки, 54
 8 – Шейн Лейба, гостиница «Гродненская», ул. Гродненская, 8
 19 – Школьникович Самуэль, ул. Чистая, 1-1 а
 116 – Шлосберг Эляш, кирпичный завод, Шведская гора
 3 – Шолохович Мозес, ул. Широкая, 45
 81 – сеймиковая больница, ул. Шоссевая
 90 – Тарасович Павел, усадьба Гнезно
 2 – гмина Бискупцы
 32 – учреждение по сбору налогов, ул. Костюшки, 28
 50 – тюрьма, канцелярия, ул. Костюшки, 104
 9 – Выбрановский Ст., ул. Татарская, 35
 99 – союз сельских работников, ул. Виленская, 5
 4 – полицейский участок, Волковыск-2

Как видно из списка, в нем имеется много свободных номеров. Причина этому может быть только одна – пользоваться телефоном в то время было очень дорогим удовольствием.

Источники:

1. Грицук Людмила Владимировна. Воспоминания, записанные автором. 2003. Архив автора.
2. Tygodnik Wołkowskiego. 1928. № 35.
3. Tygodnik Wołkowskiego. 1933. № 19.
4. Mieczysław Orłowicz. Pczewodnik po województwie Białostockim. 1937.
5. Государственный архив Гродненской области (ГАГО). Ф.81. О.1 Д.65.
6. Tygodnik Wołkowskiego. 1927. №5.
7. Tygodnik Wołkowskiego. 1928. №1.
8. Tygodnik Wołkowskiego. 1933. № 16.
9. Пивоварчик Иосиф Петрович. Воспоминания, записанные автором. 2004. Архив автора.

Семь суток войны

Николай Быховцев

Продолжение. Начало в № 1-4

Милиционеры спасают деньги

На восток от быстро приближающегося врага стремились уйти разными способами. Особенно местные советские и партийные служащие, которым оказалось в оккупации было подобно смерти. Один из таких способов бегства местные советские идеологи возвели в ранг подвига, а именно поступок волковысских милиционеров Павла Семенчука и Петра Косило, охранявших в первый день войны госбанк. С помощью угрозы оружием, захватив грузовую машину, и погрузив в нее несколько мешков с деньгами, проехав всю Беларусь, они доставили деньги в Шклов. Это в то время, когда машина сама ценилась превыше всего, ведь транспорта катастрофически не хватало, прежде всего, для людей. Не лучше ли было деньги сжечь, а в машину загрузить женщин с детьми, а то и раненых. В то же время в Волковыске не нашлось машины, чтобы вывезти архивы, которые пропали для истории навсегда (в частности прямым попаданием бомбы в здание НКВД был уничтожен и его архив. - Н.Б.). Пропали и экспонаты городского краеведческого музея, впоследствии оказавшиеся полностью раскраденными или уничтоженными. В критическое время, когда требовалось выбрать одно из двух: спасать советские деньги или людские жизни – милиционеры выбрали деньги. Для них деньги оказались ценнее человеческих жизней.

Справка из архива: «Семенчук Павел Васильевич, 1911 г. рождения, родился в деревне Шовки, сельсовет Дыхновичи, образование низшее, белорус, политически развит недостаточно. 22 сентября 1940 г. обнаружен спящим на посту около райисполкома, подвергнут дисциплинарному взысканию 5 суток ареста» [1].

Мало того, этих милиционеров после войны за их поступок объявили героями. Но герои воевали на фронте, на передовой. Милиционеры же, мигом проскочив всю Беларусь и сдав деньги, летом 1941 г. участвовали в выселении целого народа – поволжских немцев. Затем до конца 1943 г. «проехали» в тыловом городе Ярославле, где в местной тюрьме НКВД, прослужили тюремными надзирателями, охраняя «особо опасных преступников», а по-другому «врагов народа» [1]. Сейчас хорошо известно, что это были за «враги». До самой Победы особого желания встретиться на фронте с действительными врагами не изъявили, иначе, написав рапорт, на фронт попали бы.

В вышедшей книге «Памяць» по Волковысскому району составители книги уделили их «геройскому» поступку целых четыре страницы, сделав, таким образом, тюремных надзирателей главными героями «Памяті» [2, с.202-205]. Вот как немцы отнеслись к советским деньгам, которые для них были просто бумажками (ведь не валюта же!), и которые так «самоотверженно» спасали милиционеры. Вспоминает житель Волковыска Ян Карлович Былинский: «В первый же день немецкой оккупации Волковыска в парке возле городского вокзала немецкие солдаты обнаружили брошенный кем-то металлический сейф, закрытый на замок и неизвестно каким образом очутившийся там. С трудом взломали его, но, к великому разочарованию солдат, там обнаружили многочисленные пачки советских денежных купюр. Обозлившись, что в сейфе не оказалось ожидаемых драгоценностей, солдаты по очереди распечатывали банковские упаковки и бросали их в воздух. Разлетевшиеся купюры усеяли, как осенними листьями, всю землю вокруг. Так немцы выражали свое презрение к ненужным им советским деньгам» [3].

Здесь следует добавить, что в СССР в 1948 г. была проведена очередная денежная реформа, еще раз подтвердившая действительную «ценность» советских денег.

Кроме того, в книге «Памяць» в статье А. Улитенка «Абавязак, золата і гонар» о подвиге двух милиционеров искажены факты первого дня войны в Волковыске. Самым удивительным образом действия спасателей советских денег расписаны по часам и даже минутам. Откуда такая необыкновенная точность? Неужели милиционеры вели дневник, в котором хронометрически отмечали свои действия? Излишняя точность по времени в описании Улитенком «необыкновенного подвига» не вызывает доверия. Не было 22 июня в 6.15 утра никакой бомбёжки центра Волковыска, как это описывает он, поэтому и не могли милиционеры геройски спасать из горящего здания банка мешки с деньгами. Ситуации, когда 22 июня в 17.40. «проносился над крышей самолет или гремел рядом слепой взрыв, а следом осыпалась штукатурка», или: «Косило бросился под бомбёжкой к шоссе, которое вело на восток, проголосовал первой же пустой машине» – автор выдумал для создания необходимого антуража и создания пущей значимости «подвигу» милиционеров. Автор данной книги больше склонен доверять дневнику Вероники Тресенберг, который девушка вела по горячим следам событий, и где о начале бомбёжки центра города она первый раз сообщает в понедельник 23 июня. Поэтому более похоже на правду, что милиционеры вывезли деньги не 22 июля, а на другой день, т.е. 23 июля, когда, действительно, началась бомбардировка центра города. И не по собственной инициативе, а по приказу областного белостокского руководства, когда оно в этот день появилось в Волковыске и почти не задерживаясь помчалось подальше от войны на восток.

Да и про золото, упомянутое в заглавии ради красоты, никакой речи в самой статье не идет, так как никакого золота просто не существовало.

В этой же статье о последующей судьбе Павла Семенчука со слов Петра Косило сообщается: «Погиб он.... смертью храбрых. Обидно – уже после войны. ...Под городом недобитая нечисть орудовала. Мы с ней сражались. В одной из операций Павла и прошло автоматной очередью. Прополз в горячке три метра и все – кончилась его дорога...» [2].

Правда, да не вся. «Прошло» Павла Семенчука не очередью из автомата «недобитой нечисти», а из пистолета своего сотрудника милиции, с которым он находился в засаде [1]. И выходит погиб он ни смертью храбрых, а самым подлым образом застрелил его свой сослуживец, с которым они чего-то ранее не поделили.

...а машинисты спасают людей

В то время, когда волковысские милиционеры стремились с деньгами поскорее добраться в глубокий тыл, обычные рабочие до конца выполняли свой долг на месте, рискуя своими жизнями чтобы спасти людей. Их почему-то в героях составители книги «Памяць» не записали. Одним из таких, действительных героев, был кочегар паровоза Василий Андреевич Постник: «Для меня, молодого, неженатого хлопца, – вспоминает Василий Андреевич, – день 22 июня не предвещал ничего плохого. Наоборот, только вчера вечером я, кочегар паровоза, вернулся из очередной поездки в родное волковысское депо, смыв под душем угольную пыль, и впереди меня ждали заслуженные сутки отдыха. В то время я снимал комнату в частном доме возле станции Волковыск Центральной. Когда же в мою дверь постучали, я еще валялся в кровати. Это прибежал посыльный из депо и под расписку приказал тот час явиться на работу. Пробовал узнать для чего, но посыльный сам толком не знал, поэтому на работу явился во всем новом, рассчитывая долго не задержаться и сразу пойти в город. Но в депо всем выдали противогазы и распределили в только что сформированные бригады. Поползли слухи, что началась война и бомбили российский аэрором.

Бригаду, в которую меня назначили, отправили расконсервировать старый паровоз. Трудяга «Щука», давно отслужившая свой срок и отправленная на «пенсию», вновь по

причине войны призывалась на службу. Паровоз вытянули с запасных путей, заправили водой и разожгли топку заранее загруженным углем. Когда «Щука» была готовая к работе, бригаде выдали задание подцепить порожняк и гнать поезд на станцию Черемха к западной границе. В Черемхе состав уже ждали семьи офицеров и советско-партийных работников со своим скарбом, упакованным в чемоданы и узлы. Садились и рабочие, направленные в эти места рыть землю да мешать бетон для приграничного строительства.

На обратном пути эшелон несколько раз бомбили и обстреливали немецкие самолеты, но прямых попаданий не было. По движущейся цели попасть бомбой под силу разве что опытному асу. Для меня попадать под огонь самолетов с черными крестами на крыльях пришлось не первый раз. В сентябре 1939 г. мне, наводчику зенитного орудия целых две недели пришлось ловить в прицел эти самые фашистские кресты. Защищая небо Варшавы, лично наш расчет сбил два самолета противника, а в составе батареи все пятнадцать. Но сейчас наш эшелон никто не защищал, ни с земли, ни с неба.

Вечером того же дня прибыли в Волковыск. Отцепились. Многие вагоны оказались продырявленные пулями немецких пулеметов. Были убитые и раненые. Короткая ночь ушла на ремонт и дозаправку паровоза. Старенькая работяга «Щука» не подвела, выдержала первое боевое крещение. Утром в понедельник паровоз послали в Мосты, где, как сообщили, недалеко от города немцы разбомбили эшелон с беженцами и повредили паровоз. Подъехав к эшелону, подцепились и притянули его на станцию Мосты. Машинист поврежденного паровоза был убит. В вагонах поезда ехали беженцы из Гродно, да еще дети из пионерского лагеря в Озерах. Многие из них разбежались во время бомбейки, а сейчас вновь разместились в простреленных вагонах.

Выбраться из-за затянувшегося ремонта разбомбленных впереди путей смогли только к пяти часам дня. Не доехая станции Скрибовцы, что между Мостами и Лидой, опять, как стая воронья, налетели фашистские самолеты. От близкоразорвавшейся бомбы паровоз сильно качнуло, и меня со всей силой бросило на железный пол. Ударившись головой обо что-то твердое, потерял сознание. Когда очнулся, эшелон стоял посреди леса, а вокруг него валялись убитые и раненые люди. Повсюду виднелись брошенные чемоданы и узлы. Уцелевшие пассажиры оказывали помощь раненым. Большинство живых разбежались от страшного места в окрестный лес и теперь боялись вернуться к месту трагедии. Через какое-то время к разбомбленному эшелону подъехало несколько военных машин, которые подобрали раненых и детей. Разбитый состав дальше двигаться не мог, и уцелевшие беженцы пешком по шпалам двинулись к Лиде...» [4].

В этом же эшелоне ехала жительница Волковыска Тамара Антоновна Калиновская, а тогда еще Тамара Бжазковская, 1925 г. рождения. Из воспоминаний Тамары Антоновны: «В июне 1941 г. меня за хорошую учебу направили на отдых в пионерский лагерь в Озера. Дома остались мать, отец и сестра Лариса. 22 июня у нас было запланировано торжественное открытие лагеря. Что началась война, узнали только в пять часов вечера. В это время мы собирались в столовой на полдник, и нам объявили:

- Дети! Война! Готовьтесь к эвакуации. Сейчас получите сухой паек на дорогу. Личных вещей с собой не брать.

Как только стемнело, нас повели на вокзал. Нарушив приказ, взяли с собой чемоданы и рюкзаки с личными вещами. Мы не представляли, как это их бросить, ведь нашим родителям вещи стоили труда. Вместе с нами шли и наши вожатые с воспитателями. На станции Озера нас погрузили в поезд, везший из Гродно эвакуированные семьи. Выехали ранним утром. До Мостов добрались нормально, а за Мостами эшелон разбомбили. Все разбежались в заросли на болоте. Когда самолеты улетели, оказалось, что паровоз неисправен и двигаться дальше не может. Нас из Волковыска, собралась группа детей, и мы решили добираться домой пешком, по железной дороге. Взрослые показали нужный путь и сказали, что к вечеру будем дома. Когда подошли к железнодорожному мосту через Неман, нашу группу задержала вооруженная охрана. На наши уговоры и объяснения не поддались и через Неман

не пропустили. Другой дороги мы не знали, и пришлось возвратиться на станцию.

Утром на следующий день нас уже ждал с прибывшим из Волковыска паровозом поезд. Разместились по вагонам и поехали на Лиду. Возле Скрибовцов нас опять разбомбили. Налетело три самолета. Один из них бомбил поезд, а два других били из пулеметов по разбегающимся в стороны людям. От звука низколетящих самолетов так стало больно ушам, что я заткнула их пальцами. Пролетев из одного конца эшелона в другой, самолеты разворачивались и вновь сеяли смерть среди беззащитных женщин и детей. Наученные горьким опытом, все понеслись под защиту леса. Сколько нас бомбили, не знаю. Нам тогда казалось, что целую вечность. Израсходовав боекомплект, самолеты улетели. Я долго еще боялась приблизиться к разбомбленному эшелону, а когда, наконец, подошла, то встретила нашего руководителя Федора Павловича Харочкина, оставшегося собирать разбежавшихся детей. Нас собралось всего десять человек, среди которых еще трое из Волковыска – моя соседка Алина Пономорева, девочка из Козьих Гор Галина Осташик и, самый младший из нас – Володя Малышко. Среди убитых оказался мальчик по фамилии Козей, живший в Волковыске по улице Мицкевича.

По шпалам пошли на Лиду. Когда начало смеркаться, попросились в деревню на ночлег. Разобравшие измученных детей по хатам, сельские жители, наутро не хотели нас отпускать:

- Куда вы пойдете? Переждите у нас лихую годину!

Харочкин ни за что не соглашался оставлять нас, видимо считая, что война скоро закончиться и детям легче будет пережить ее в тылу. Тогда ни у кого и в мыслях не было, что она может затянуться на долгие четыре года. Опять идем. На этот раз без багажа. Поняв, что не под силу нести груз, оставили свое добро в деревне, взамен взяв на дорогу еду. Было за полдень, когда, не доходя какого-то леса, нашу группу обстреляли из пулемета. Все бросились на землю. Оказалось, нас принял за диверсантов наши военные. Разобравшись, красноармейцы приютили всех на ночь у себя, пообещав утром помочь добраться до Лиды. Съездив в Лиду, они узнали, когда будет эшелон на восток, заодно, привезши нам одеяла и резиновые тапочки с местной обувной фабрики, так как некоторые из нас были босыми, растеряв свою обувь при бомбежке. Ночью нас разбудили, и на машине доставили к поезду.

К обеду поезд прибыл в Минск. Было 26 июня. Город горел. На станции «Минск Товарная» в наш эшелон загрузили раненых. На соседних путях, под охраной конвоя, стоял эшелон с высылаемыми людьми из западных областей Беларуси. Их путь лежал в Сибирь. Такие же эшелоны с невольниками мы видели и на других станциях. В Орше к нам опять добавили раненых» [4].

Тамара Бжазковская попала в Пензенскую область и до освобождения Беларуси провела три года в колхозе. Училась в школе, работала, голодала. Все это время родители считали ее погибшей.

Николай Табаков или как воевали ВОЛКОВЫССКИЕ КОММУНИСТЫ

Из воспоминаний Николая Табакова не совсем ясно когда он покинул Волковыск, хотя в заявлении в бюро Волковысского РКП(б)Б от 28 февраля 1953 г. дата приводится конкретная: «До того, как оставить город, я два раза лично связывался с товарищем Пономаренко по телефону и получил от него указания по наблюдению и мерах против воздушно-десантных операций противника. Выполняя указания тов. Пономаренко, я успел связаться по селектору с Белостоком, но доложить результаты уже не смог, т. к. связь с Минском была прервана. Невозможно было связаться и со Слонимом.

Из Волковыска я ушел последним в ночь на 26 июня 1941 г. Находившийся со мной работник обкома партии тов. Доровко уехал вместе с командой юющим пограничными войсками

Белостокской области комбригом Курлыкиным» [5].

Но даже если верить этой дате, все равно Табаков покинул город не последним. Немцы войдут в город только утром 29 июня, т.е. через три дня. И все эти три дня и три ночи через город и мимо его шли на восток отступающие войска и беженцы.

Пришлось идти пешком и Николаю Табакову. Из воспоминаний Николая Табакова (продолжение): «Иди днем по магистрали было невозможно – немецкие стервятники спускались до бреющего полета и расстреливали из пулеметов идущих и едущих людей, пришлось поэтому пробираться проселочными дорогами.

Минуя Зельву, в лесу встретились мне разбитые фашистской авиацией танки и машины 7-й танковой дивизии генерал-майора Семена Васильевича Борзилова. Его самого и комиссара бригады я хорошо знал лично. Обойдя стороной Слоним и Барановичи, взял направление на Снов, где председателем сельского совета работал мой брат Владимир. Рассчитывал с ним встретиться, но его там уже не оказалось.

По путинне пришлось быть на небольшом железнодорожном полустанке Погорельцы. То, что я там увидел, не поддается никакому описанию. Кровь застыла в жилах, и я буквально осталбенел и не сразу пришел в себя. С западных районов со стороны Бреста шел большой железнодорожный состав, груженный семьями, подлежащими выселению из западных областей Белоруссии. В вагонах находились в основном женщины, дети и старики. Эшелон этот на полустанке обнаружили фашистские стервятники и на бреющем полете в несколько заходов расстреляли его из пулеметов и пушек. В вагонах и на большой площади против разбитого эшелона лежало множество трупов детей, женщин и стариков. Стервятники расстреливали и тех, кто, спасаясь, сумел выскочить из вагонов и пытался убежать в поле. На всю жизнь врезался в память этот невыразимо дикий кошмар» [6].

Не стоит сомневаться, что увиденное поразило Табакова. Только в этих же самых воспоминаниях он бегло упоминает, как сам приложил руку к депортации населения Волковыска и района: «Особенно много пришлось поработать по выявлению и выселению за пределы Белоруссии осадников, щедро напичканных польскими властями на восточных «крэсах», полицейских, лесников, сотрудничавших с полицией, и других непримиримых врагов советской власти. Эта работа требовала исключительной классовой бдительности» [6]. Тогда он не чувствовал жалости, а ведь так же как и теперь тогда высыпали и детей, и женщин, и стариков. Впрочем, возможно, без Табакова не обошлась и последняя предвоенная депортация 21 июня в Волковыске.

Так и не успев добраться домой, Николай Табаков с Надеждой Бортник очутились в тылу у немцев. Боясь попасть с документами и оружием в плен, вместе закопали пакет с личными документами, в том числе и с партийными билетами, в нору крота. Личный пистолет Табаков засунул в полуистлевший пень и запомнил приметы этого места. Сам же проился в деревню, где жила семья его жены. Там уже находились ранее отправленные из Волковыска жена с детьми. Весной 1942 г. он переехал с семьей в поселок к своей матери, проживающей в одной из деревень Копыльского района. Бывший чекист и партийный работник в конце 1942 г. устроился на работу в восстановительный поезд. Вместо того, чтобы уйти в партизаны и самому подрывать немецкие эшелоны, Табаков восстанавливал железнодорогу, разрушенную партизанами, да подымал с откосов паровозы с вагонами, ставя их обратно на рельсы. Так он «помогал» победе до самого освобождения Минчины от немцев. Однако, как следует из воспоминаний Николая Табакова: «Я беспрерывно поддерживал тесную связь с партизанами, выполняя серьезные поручения, что, по их мнению, было гораздо ценнее, нежели мое личное пребывание в отряде, куда я по существовавшей договоренности должен был уйти со всем семейством только в момент неотвратимой опасности. Попытки предательства, и какой бы-то ни было связи на почве работы в пользу немцев со стороны отдельных лиц из местного населения, беспощадно пресекались, вплоть до физического уничтожения не только самого виновного, но всех членов его семейства. Эти меры спасали многих советских людей от виселицы и расстрела» [7].

Вот, оказывается, чем Табаков занимался в годы оккупации – со своим богатым опытом борьбы с врагами народа он нужнее был среди местных жителей, а не в партизанском отряде. И если кто-то из его земляков был заподозрен в лояльности к немецкой власти, то с помощью Табакова уничтожалась вся семья, включая и малых детей. Табаков сам решал, кто являлся потенциальным предателем, сам выносил смертные приговоры и, возможно, сам расстреливал под корень семьи своих земляков – от детей до стариков. Был в одном лице следователем, судьей и, возможно, палачом. А ведь о том, кем был Табаков до войны, наверняка знала вся его родная деревня, да и не только она одна. Узнай об этом немцы, и Табакова бы расстреляли. Вот он и содействовал в уничтожении ненадежных людей. Так что не о советских людях заботился Табаков, а в первую очередь о себе и своей семье. Уж очень сильно не хотелось ему идти в лес к партизанам.

В июне 1944 г. его призвали в армию, но и здесь Табаков пристроился недурно – в инженерно-саперную бригаду – поближе к командованию. О том, как воевал бывший партийный работник, красноречиво говорит следующий отрывок из его воспоминаний: «Некоторое время спустя после зачисления в батальон, я написал в политотдел бригады заявление, в котором подробно изложил все о себе, указав номер партбилета, зарытого в первые дни войны. Политотдел запросил отдел партучета ЦК ВКП(б). Вскоре из ЦК пришел ответ, подтверждающий мою принадлежность к партии.

...В один из дней передышки посыльной командир бригады передал мне приказ немедленно явиться в штаб по какому-то срочному делу. К моему приходу там находились командир бригады Антонов и начальник политотдела Стеблецов. После моего доклада о прибытии Антонов развернул карту и обратился ко мне: «Табаков, покажите на карте место, где вы зарыли партбилет». Я быстро сориентировался по карте и указал место. Антонов пробежал глазами по карте, что-то прикидывая, и потом спросил: «Сколько времени вам понадобиться для поездки туда и обратно? Две недели хватит?» Я ответил утвердительно. Я как мог, поблагодарил комбрига, и в тот же день с оформленными отпускными документами выехал домой.

На роковое место захоронения документов я поехал с женой и, хотя за прошедшие несколько лет оно заметно не изменилось, но памятную мне небольшую горушку все же нашел. Обшарили мы с женой всю предполагаемую площадку, все места исползал на коленях, все перебрал и перешупал руками, но тщетно – документов не обнаружил...» [6].

Что в первую очередь поражает в данной ситуации, так это участие в разборках по поводу пропавшего партбилета Табакова самого командира бригады. Как будто у него не было на тот момент более важных и срочных дел. А тут собрались над штабной картой и разрабатывают важную тактическую операцию по поискам билета, и, как результат, дают только что начавшему службу рядовому Табакову на поиски бумажки целых две недели отпуска. И это когда обычновенный солдат, провоевав на фронте, ни чета Табакову, многие месяцы, а то и годы, на отпуск не имел никакого права. Только благодаря ранению фронтовик мог отдохнуть на больничной койке. А здесь, пожалуйста, езжай, дорогой ты наш! Без партбилета никак нельзя воевать! Чего доброго и на передовую пошлют! И, что примечательно, не мог Табаков за три года немецкой оккупации выбрать свободного времени и вынуть из кротовой норы партбилет. Тогда он ему не был нужен. А тут, поди ж ты, на фронте прижало, вспомнил! А все дело в том, что партийный билет для Табакова на фронте сродни бронежилету – с ним в теплом mestechke провоевать можно было до конца войны с минимальным риском для жизни. Не знаю, как на самом деле воевал Табаков без «бронежилета», но о своих подвигах в воспоминаниях он скромно умалчивает.

Да и после войны при помощи чудодейственной бумажки Табаков рассчитывал вновь сесть трудовому народу на шею. Однако после войны Табакова в Волковыске на партийную работу не взяли – ну как же, священную книжечку коммуниста не сберег. И это несмотря на то, что всю свою сознательную жизнь Табаков боролся с врагами советской власти. Но хлебное место бывшие соратники по партии ему все же обеспечили. До пенсии Табаков проработал

на различных руководящих должностях в строительных организациях. Все это время не прекращал писать заявления в высшие партийные инстанции с просьбой восстановить его партийный стаж с 1929 г., но получал отказы.

А что же стало с директором маслозавода Надеждой Антоновной Бортник? 16 октября 1944 г. ее персональное дело рассматривалось на бюро райкома партии в городе Волковыске [8,с.42]. Н.А.Бортник, 1900 г. рождения, уроженка деревни Крупица Минского района, белоруска, член ВКП(б)Б с 1930 г., образование низшее. Вот что говорилось в составленной на ее характеристике: «...Не доходя семи километров до деревни Крупица, была настигнута немцами. Отойдя в сторону от шоссе, по которому двигались колонны немецких войск, на сенокосе, вынув спички, сама лично сожгла все документы, в том числе и партийный билет.

(Между тем, если читатель обратил внимание, показания Бортник и Табакова о том, как Бортник избавилась от партийного билета, в корне расходятся. – Н. Б.)

3 июля прибыла в Крупицы, по месту рождения, где остановилась у своих сестер. До мая 1942 г. жила исключительно на их иждивении, так как не могла работать по состоянию здоровья. В конце мая по заявлению односельчанина, в котором тот утверждал, что она является коммунисткой, была арестована местной полицией и просидела в заключении три дня. Была выпущена благодаря свидетелям, которые доказали, что никогда коммунисткой не являлась (здесь следует уточнить – благодаря не свидетелям, а лжесвидетелям. Но, как говорят, ложь во имя спасения хорошего человека – святая ложь. – Н. Б.). При обыске обнаружилось, что никаких документов не имеет, и ей грозил вывоз на каторжные работы в Германию. Через третье лицо достала немецкий паспорт и устроилась работать уборщицей в местной средней белорусской школе. Здесь через учеников завязала связь с партизанами. По заданию партизанского отряда связные отряда предложили ей работать сторожем на мельнице, что она и сделала. Через нее партизаны имели возможность молоть рожь и снабжать хлебом партизанский отряд. Это было в июне 1943 г. В декабре этого года гестапо арестовало всех работников мельницы, а ей удалось скрыться.

...9 декабря 1943 г. прибыла в партизанский отряд им Ворошилова, но вскоре заболела двусторонним воспалением легких и пролежала до февраля 1944 г. За весь период этого времени находилась на иждивении и лечении партизанского отряда. После выздоровления ей предложили выполнять несложные задания – вязание и починка носков, перчаток, белья, что она и делала. Иногда командование отряда поручало ей более сложные задания, на что имеет справку. После освобождения этой местности частями Красной Армии тов. Бортник обратилась в наркомат мясомолочной промышленности БССР, и ее послали работать директором Волковысского раймаслопрома, где она работает по настоящее время» [8,с.42].

Учитывая заслуги Н. А. Бортник, и то, что партийный билет она не закопала, а якобы сожгла, ее оставили в рядах коммунистической партии.

А как проявили себя во время войны остальные предвоенные коммунисты Волковыска и Волковысского района? В бывшем партийном архиве имеется справка о движении состава Волковысской районной парторганизации во время войны по состоянию на 23 декабря 1944 г. Из нее узнаем, что «К началу войны состояло на парту чете 193 членов ВКП(б) и 102 кандидата. Всего – 295 человек. Из них мобилизовано в РККА – 10 членов и 20 кандидатов. Всего – 30 человек. Направлено в подпольные парторганизации – членов 57, кандидатов 13. Всего – 70. Выбыло по эвакуации – членов 57, кандидатов 13. Всего – 70. Убито и умерло, в том числе находившихся в партизанских отрядах и подпольных организациях – 5 членов и 3 кандидата. Всего – 8. Осталось на оккупированной территории без спецзадания – 15 членов и 5 кандидатов. Всего – 20. Уничтожило партийные документы – 17 человек. На момент отчета рассмотрено 9 заявлений из 17. Из них исключено из партии – 6 членов и 1 кандидат. Всего – 7. Оставлено в партии – 2 человека. Добровольно зарегистрировался в гестапо, что он коммунист из 20 человек всего один» [9,с.2].

Давайте проанализируем данные цифры. Неизвестно, как и где воевали 30 волковысских коммунистов, мобилизованных в Красную Армию. Также неизвестно, как

работали в подполье и боролись с врагом 70 человек. Одно только известно, что подавляющее большинство коммунистов составляли мужчины, а не женщины. Так вот, из 295 человек за время войны (до окончания войны оставалось четыре месяца) волковысские коммунисты образца 1941 г. потеряли (погибло и умерло) всего 8 человек, считая и тех, кто попал в РККА. И это на фоне тех солдат и офицеров, начавших войну в 1941 г., из которых к концу войны остались в живых считанные проценты (в источниках сообщается о 3 %). Поразительно в этих цифрах и то, что не один из коммунистов не пропал без вести, т. е. не попал в плен. Значит, отступали на восток в самых первых рядах, в то время как многие сотни тысяч красноармейцев прикрывали собой их бегство и оказались в окружении. Цифры погибших волковысских коммунистов говорят сами за себя и красноречиво показывают, как они «воевали» и при наступлении. А «воевали» штатные коммунисты при штабах, в политотделах и в иных местах, как можно подальше от передовой, где не рвались снаряды и недолетали пули. Но читатель может не сомневаться, орденов на свою грудь за мнимые подвиги навешали больше иных боевых офицеров. А после войны живые и здоровые опять сели на шею трудовому народу и продолжали учить их как жить, загоняя в колхозное рабство. Да еще тех жителей, кто по их же вине остался под немецкой оккупацией, сделали людьми второго сорта.

Наверняка последует гнев и возражения современных идеологов и бывших партийных функционеров, руководивших народом до недавнего времени. Кое кто из них руководит и по ныне. Они приведут цифры о десятках и сотнях тысяч погибших на фронтах коммунистов. Но они не уточнят, что это были за коммунисты, которых принимали в партию в перерыве между боями в окопах или перед самой атакой на врага. Их уговаривали, а иногда и заставляли написать заявление в партию. Иногда они сами писали и такое: «Если погибну, считайте меня коммунистом!». Но это были совершенно другие коммунисты, и прикрываться ими не стоит. Не стоит прикрываться и боевыми офицерами, многих из которых обязывали вступить в партию. Иначе продвижения по службе им было не видать. Вот как пишет в своей книге про штатных партийных функционеров на войне боевой офицер и коммунист Александр Пальцын: «Разгадывали мы их без особого труда. Были они, эти люди, откровенно чужеродными в среде боевых офицеров, над ними скрыто подтрунивали, их сторонились, но с них – как с гуся вода» [10, с.168].

А вот что пишет о политработниках фронтовик, капитан, командир артдивизиона Петр Михин: «Они постоянно сидели в тылах дивизиона, на кухнях или в штабе. Не бывали даже на огневых позициях батарей, которые находились далеко на передовой. А наблюдательные пункты, откуда виден противник, за всю войну ни один из них так и не посетил. К передовой, где идет бой, ближе, чем за три километра, они не приближались. ...За три года моего пребывания на передовой, среди пехоты, я ни разу не видел вместе с солдатами в бою ни одного политработника нашей дивизии» [11, с.500-502].

Но вернемся к нашим, волковысским, коммунистам. На том же партийном заседании, на котором рассматривалось дело Бортник, рассматривалось и дело по восстановлению в партии Николая Табакова, правда, без его личного присутствия. Вот как он сам описывает то обсуждение в своем восстановлении: «Как оказалось впоследствии, причиной моего исключения из партии послужило клеветническое заявление бывшего члена партии Стульбы, который написал о том, что он якобы приходил ко мне из партизанского отряда и предлагал идти в партизаны, от чего я якобы отказался и «даже упал в обморок». Заявление это от начала и до конца клеветническое, как и сам Стульба клеветник и провокатор, исключенный за это из партии. В действительности имел место случай, когда ко мне по поручению разведки из партизанского отряда Воробьева приходила группа товарищей за оружием, среди которых был и Стульба. Он со мной не разговаривал, а только удосужился стянуть полушибок моей матери» [12].

Где здесь правда, а где вымысел, сейчас не узнать. Известно только то, что сам Иосиф Adamovich Стульба, в отличие от Николая Табакова, воевал на фронте с самого начала

войны, а потом испытал все «прелести» партизанской жизни.

Воспоминания бывшего партийного деятеля районного масштаба Николая Табакова попали к автору данной книги совершенно случайно. Находясь они в государственном архиве, читатель никогда не узнал бы таких откровенных и разоблачающих подробностей о коммунистах, так как воспоминания партийных и советских работников, равно как и их личные дела, исследователям для изучения не выдаются.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Из дневника Вероники Тресенберг. Третий день войны: «24 июня. Вторник. Город бомбардируют без перерывов. Советы увозят свои семьи на восток. Вагоны и платформы облеплены людьми. Красная Армия удирает без оглядки. Среди военных царит паника. Не знают даже, где находится враг и вообще, что делается вокруг».

Уходили на восток не только партийные и советские работники, но и те, кто открыто поддерживал эти два предыдущих года советскую власть. В отличие от начальства, они не могли рассчитывать на машины, а шли пешком. Вспоминает житель Волковыска Леонид Иосифович Сурмач, 1923 г. рождения: «Отец мой «за поляками» работал простым плотником, а мать богатым жidам белье стирала. До революции отец одно время жил в России в зажиточной деревне. Думал, когда придут Советы, то такая жизнь будет и здесь. Поэтому всюду хвалил советскую власть и ждал ее прихода. В 1939 г., когда в город пришли первые Советы, всей душой поддержал их, хотя и остался работать плотником. С началом войны, боясь мести за свою активную поддержку большевистской власти, повесил каждому из членов семьи за плечи торбу с продуктами и одеждой, и всей семьей двинулись на восток. Я же, дойдя до Зельвы, передумал и вернулся. Отец во время войны очутился опять в России и увидел, что большевики натворили с деревней. Вернувшись по войне домой, сказал мне: «Это нищая страна и бедный в ней народ» [13].

После позорного бегства из Волковыска партийных и советских работников отдельные воинские части, как могли, выполняли свой солдатский долг. Находились командиры, которые в создавшейся катастрофической обстановке не растерялись, не поддались панике, а давали достойный отпор врагу. Рассказывает жительница Волковыска Софья Иосифовна Бердик, жившая тогда в деревне Озериско, что в десяти километрах южнее Волковыска: «В среду, 25 июня, в нашей деревне расположились бойцы Красной Армии во главе с генералом. Приехал он во двор нашего дома со стороны Волковыска вместе со своей дочерью на легковой машине. Немецкий десант, захвативший соседнюю деревню Коревичи, обстрелял наш дом из пушки. Видно, заметили в бинокль, что не простой офицер. Машину посекло осколками, а старую грушу дичку,росшую в саду, вырвало с корнем. Такой хороший человек генерал был. Помню, что родом с Украины и звать Андреем. Ночевал в нашем доме. Утром я принесла ему молока, меда, хлеба. Открываю дверь в его комнату, а он по телефону кому-то приказывает: «Во что бы ни стало выбить немцев из Коревич!». Наскоро перекусив, сам уехал на передовую. Немцев из Коревич выбили и отогнали до самого местечка Порозова. К нам назад генерал уже не вернулся» [14].

Разгадка фамилии генерала «Андрея» возможно, кроется в следующем документе:

«Боевое распоряжение штаба Западного фронта от 23 июня 1941 г. командиру 121-й стрелковой дивизии насосредоточение дивизии в район фольварка Борки, деревень Кобыляки, Рупейки.

Особо секретно.

Слоним. Командиру 121-й стрелковой дивизии.

Командующий войсками фронта приказал немедленно поднять дивизию по боевой тревоге и двумя ночными маршами выйти в район фольварка Борки, деревень Кобыляки, Рупейки. Заместитель начальника штаба Западного фронта Семенов.

На документе отметка: «Отправлен 23 июня 1941 г. в 21 час 50 минут» [15].

Назначенный район дислокации как раз находился возле деревни Озериско. Фамилия генерала 121-й дивизией была П. М. Зыков. В какой степени выполнила дивизия поставленную перед ней задачу, неизвестно.

Штабом Западного фронта 25 июня была послана к Волковыску и еще одна дивизия. Вспоминает А. М. Сандалов, в июне 1941 г. полковник, начальник штаба 4-й армии: «Многие командиры и начальники отдавали совершенно не соответствовавшие обстановке приказы и распоряжения. Так, штаб фронта при постановке задачи 155-й стрелковой дивизии на выдвижение, не информировал её об обстановке. Командирам дивизии просто приказали: «К утру 25 июня выйти в Волковыск». Поэтому дивизия совершила марш так, как это делалось при выходе в лагерь. Войска взяли с собой учебные приборы, указки для занятий и т. д. Походные колонны организовывались без учета возможного столкновения с противником и ведения самостоятельного боя. Охранение и разведка на марше почти отсутствовали. При столкновении с противником дивизия понесла большие потери и начала отступать» [16, с.129].

Волковыск с небольшими перерывами продолжали бомбить каждый день с утра и до вечера. Вспоминает жительница Волковыска Анна Ивановна Жабицкая, 1924 г. рождения: «Наша семья жила на улице Широкой, где сейчас новая церковь построена. Там перед войной стояло очень много домов, но все они в первые дни войны сгорели. Остался лишь один наш. В промежутках между бомбежками, когда вокруг горели соседние дома, отец надевал телогрейку для защиты от огня и лез на крышу своего дома. Снизу мама подавала ему ведра с водой, и он поливал ее, делая влажной и не горючей. На случай пожара все вещи из дома вынесли на соседний огород. Сами прятались в подвале. Он у нас большой был, в нем и соседи-евреи скрывались. В это время некоторые мародеры бегали по опустевшим еврейским домам и искали золото. Сосед-милиционер все время говорил, мол, Бога нет. А как прибежал к нам в подвал во время бомбёжки, то все время причитал: «Боже, упаси!». Другая соседка, прибежав в подвал, когда с неба сыпались бомбы, вдруг спохватилась: «Пустите меня! Я гитару забыла!»

В бывшем гарнизонном костеле Советы устроили вещевой склад, то вещи со склада люди мигом растащили. Сосед-еврей, по фамилии Вильк, принес на сохранение маме шубу и кое-какие другие вещи, а сам с семьей решил уйти от войны на восток:

- Может, вернусь, пани Жабицкая, может, нет, но сохраните, пожалуйста!

После войны вернулся, и мама все ему отдала. Он за это ей руки целовал.

В оккупацию мы держали хозяйство: коня, корову, свиней. Выращивали овощи на огороде. С этого и жили» [17].

Немецкие самолеты бомбили Волковыск не только днем, но и ночью. Вспоминает бывший военный инженер 3-го ранга Петр Николаевич Палий, перед войной находившийся на станции Черемха на строительстве УРОВ (укрепленных районов). Со вторника на среду, т. е. с 24 на 25 июня, колонна инженерных войск, в которой находился Палий, под прикрытием ночи выехала из Изабелина на Волковыск и дальше на Зельву:

«Когда колонна УРА подошла к окраине Волковыска, начался налет. Сперва были сброшены осветительные ракеты, которые повисли над городком на парашютах, освещая все как днем. Свет был настолько сильным, что можно было бы без труда читать. Дорога была в поле, и скрыться колонне было негде, началась паника. Пузырев приказал всем машинам повернуть прямо на распаханные поля и по возможности разъехаться подальше одна от другой, а сам, в ватной куртке, надетой поверх шинели, и в шлеме, отбежал от дороги и лег у кустов.

(Генерал Пузырев один из начальников укрепленного района Западного Особого военного округа. – Н. Б.).

Самолеты сбрасывали бомбы и еще что-то, что медленно, как блестящие в свете ракет хлопья, оседало на землю. В городе сразу начались пожары. Сразу во многих местах. Самых

самолетов видно не было, так как они были выше осветительных ракет. Город был немного ниже дороги, и вся картина гибели его была хорошо видна. Защиты не было никакой. Ни одного выстрела с земли, ни одного самолета обороны. Немцы покружились над горевшим Волковыском минут десять и улетели... Город пыпал, как костер.

Потребовалось много времени, пока снова удалось собрать на дорогу машины. Несколько грузовиков пришлось бросить на полях, так как они безнадежно застряли в песке и грязи. Людей перегрузили, слили бензин и поснимали запасные колеса. К Зельве подошли под утро» [18].

Четвертый и пятый дни войны

Из дневника Вероники Тресенберг. Четвертый и пятый дни войны: «25 июня. Среда. Все кто живой в панике покидают город. Убежавший из хлевов скот ревет и бродит по улицам. Пожар непрекращается, сила его даже увеличилась. Иногда в горящих домах слышны взрывы – возможно, взрываются припрятанные боеприпасы к оружию.

26 июня. Четверг. Самолеты налетают на город каждые пятнадцать минут, сбрасывая на дома бомбы, сея смерть и разрушения. Человек не уверен будет ли жив через час. Мы собирались возле стены дома и молимся».

Кому же противостояли части Красной Армии в окрестностях Волковыска? Какие войска из немецкой армии непосредственно наступали в направлении Волковыска и захватили его? Далее приводятся выдержки из воспоминаний немецкого генерала Германа Гейера «9-й армейский корпус в Восточном походе 1941 года». Именно 137-я и 263-я дивизии из состава его корпуса наступали на наш город. Командовал 137-й дивизией генерал-лейтенант Бергман, а 263-й – генерал-лейтенант Хекель: «26 июня. Я приказал 137-й и 263-й дивизиям продвигаться как можно быстрее. 137-я дивизия должна была обойти с двух сторон Мстибово, а 263-я дивизия пройти западнее.

...27 июня можно было назвать решающим днем. Штаб корпуса еще 26 июня переместился в Лозинку – в 10 километрах к юго-востоку от Нарева. Рано утром 27 июня он должен был спешно отправиться в Свислочь. Я встретил 263-ю дивизию на марше по освобожденному пространству, а около 7.00 повстречал подразделения зачистки 137-й дивизии во Мстибово.

В 9.30 я связался из Свислочи по телефону с командующим армии и сообщил, что в 6.00 мы захватили главную трассу Белосток-Волковыск и хотели бы продвигаться дальше на север.

...Мы сомневались, стоит ли переносить штаб в Свислочь. В южных частях города все еще оставались русские. Однако сейчас не имело смысла тратить время на уличные бои – важнее было захватить дороги и мосты. И все же я приказал перенести штаб поближе к фронту в полутора километрах южнее Мстибова» [19, с.66-67].

Как известно, поселок Мстибово находится всего в 15 километрах западнее Волковыска. К сожалению, генерал не описывает в какое время, и как был взят сам Волковыск. Сообщает лишь, что 29 июня «В Волковыске положение было достаточно простым. Его удерживали 137-я дивизия и часть 7-го корпуса». Из этого следует, что боев за Волковыск не велось. И далее: «Я доложил в штаб армии о том, что 27 и 28 июня мы ни разу не находились в серьезном положении, поскольку пути отступления русских от Волковыска можно было проследить так же, как во Фландрии и Франции. Там скопилось столько танков, орудий и повозок, что это не могло не вызвать удивления» [19, с.72-73].

О тех страшных днях вспоминает житель Волковыска Ян Карлович Былинский: «Утром, в воскресенье, 22 июня, в городе чувствовалась суматоха, хотя, что идет война, еще не объявляли. По городу носились машины, а в небе летали «кукурузники». Мы жили недалеко от центра города по улице Замостянской (сейчас Зенитчиков), возле железнодорожного перекрестка. В понедельник нас разбудили разрывы бомб. Отец, приказав нам спрятаться в

подвале, поспешил на работу в паровозное депо. Возле переезда на улице Мицкевича повстречал женщину с двумя маленькими детьми. В откосе валялись их подвода с вещами и убитая лошадь. В это время со станции Волковыск Центральной на городской вокзал мимо прошел пассажирский поезд. Отец подхватил одного ребенка на руки, и вместе побежали догонять его. Успели. Но все вагоны были забиты до отказа. Женщину с ребенком кое-как затолкнул в двери вагона, а второго ребенка пришлось просовывать через окно. Не успел отдохнуться, как поезд тронулся.

В районе современного хлебокомбината стоял дом на два конца семьи католиков Маковских, выехавших после войны в Польшу. В одной половине снимала квартиру семья советского командира с одной «шпалой» в петлицах – капитана. Когда началась бомбежка, жена с двумя детьми выбежала из дома, и спрятались между грядок в огороде. Одна из бомб снесла их половину дома, уничтожив весь скарб. Оставшись ни с чем, женщина принялась во весь голос причитать:

- Господи, спаси! Господи, помилуй! – в это время появился муж.
- Молчи, сука! Застрелю! Не подымай паники!

Вскоре он где-то раздобыл машину, усадил в нее жену с детьми и вместе с другими командирскими семьями отправил их на восток.

В понедельник сгорел дом моей бабушки, находившийся недалеко от нашего дома. Загорелся соседний литейный завод, но особенно ожесточенно самолеты бомбили центр города. Никакой военной необходимости бомбить центр города не было, а бомбили его только из-за евреев, ведь весь центр занимали еврейские кварталы. Также старались уничтожить входные и выходные стрелки на железной дороге с целью задержания движения поездов. Но каждый раз стрелки восстанавливали.

В то же время бомбежке не подвергались все железнодорожные мосты, паровозное депо, мясокомбинат, заготзерно, где находились продовольственные склады. Не бомбили то, что немцам самим вскоре должно было понадобиться, тем более, что бомбежку координировали с земли немецкие разведчики. Когда отец в среду пошел к знакомому железнодорожному мастеру, жившему возле путей, то обратил внимание на элегантно одетого командира Красной Армии. В коверковой гимнастерке, чисто выбритый, в фурражке и начищенных до блеска сапогах, своим внешним видом в корне отличался от тех, кто удирал на восток. На наших командиров глядеть было жалко: в каком помятом и запыленном виде они находились! Бриться им тоже было некогда.

В пятницу наш сосед, молодой мужчина, не выдержав бомбежек, стал убегать с семьей за город в деревню Баченцы. На перекрестке, при выезде из города, где сейчас установлен на постаменте самолет, его остановил командир.

- Ты куда?
- Ой! Сегодня немец так достал, что не выдержать! Бежим в деревню прятаться!
- Не бегите! Возвращайтесь домой. Завтра все кончится.

Действительно, на завтра, в субботу бомбежки постепенно затихли, а 29 июня, в город вошли немцы.

Первые три дня бомбардировок наша семья пряталась в вырытых неподалеку путей окопчиках. Решили, что так будет безопасней, чем в подвале. Тем более, недалеко от нас бомба упала на дом, стоявший на месте, где сейчас находится хлебокомбинат. В подвале дома прятались евреи: мать с сыном. Мать сумели вытянуть, а сын так и остался погребенным под руинами дома.

Напротив современного магазина «Книги», где сейчас сквер, перед самой войной в 1939 г. еврей открыл пекарню. Рядом с пекарней стоял дом католика Тимошки, возле которого на скамейке любили собираться старики и, покуривая, рассказывали друг другу разные байки. В самый первый налет немецкой авиации на город зажигательная бомба пробила крышу пекарни и упала вовнутрь дома. Людей, видимо, контузило, так как ни один не смог выбраться из вспыхнувшего здания. Вся семья из семи человек сгорела живьем. Под скамейку от налета

спрятался проходивший в это время красноармеец. Однако укрытие оказалось ненадежным. Обгоревший труп после налета местные жители захоронили неподалеку.

Город бомбили с промежутками весь световой день. Бомбы бросали сериями: вначале одну большую, а затем две маленьких. В четверг не выдержала и наша семья – решили покинуть горящий город. Мать нашла наместо истаршему брату карманы нарубашку и положила в них свидетельства о рождении. Каждый взял котомки с едой, и под вечер, когда прекратилась бомбежка, все двинулись из города. По обеим сторонам дороги на Слоним вплотную лежали трупы людей, лошадей с вздутыми животами, телеги, машины. Были и раненые, но проносились мимо машины их не подбирали. Вот несется полуторка, до отказа набитая военными и гражданскими людьми. Навстречу ей, подпрыгивая на одной ноге, выбегает с забинтованной ногой красноармеец. Одна палка, вместо костиля, подперта под руку, другой палкой машет водителю остановиться. Машина, не сбавляя скорости, обминает раненого и проносится мимо» [3].

Воспоминания Яна Былинского о царивших среди отступающих частей хаоса и паники, когда даже командиры бросали на произвол судьбы своих раненых, подтверждает свидетель тех дней И. С. Асташкин – узник многих лагерей для военнопленных и концлагеря Бухенвальд: «На четвертый или пятый день войны, утром, наша колонна добралась до города Волковыска. Около места нашей стоянки находился военный госпиталь, в котором было много раненых. Вероятно, персонал, поспешно все бросив, бежал, и поэтому из госпиталя к дороге двинулась колонна раненых, многие из которых были на костилях, двигались с трудом. Толпа перебинтованных и окровавленных людей остановилась на обочине дороги, многие из них стали умолять: «Братишки, не бросайте нас, заберите с собой». Никто не отзывался на мольбы о помощи. Тогда группа раненых вышла на проезжую часть дороги, перегородив ее своими телами. Несколько автомобилей с находящимися в них гражданскими людьми с разбегу врезались в толпу, раздался треск костиляй, хруст человеческих костей, образовалось кровавое месиво кричащих и стонущих людей, никто на них никакого внимания не обращал и никакой помощи не оказывал: советская власть спешила на восток. Нам также никто не приказывал забирать раненых» [20].

Остается добавить, что госпиталь находился на месте современного туберкулезного диспансера на углу улиц Мицкевича и 129-й Орловской дивизии.

Что творилось в четверг 26 июня на дороге Белосток-Волковыск, рассказывает в своих воспоминаниях Юзеф Хустэцкий, живший в деревне Прудно возле местечка Мстибово: «Под вечер в четверг после бурного дня вокруг наступила тишина. Когда подошел к шоссе, увидел колонны машин с русскими женщинами и детьми. Все грязные, запыленные, с ненавистью смотрели на меня, как будто я был виновен в их беде. Некоторые женщины держали в руках гранаты, готовые в любой момент бросить их.

...Удирают. Кто устроился на машине, а кто пешком – с детьми и без багажа. Трупы беженцев и военных лежали по откосам, в кустах, поляхи во ржи. Нередко доносился слабый писк голодного ребенка, но никто не подбирал их. Насмотревшись на все это и в конец измучившись, некоторые матери бросали своих грудных детей в воду, чтобы прекратить их страдания. Ошалевшие двигались дальше, ничего перед собой не замечая. Некоторые матери, обезумевши от голодного крика ребенка, сыпали ему в рот песок... Если бы сам этого не видел, никогда бы не поверил, что такое может быть» [21, с.64].

Жуткие воспоминания. В них отражена и сконцентрирована самая суть всей трагедии тех дней, когда люди теряли человеческий облик, и когда каждый думал только о своем собственном спасении.

Вспоминает житель Волковыска Эдуард Викторович Олешкевич: «В понедельник от бомбёжки мы бегали прятаться на соседнее православное кладбище. Считалось, что бомбить кладбище немцы не станут. И, действительно, не бомбили. С кладбища хорошо видели, как горел город. Мы даже ночью боялись ночевать дома, а находились в подвале. Только отец все время бегал смотреть за домом – боялись мародеров. Так продолжалось до

четверга. В четверг начал накрапывать дождик, и самолеты на время пропали. У соседа была лошадь, и он предложил нашей семье вместе уехать из города. Решили податься в деревню Скураты, что в пяти километрах от города по дороге на Россь. Возле железнодорожного моста у деревни Пекари лежал убитый служивый в голубой форме, но уже без сапог. Повидимому, милиционер. Рядом валялась винтовка. Отец подобрал ее и запрятал под мостом. Напротив деревни Личицы, через реку Россь, саперы ремонтировали мост, чтобы пропустить скопившуюся на западном берегу технику. Они помогли перенести детей и перевели бабушку. Лошадь с телегой переправилась вброд.

В Скуратах у нас родни не было, и мы попросились в дом к каким-то знакомым. Ночью с четверга на пятницу слышалась близкая перестрелка, а утром в огороде нашли раненного в правую руку советского командира. Привели в дом. Перевязали и дали поесть. Сидя возле самих дверей, он все время оглядывался и не решался притронуться к еде. Может потому, что вокруг говорили по-польски, и он боялся, что его отравят. Наконец, наевшись вареной картошки с кислым молоком, как бы извиняясь за свое отступление, сказал:

- Мы отступаем пешком, а они (немцы) будут драпать на мотоциклах!

Показали ему дорогу на Волковыск, и командир ушел. Чуть позже пригляделся за домом, и накормить оставшихся свиней, в город пошла и наша бабушка. В воскресенье утром вернулись домой и мы. Город дрогнул, а по его улицам ходили немецкие солдаты с закатанными по локоть рукавами. На чужих солдат глядели как на диво. Они пока никого не трогали» [22].

Недоверие командиров Красной Армии к местному населению было повсеместным. Причины такого явления хорошо известны. Вспоминает житель деревни Бердики Бовжик Генрих Михайлович, 1915 года рождения: «В июне 1941 г. красноармейцы прятались от немецких самолетов в жите. Жито скашивали и им маскировались. Некоторых местных жителей постреляли, принимая их за шпионов. Мой отец пошел глядеть жито: переживал, что пропадает. Его схватили там прятавшиеся красноармейцы. Хорошо, что поле было рядом с деревней и его привели домой проверить: действительно ли он здесь живет. Приказали их накормить. Мама накормила и еще дала с собой хлеба с салом. Другие красноармейцы заходили в деревню и за еду отдавали свои шинели, которые для них в то жаркое время оказались в тяжесть» [23].

На пятый день войны немецкие подразделения действовали в окрестностях Волковыска. Были это подвижные механизированные колонны, которые, однако, не решались войти в Волковыск. Местные жители принимали их за десант.

Один из таких «десантов» в нашей местности достиг успеха. Вспоминает бывший житель Изабелина, гражданин Польши Анатолий Ягельницкий: «До 1940 г. в Изабелине стоял автотранспортный батальон, который перебазировался под Белосток, а его место занял танково-самоходный батальон, командиром которого был майор Махмутов. Этот майор снимал в нашем доме комнату. С началом войны батальон полностью уничтожили малочисленные немецкие десантники, зашедшие батальону в тыл и тем самым, вызвавши среди красноармейцев панику» [24].

Свидетелем этого боя также был житель Волковыска Чеслав Петрович Ружанский, который в воскресенье 22 июня вместе с родителями уехали переждать войну к родственникам в деревню Трунцы: «Деревня Трунцы расположена в 3 километрах от дороги Ружаны-Волковыск. Многие красноармейцы сворачивали с основной дороги и пробирались на восток окольными путями. Часто заходили к жителям Трунцов и просили гражданскую одежду. Взамен отдавали военную форму. Все время спрашивали дорогу на Барановичи. Где-то в четверг мать решилась возвращаться в Волковыск, так как в доме остался один дедушка. В полдень выехали на своей подводе с привязанной к ней коровой. Не доехав до двух километров до Изабелина, услышали за собой ревущие в небе самолеты. Отец мигом сообразил, что если побежим в лес, то спровоцируем летчиков, и они нас могут обстрелять. Самолеты на бреющем полете пронеслись над нами, и полетели вдоль дороги дальше.

Перепуганная мать решила возвращаться назад в деревню. Вернувшись немного назад, заехали на расположенный недалеко дороги возле деревни Хоружанцы хутор. Хозяин хутора по фамилии Болонть

разрешил нам переночевать у него. Не прошло и двух часов, как на дороге показалась колонна немецких машин. Впереди у головной машины на капоте был разложен флаг со свастикой для опознания с воздуха. Колонна остановилась и несколько солдат пришли к нам на хутор:

- Матка! Млеко! Яйка! – первым делом потребовали у хозяйки.

Сняв автоматы, начали стрелять по ходящим во дворе курам. Подстрелив несколько штук, забрали с собой.

В это время со стороны деревни Хоружанцы раздался одиночный выстрел. В ответ немцы ударили по деревне из пулеметов. От зажигательных пуль загорелись соломенные крыши построек. Люди в деревне подняли крик и начали метаться.

Еще через некоторое время в Изабелине разгорелся бой. Там находились красноармейцы. Мы видели, как снаряд попал в колокольню деревянного костела, где, по всей видимости, находился корректировщик. Костел загорелся.

В Волковыск вновь решились ехать через сутки, в воскресенье. Когда проезжали через Изабелин, в середине местечка стояла подбитая полуторка, а в ней шесть мертвых красноармейцев, от которых шел трупный запах. Костел сгорел дотла. По дороге домой то и дело натыкались на разбитую советскую технику и трупы бойцов» [25].

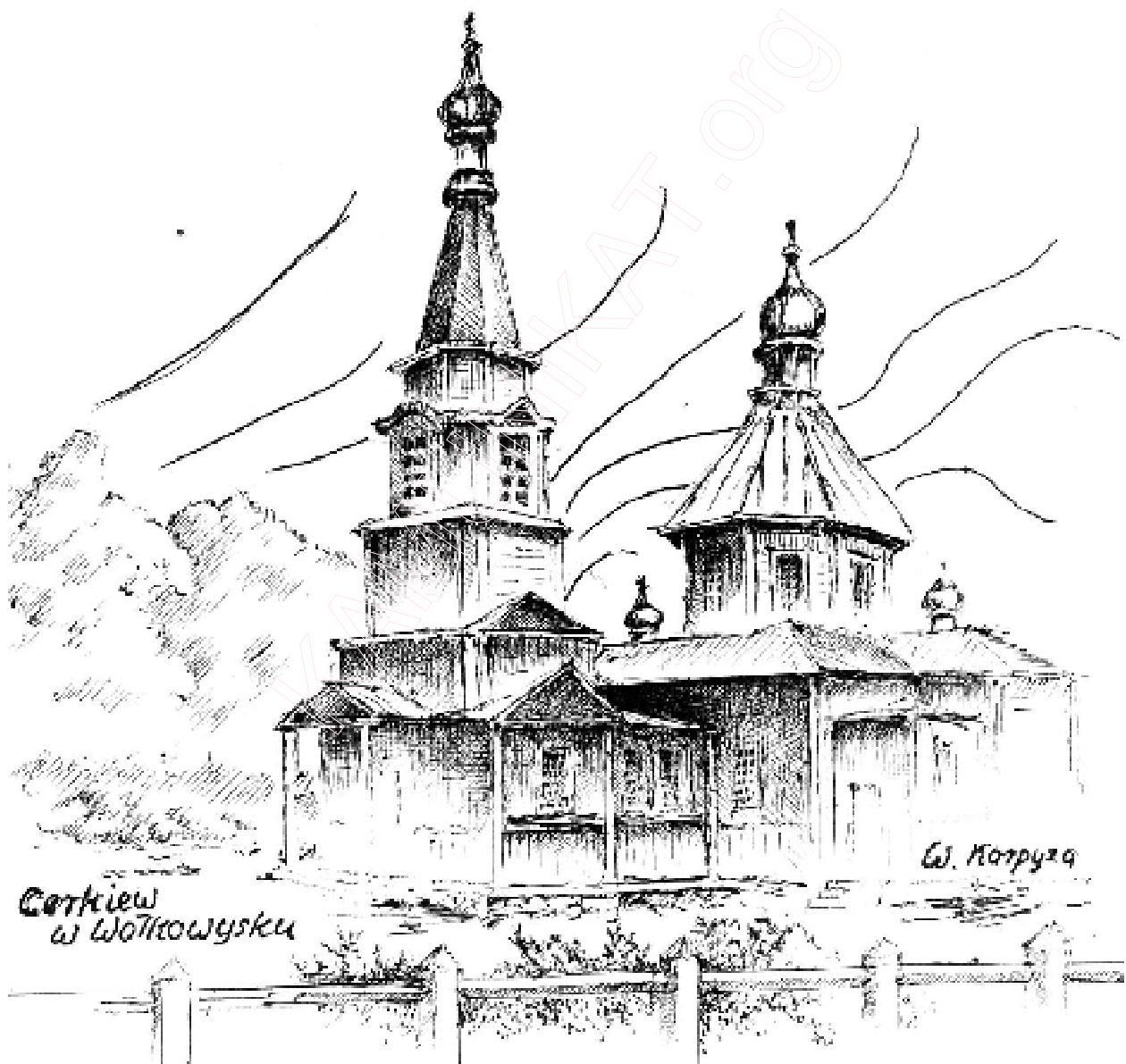
В братской могиле в центре Изабелина захоронено 223 красноармейца. Еще 212 покоятся в братской могиле на гражданском кладбище. Фамилии их неизвестные.

Источники и литература:

1. Архив управления внутренних дел Гродненского облисполкома.
2. Памяць. Ваўкавыскі раён. Мінск. БЕЛТА. 2004. А. Улітенок. Абавязак, золата і гонар.
3. Былинский Ян Карлович. Воспоминания, записанные автором. 2002. Архив автора.
4. Быховцев Николай. Расстрелянный эшелон // Местная газета. № 10 (84). 2003.
5. Копия заявления в архиве автора.
6. Табаков Николай Васильевич. О людях и о себе. Воспоминания. 1987. Оригинал в архиве автора.
7. Табаков Николай Васильевич. Из заявления в партийную комиссию ВКП(б) при политотделе 36-й инженерно-саперной Брестской бригады 10 февраля 1945 года. Архив автора.
8. Гродненский архив Общественных организаций Гродненской области (ГАООГО). Ф.15. О.1.Д.2.
9. ГАООГО. Ф.15. О.1. Д.3.
10. Александр Палицын. Правда о штрафбатах. Москва. Язуа, 2007.
11. Петр Михин. «Артиллеристы, Сталин дал приказ!». Москва. Язуа, 2006.
12. Из заявления Николая Табакова в райком партии Волковыска от 28 февраля 1953 года. Архив автора.
13. Сурмач Леонид Иосифович. Воспоминания, записанные автором. 2002. Архив автора.
14. Бердик Софья Иосифовна. Воспоминания, записанные автором. 2003. Архив автора.
15. Сайт военно-исторического общества Гродненского университета «Рубон»: <http://edu.grsu.by/rubon>
16. Сандалов Л. М. Пережитое. М. 1966.
17. Жабицкая Анна Ивановна. Воспоминания, записанные автором. 2004. Архив автора.
18. Палий Петр Николаевич. В немецком плена. Исторический интернет-сайт «Военная литература» www.militera.lib.ru.
19. Герман Гейер. 9-й армейский корпус в Восточном походе 1941 г. Москва. 2004.
20. Арон Шнеер. Плен. Интернет-сайт www.jewniverse.ru.
21. Chustecki Józef. Byłem sołtysem w latach okupacji. Warszawa. 1960.
22. Олешкевич Эдуард Викторович. Воспоминания, записанные автором. 2003. Архив автора.
23. Бовжик Генрих Михайлович. Воспоминания, записанные автором. 2007. Архив автора.
24. Anatol Jagielnicki. List do pana Witolda Karpyzy od 19.12.1990. Архив Витольда Карпзы.
25. Ружанский Чеслав Петрович. Воспоминания, записанные автором. 2006. Архив автора.

У наступным нумары

1. Аляксей Шаланда. Гербы гарадоў і мястэчак Ваўкавыскага павета ВКЛ у XVI–XVIII ст.
2. Вітальд Карпыза. Стары Дворац
3. Вітальд Карпыза. Дзіцячыя гады на роднай зямлі (працяг успамінаў)
4. Ніколай Быховіцэв. Волковыск межвоенны: промышленность и ремесло
5. Ніколай Быховіцэв. Семь суток войны (окончание)
6. Агляды Гродзенскай губерніі як крэйніца ведаў па гісторыі Ваўкавышчыны
7. Міхась Верасіла. Як я спасаў гісторыю
8. Дакументы з архіва ваўкавыскага краязнаўца Міхася Верасіла

*Драўляны сабор апосталаў Пятра і Паўла. Згарэў у чэрвені 1941 года.
Малюнак Вітальда Карпызы*